

**ИНСТИТУТ ИЗУЧЕНИЯ ИЗРАИЛЯ
И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА**

**СОВРЕМЕННЫЙ ИСЛАМСКИЙ ВОСТОК
И СТРАНЫ ЗАПАДА**

Москва 2004

СОВРЕМЕННЫЙ ИСЛАМСКИЙ ВОСТОК И СТРАНЫ ЗАПАДА
М., 2004 г.

Ответственные редакторы: **Арунова М.Р., Филоник А.О.**
Подготовка к печати **Мелехина Н.В.**

Настоящий сборник имеет целью осветить некоторые аспекты сотрудничества стран Ближнего и Среднего Востока и государств Запада на современном этапе. Проблема взаимоотношений Восток – Запад в последнее время приобрела особую актуальность. В сборнике нашли отражение проблемы политического, экономического, военного и культурного сотрудничества США и Европы с государствами Ближнего Востока, Турцией, Ираном, Афганистаном и Пакистаном.

СОДЕРЖАНИЕ

Юрченко В.П. ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ОТНОШЕНИЙ ГОСУДАРСТВ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА И СЕВЕРНОЙ АФРИКИ С США И ЗАПАДНОЙ ЕВРОПОЙ	4
Мамед-заде П.Н. ЕГИПЕТ – США: РАЗВИТИЕ ОТНОШЕНИЙ В НАЧАЛЕ XXI В.	26
Ткаченко А.А. СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ ЛИВИИ С ПРОМЫШЛЕННО РАЗВИТЫМИ СТРАНАМИ	46
Батыршин И.М. США И ИРАК: БУДУЩЕЕ МИРОВОГО РЫНКА НЕФТИ	53
Жигалина О.И. КУРДСКАЯ ПОЛИТИКА США В ИРАКЕ И ПРОБЛЕМЫ ТУРЕЦКИХ КУРДОВ	60
Жигалина О.И. БОРЬБА ИРАКСКИХ КУРДОВ ЗА ШИРОКУЮ АВТОНОМИЮ И РОЛЬ США	68
Иванова И.И. НЕКОТОРЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ТУРЕЦКО-АМЕРИКАНСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА	77
Ульченко Н.Ю. ТУРЦИЯ – ЕС: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПАРТНЕРСТВА	85
Сажин В.И. ИРАН И ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ (К ВОПРОСУ О НЫНЕШНЕМ СОСТОЯНИИ И ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ ОТНОШЕНИЙ)	102
Тутков Ю.А. К ИТОГАМ БЕРЛИНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПО АФГАНИСТАНУ	112
Сикоев Р.Р. АФГАНСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В ЕВРОПЕ И США	117
Москаленко В.Н., Мелёхина Н.В. ПАКИСТАН И ЗАПАДНЫЕ СТРАНЫ	123
Дерябина А.З. ПАКИСТАН-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ (1990–2004 годы)	138
Жмуйда И.В. ПАКИСТАН ВО ВСЕМИРНОЙ ТОРГОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ	155
Морозова М.Ю. СЕЛЬСКОЕ РАЗВИТИЕ ПАКИСТАНА: МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОМОЩЬ И ГЛАВНЫЕ ДОНОРЫ	162
Серенко И.Н. «ВЕСТЕРНИЗАЦИЯ», «ИСЛАМИЗАЦИЯ» ИЛИ ТРЕТИЙ ПУТЬ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В ПАКИСТАНЕ?	175
Приложение 1 К ВОПРОСУ ОБ ОБСТАНОВКЕ В АФГАНИСТАНЕ (ЯНВАРЬ–АПРЕЛЬ 2004 Г.)	183
Приложение 2 ОБ ОКАЗАНИИ ИНОСТРАННОЙ ФИНАНСОВОЙ И ИНОЙ ПОМОЩИ ПО ВОССТАНОВЛЕНИЮ ЭКОНОМИКИ АФГАНИСТАНА	187

**ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ
ОТНОШЕНИЙ ГОСУДАРСТВ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА
И СЕВЕРНОЙ АФРИКИ С США И ЗАПАДНОЙ ЕВРОПОЙ**

Соединенные Штаты и их партнеры по НАТО продолжают проявлять повышенный интерес к региону Ближнего Востока и Северной Африки. Параллельно с расширением Североатлантического альянса на Восток наращается его деятельность на южном фланге. На современном этапе, так и на обозримую перспективу важность региона для НАТО и Запада в целом обуславливается его существенным геополитическим, экономическим и военно-стратегическим значением.

Регион является обладателем уникальных запасов минерального сырья – углеводородов, имеющих первостепенное значение для нормального функционирования мирового хозяйства. Ближний Восток и Северная Африка расположены на пересечении главных экономических и стратегических путей, связывающих три континента – Европу, Азию и Африку. Здесь проходят морские, сухопутные и воздушные коммуникации, играющие важную роль в мировых экономических связях и представляющие ценность для стратегических перебросок войск.

В западных столицах отчетливо понимают, что стабильность и безопасность их стран находится в непосредственной зависимости от того, как будет развиваться политическая и экономическая ситуация на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Это стало еще более очевидным в связи с превращением региона в один из главных центров генерирования идей политического и религиозного экстремизма, деятельности многочисленных террористических организаций.

На сегодняшний день активно проявляют себя в странах региона такие европейские государства, как Великобритания, Франция, Италия, Германия. Однако наиболее активно, масштабно и целенаправленно действуют США. В настоящее время здесь Вашингтоном последовательно осуществляются планы реализации американских политических, экономических и военно-стратегических целей. Причем первостепенное внимание уделяется обеспечению гарантированного безопасного доступа к финансовым и энергетическим ресурсам ближневосточных и североафриканских стран. Именно с этих позиций следует расценивать войну с целью свержения режима С.Хусейна и последующие шаги американской администрации по закреплению своих позиций в Ираке, участие США в ближневосточном урегулировании

(при условии сохранения военно-технического превосходства Израиля над арабскими странами) и в противодействии распространению наиболее радикальных течений исламского фундаментализма. Важное место в осуществлении целей своей политики Вашингтон отводит развитию военного сотрудничества с государствами региона, закреплению в некоторых из них прямого американского военного присутствия.

Как подчеркивается в документе «Стратегия безопасности США на Ближнем Востоке» (1995 г.), разработанном в Пентагоне, «центральным компонентом стратегии США на Ближнем Востоке является сохранение и расширение возможностей по защите наших (американских, *В.Ю.*) интересов с использованием военной силы. Одним из аспектов деятельности в этом направлении и основным подтверждением нашей готовности к выполнению обязательств по сдерживанию региональных агрессоров является присутствие здесь в мирное время морских, военно-воздушных и сухопутных сил США».

Решение задач, связанных с военной защитой американских интересов в регионе, возложено на Объединенное центральное командование (ОЦК) ВС США (USCENTCOM), которое официально начало функционировать 1 января 1983 г. В зону ответственности ОЦК входят 25 стран Ближнего и Среднего Востока, Северо-Восточной Африки и Центральной Азии, а также акватории Персидского залива, Красного и Аравийского морей, северо-западной части Индийского океана. К странам зоны ответственности относятся: Афганистан, Бахрейн, Джибути, Египет, Иордания, Ирак, Иран, Йемен, Катар, Кения, Кувейт, ОАЭ, Оман, Пакистан, Саудовская Аравия, Сейшельские острова (с 1996 г.), Сомали, Судан, Эритрея, Эфиопия. В октябре 1999 г. в зону ответственности ОЦК ВС США вошли пять бывших советских центрально-азиатских республик: Казахстан, Киргизстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан.

Израиль, Ливан, Сирия, Турция, страны Магриба входят в зону ответственности объединенного командования ВС США в Европейской зоне.

Особое значение в отношениях со странами региона Соединенные Штаты и их западные партнеры отводят правовому обеспечению своего военно-политического присутствия, усилению своего влияния на процессы, происходящие в этих странах, расширению с ними военно-технического сотрудничества. Это, как правило, делается путем заключения двусторонних договоров и соглашений о сотрудничестве в области обороны и безопасности. Вместе с тем в целом ряде случаев отношения США и их союзников с государствами региона носят характер неформального военно-политического союза.

Предпринимаются шаги и по организации многостороннего военно-политического сотрудничества с использованием структур НАТО. Так, в 1995 г. Североатлантический альянс начал реализовывать т.н. «Средиземноморскую инициативу», предусматривающую налажива-

ние диалога между НАТО и странами Южного и Восточного Средиземноморья в рамках программы, во многом схожей с восточноевропейской программой «Партнерство ради мира». Первоначально в натовской инициативе участвовали Египет, Израиль, Мавритания, Марокко и Тунис. Позднее к ним присоединились Иордания (1996 г.) и Алжир (2002 г.). Вне диалога остаются Ливан, Ливия и Сирия.

Стремление США и их натовских партнеров втянуть страны Ближнего Востока и Северной Африки в военно-политические союзы прозападной ориентации имеет давнюю историю. Еще в начале 50-х годов США и Великобритания предприняли активные шаги по созданию так называемого Средневосточного командования, в состав которого они хотели включить представителей Египта, Сирии, Ирака, Саудовской Аравии, Йемена, Ливана, Иордании и Израиля. Однако все перечисленные государства отказались от участия в этой затее.

В 1955 г. Западу удалось создать на Ближнем и Среднем Востоке военный блок – «Багдадский пакт», в который вошли Великобритания, Турция, Иран, Ирак и Пакистан. США, формально не являясь участником пакта, принимали самое деятельное участие в работе ряда его структур, оказывали военную помощь странам-участницам, размещали на их территории свои военные объекты. После революции 1958 г. из блока вышел Ирак, а в 1979 г. после революции в Иране блок, переименованный в СЕНТО, прекратил свое существование.

На протяжении 60–80-х годов прошлого столетия военное сотрудничество стран Запада с большинством государств БВ и СА заключалось в основном в поставках оружия и техники, ее обслуживании и подготовке местных военных кадров, проведении совместных учений. Все это в большинстве случаев не давало США и их союзникам политических и юридических оснований, предусмотренных международным законодательством, для активного политического, а тем более военного вмешательства в дела стран региона.

Решительный поворот в этом вопросе произошел после оккупации Ираком Кувейта в 1990 г. и последующей операции войск международной коалиции во главе с США по его освобождению.

В первую очередь, в начале 90-х годов процесс заключения договоров о сотрудничестве с ведущими государствами Запада в области обороны и безопасности затронул членов Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ).

Вместе с тем следует отметить, что еще в 80-х годах после революции в Иране, ввода советских войск в Афганистан и начала ирано-иракской войны аравийские монархии (хотя и не сразу) стали изъявлять готовность пойти на расширение американского и иного военного присутствия на своих территориях в интересах защиты от внешнего нападения.

Это, в свою очередь, дало президенту Р.Рейгану повод сделать 23 января 1987 г. официальное заявление о том, что США гарантиру-

ют защиту стран-членов ССАГПЗ от нападений извне и внутренних переворотов. Затем последовали конкретные шаги по наращиванию американского военного присутствия в Заливе.

Таким образом, события 80-х годов в зоне Персидского залива были выгодно использованы Вашингтоном в интересах упрочения своих военно-политических позиций в регионе, превращения США в своего рода покровителя аравийских монархий.

Однако, как уже говорилось выше, перелом в военно-политических отношениях аравийских монархий с Западом произошел в начале 90-х годов и был обусловлен тем, что кувейтский кризис отчетливо продемонстрировал военную слабость аравийской «шестерки», неспособность ее членов как в отдельности, так и совместно решать задачи по защите своего суверенитета и территориальной целостности от внешней агрессии со стороны сильного противника. Характерно в этой связи мнение командующего войсками антииракской коалиции в 1990–1991 гг. американского генерала Нормана Шварцкопфа, который особо отметил несостоятельность армий стран ССАГПЗ эффективно использовать состоящую на их вооружении боевую технику, а также преобладание в их составе иностранных наемников.

Главным выводом из уроков кувейтского кризиса для членов ССАГПЗ стало то, что в деле обеспечения национальной безопасности и защиты от внешней агрессии их руководство признало необходимым уделять повышенное внимание вопросам получения гарантированной иностранной военной помощи от США, других стран Запада, а также дружественных арабских режимов. Фактически это означало отказ от ранее продекларированного организацией намерения опираться в вопросах обороны на собственные силы.

В результате в первой половине 90-х годов большинство стран ССАГПЗ заключило договора или соглашения о военном сотрудничестве и совместной обороне с США, Великобританией, Францией и Италией, а Кувейт в 1993 г. подписал соглашение о военном сотрудничестве с Россией.

Что касается договоров и соглашений, подписанных США со странами ССАГПЗ, то в них формально отсутствуют конкретные обязательства со стороны Вашингтона оказывать военную помощь аравийским партнерам в случае внешней агрессии.

Бахрейн. После получения независимости в 1971 г. эмират подписал договор о военном сотрудничестве с Великобританией, который предусматривал проведение совместных учений и оказание содействия в подготовке национальных военных кадров. Однако вскоре документ утратил свою силу.

23 декабря 1971 г. правительство Бахрейна подписало соглашение об использовании американскими ВМС на арендной основе военно-морской базы (ВМБ) Манама. В октябре 1973 г. американская база на Бахрейне сыграла важную роль в оказании помощи Израилю. Это

подорвало престиж эмирата в арабском мире. В результате власти решили изменить порядок пользования США бахрейнскими военными объектами. В июне 1977 г. соглашение было аннулировано, однако по новой договоренности американские военные корабли сохранили право захода в порты страны, а военные самолеты – право пролета в воздушном пространстве эмирата на разовой основе.

Расширение масштабов ирано-иракской войны в середине 80-х годов, развязывание ее участниками в Персидском заливе так называемой «танкерной войны» представляли непосредственную угрозу национальной безопасности Бахрейна. В этих условиях руководство страны пошло на расширение военного сотрудничества с Вашингтоном. Американским ВС было предоставлено право использования военно-воздушной базы (ВВБ) Эль-Мухаррик и ВМБ Ситра. Командование ВС США разместило в Бахрейне узел связи, пункт сбора информации со спутников, ведущий наблюдение за акваторией Индийского океана, склады военного имущества. Американским ВМС оказывалось в Бахрейне всяческое содействие, включая ремонт кораблей.

В 1992 г. Бахрейн и США подписывают соглашение по вопросам обороны и безопасности. Оно подтвердило прежние договоренности в части, касающейся доступа ВС США к аэродромам и портам страны и складирования вооружения на ее территории. Затем аналогичное соглашение подписывается с Великобританией.

В июле 1995 г. Бахрейн дал согласие на размещение на своей территории штаба 5-го оперативного флота ВМС США. В феврале 1998 г. во время подготовки удара по Ираку в Бахрейне дислоцировалась часть ударной группировки американских ВВС. В 2003 г. территория страны стала одним из плацдармов, с которого Соединенные Штаты вели военные действия против Ирака.

Вашингтон в 2002 г. заявил о готовности предоставить Бахрейну статус «союзника США вне НАТО», что позволит значительно расширить двустороннее военное сотрудничество.

В целом при решении вопросов обеспечения национальной безопасности, защиты суверенитета и независимости страны руководство Бахрейна, по всей вероятности, продолжит ориентироваться на США и Великобританию.

Катар. В сентябре 1971 г. Катар одновременно с получением независимости подписывает с Великобританией договор о дружбе, предусматривавший проведение в случае необходимости консультаций по военно-политическим вопросам, представляющим взаимный интерес. Английские корабли получили право захода в порты Катара. Но уже в 1972 г. Катар расторг этот договор.

На основе анализа событий, связанных с кувейтским конфликтом, руководство Катара пришло к выводу, что решающей силой, способной оказать помощь эмирату в случае внешней агрессии, являются США и их союзники – Франция и Великобритания. 22 июня 1992 г. с

США подписывается соглашение по вопросам обороны и безопасности. Вооруженные силы США получили доступ к портам и аэродромам Катара, регулярно стали проводиться совместные учения ВС двух стран. В марте 1995 г. Катар разрешил размещение на своей территории тяжелой техники для бронетанковой бригады армии США.

В 1993 г. был подписан меморандум о взаимопонимании в области обороны с Великобританией. Однако Лондон уклонился от официального взятия на себя обязательства по оказанию военной помощи Катару в случае агрессии. В 1994 г. подписывается соглашение о совместной обороне с Францией, которое предусматривает направление в Катар французских военных советников и специалистов, проведение совместных учений ВС двух стран.

С 2002 г. в Катаре на военной базе Эс-Салия был размещен командный пункт ОЦК ВС США, откуда велось общее руководство американской военной операцией против Ирака в 2003 г.

Кувейт. 19 июня 1961 г. Кувейт становится независимым государством, а 26 июня эмират заключает договор с Великобританией, предусматривавший «поддержание отношений между двумя странами в духе тесной дружбы», «проведение консультаций между правительствами по вопросам, затрагивающим интересы друг друга», а также готовность Великобритании прийти на помощь Кувейту в случае, если его правительство попросит об этом. И такая просьба последовала буквально через несколько дней. Причиной тому стала угроза военного вторжения со стороны Ирака. Вскоре в страну был переброшен британский контингент, который оставался там до прибытия межарабских сил.

До иракской агрессии 1990 г. Кувейт, не обладая военными возможностями обеспечения собственной безопасности, опирался в этих целях на дипломатию, балансировал между значительно более крупными и мощными в военном отношении соседями, искал возможность получать помощь от широкого круга государств. Причем кувейтцы стремились исходить прежде всего из национальных интересов своей страны, укрепления ее самостоятельности и суверенитета. Кувейт придерживался твердого мнения, что деятельность ССАГПЗ должна проходить без вмешательства внешних сил, подразумевая под ними США. В целом правительство страны выступало за нейтрализацию Персидского залива и невмешательство внешних сил в дела региона.

Иракская агрессия поставила под сомнение прежнюю концепцию обеспечения национальной безопасности Кувейта. На практике кувейтское руководство убедилось, что реальной гарантией обеспечения защиты страны от иностранной агрессии может быть только военно-политический союз с США и другими государствами НАТО. 19 сентября 1991 г. Кувейт подписывает с США соглашение о военном сотрудничестве. Оно предусматривает доступ вооруженным силам Соединенных Штатов к портам и военным базам на территории эми-

рата, право пролета в воздушном пространстве, преимущественное право поставлять Кувейту оружие и военную технику, участие в подготовке его ВС, проведение совместных военных учений, размещение на территории эмирата складов вооружения для американских войск. На основании соглашения была создана и действует американо-кувейтская группа по вопросам обороны. В апреле 2004 г. госсекретарь К.Пауэлл назвал Кувейт важным ненаатовским союзником и надежным другом США.

11 февраля 1992 г. заключено кувейтско-английское соглашение (меморандум о взаимопонимании) по вопросам обороны. Документ предусматривает широкое взаимодействие сторон в оперативном планировании применения кувейтских ВС, проведение совместных учений, расширение объемов поставок вооружения из Великобритании, ее участие в обучении местных военнослужащих и реконструкции кувейтских военных объектов. Английские ВМС получили право пользоваться портовыми сооружениями Кувейта. В феврале 1992 г. подписано соглашение о военном сотрудничестве с Италией, которое предполагает поставки кувейтской армии вооружений и проведение совместных учений вооруженных сил двух стран.

17 августа 1992 г. заключено соглашение по вопросам обороны с Францией. Документ предусматривает непосредственное вмешательство Франции для оказания помощи Кувейту в том случае, если эмират станет объектом нападения извне. Предполагается также осуществлять поставки французского оружия, оказывать содействие в подготовке военных кадров, обмениваться экспертными оценками о ситуации в регионе Залива, обмениваться разведывательной информацией, проводить совместные учения, предоставление льгот ВС Франции по использованию военных объектов на кувейтской территории.

В 2003 г. Кувейт стал главным плацдармом, с которого войска американо-британской коалиции начали наступательную операцию против Ирака, приведшую в апреле 2003 г. к краху режима С.Хусейна.

Выстраивание системы соглашений об обороне и безопасности с ведущими западными державами свидетельствует о том, что курс на превращение США и других стран НАТО в главных союзников эмирата реально превратился в ключевой элемент обеспечения безопасности и территориальной целостности кувейтского государства.

Объединенные Арабские Эмираты. По договору о дружбе 1971 г. Великобритания сохраняла исключительное право осуществлять подготовку личного состава эмиратских войск, оснащать их оружием и военной техникой, иметь своих инструкторов, пользоваться военно-воздушными и военно-морскими базами. В случае согласия правительства ОАЭ Великобритания имела право направлять в страну воинские подразделения численностью до 1000 человек.

Для обеспечения защиты своего суверенитета и государственных интересов ОАЭ в 1987–1988 гг. пошли на тесное сотрудничество с США. В частности, американским военным кораблям было предоставлено право захода в порты Эмиратов и осуществления в них ремонта и заправки топливом.

По итогам войны в Заливе 1991 г. ОАЭ стали больше внимания уделять коллективным формам сдерживания потенциальных агрессоров как путем получения международных гарантий региональной и национальной безопасности, так и получения гарантированной иностранной военной помощи, в первую очередь от США и других стран Запада, а также дружественных арабских режимов. Эмираты в 1994–1996 гг. подписали соглашения о сотрудничестве в области обороны и безопасности с США, Великобританией, Францией и Италией.

Заключенное в июле 1994 г. эмиратско-американское соглашение предусматривает заблаговременное размещение на территории ОАЭ запасов вооружения и материальных средств для сил быстрого развертывания (СБР) ВС США (конкретной договоренности по данному вопросу все еще не достигнуто), строительство военных объектов, проведение совместных мероприятий по боевой подготовке. Имеется договоренность об аренде американцами аэродромов Рас-эль-Хайма и Эль-Фуджейра.

В 1998 г. США использовали воздушное пространство страны для нанесения оттуда ударов по Ираку (операция «Лис пустыни»). В 2003 г. территория Эмиратов использовалась американскими ВС для ведения военных действий против Ирака.

По мнению Центра стратегических исследований ОАЭ, до тех пор, пока регион Персидского залива остается в зоне интересов США, является объектом их долгосрочных политических, экономических и военных интересов, это будет гарантировать обеспечение безопасности Эмиратов.

Соглашение по вопросам обороны и безопасности с Францией (1995 г.) предусматривает проведение незамедлительных консультаций в случае возникновения внешней угрозы ОАЭ, оказание военной помощи, расширение военного сотрудничества между двумя странами, содействие в оснащении эмиратских ВС современными видами вооружений и в подготовке военных кадров, проведение совместных мероприятий по боевой подготовке.

Согласно договору по вопросам обороны и безопасности с Великобританией (1996 г.), Лондон принял на себя обязательство защищать ОАЭ от внешней агрессии, поставлять современное оружие, оказывать содействие в подготовке военных кадров. Предусмотрено также проведение совместных учений вооруженных сил двух государств. В то же время отметим, что первоначально британская сторона не хотела брать на себя конкретного обязательства направлять свои войска в ОАЭ в случае нападения извне, зная, что наиболее ре-

альным противником является Иран. Однако желание получить крупные военные заказы от Эмиратов в итоге взяло верх.

В 2003 г. ОАЭ и Италия подписали соглашение о военном сотрудничестве. Оно предусматривает взаимодействие в подготовке кадров, проведение совместных учений, сотрудничество в области военной промышленности.

Оман. На протяжении 60–70-х годов прошлого века тесные отношения в военно-политической сфере поддерживались с Великобританией, которая по договору 1958 г. сохраняла на оманской территории военно-воздушные базы на острове Масира и в Салала. В обмен англичане оказывали военную помощь султану. Великобритания занимала господствующее положение в оманской экономике, государственном аппарате и армии. Лондон также передал Оману принадлежавшие Южному Йемену острова Куриа-Муриа.

В январе 1975 г. султан Кабус совершил первый визит в США, положивший начало американо-оманскому военно-политическому партнерству. Связи между Маскатом и Вашингтоном заметно расширились после ухода английских войск из Омана в 1976–1977 гг. Уже в 1976 г. американцы получили право арендовать ВВБ на о. Масира.

Осенью 1979 г. Оман по согласованию с США выдвинул «проект поддержания безопасности в районе Персидского залива», предусматривавший создание в регионе специальной системы безопасности с участием США, Великобритании и ФРГ. Расходы на реализацию плана должны были взять на себя нефтедобывающие страны Аравийского полуострова. Однако идея не получила одобрения у других аравийских монархий, которые в тот период не желали усиления иностранного военного присутствия в зоне Залива.

В июне 1980 г. Оман подписывает соглашение о военном и экономическом сотрудничестве с США, по которому американские вооруженные силы получили право пользоваться военными базами на территории султаната (продлевается каждые пять лет). Так, американцы получили право использовать ВВБ Масира, Марказ-Тамарид, Эль-Хасиб, пункты базирования ВМС в Маскате, Райсуте и Сиди Лехза. Причем ВВБ Масира и порт Матра фактически поступили в их постоянное пользование, а остальные – в случае чрезвычайных обстоятельств. Все перечисленные объекты предназначались для СБР ВС США в качестве баз передового базирования и обслуживания деятельности ВВС и ВМС.

Правительство Омана в июле 1981 г. заключило соглашение с США о расширении двустороннего военно-политического сотрудничества. По нему султанат дал согласие на увеличение количества единиц размещаемой на его территории американской военной техники. США, со своей стороны, обязались оказывать Оману военную помощь.

В июле 1985 г. было подписано оmano-английское соглашение о сотрудничестве в области обороны. С Францией в 1989 г. подписыва-

ется соглашение о военном сотрудничестве, которое предусматривало помощь в обучении личного состава и поставку вооружения.

В феврале 1998 г. оманское руководство предоставило свои военно-воздушные базы для авиации США, готовившейся нанести удары по Ираку, а в декабре 1998 г. американские стратегические бомбардировщики В-1В, участвовавшие в операции «Лис пустыни», нанесли удары по Ираку с оманской базы Марказ-Тамарид. В ходе подготовки и проведения военной операции против Ирака в 2003 г. на территории Омана была размещена группировка ВВС США.

В целом в вопросах обеспечения внешней безопасности государства руководство Омана на современном этапе и на обозримую перспективу намерено основное внимание уделять поддержанию тесных военно-политических отношений с США и ведущими странами Запада, что рассматривается им в качестве надежной гарантии защиты страны, ее суверенитета и территориальной целостности от посягательств извне.

Королевство Саудовская Аравия (КСА). Еще в декабре 1943 г. американцы договорились с правительством КСА о строительстве военно-воздушной базы в Дахране на востоке страны (завершено в 1946 г.). Знаковым явлением в двусторонних отношениях стала встреча короля Абдель Азиза Ибн Сауда с президентом США Франклином Рузвельтом 14 февраля 1945 г. на борту американского крейсера в Суэцком канале. Руководители двух государств договорились о предоставлении в аренду США базы в Дахране сроком на пять лет с правом продления, были подтверждены американские концессии на разведку и добычу нефти на территории КСА. Ибн Сауд дал согласие на строительство нефтепровода из восточных районов королевства до Средиземного моря. Саудовский монарх просил Рузвельта не оказывать содействия сионистам в создании еврейского государства в Палестине. В ответ американский президент обещал, что США займут по палестинской проблеме справедливую позицию.

Укрепление безопасности Саудовской Аравии отвечало долгосрочным интересам США. В начале 50-х годов президент Г.Трумэн сообщил саудовскому королю, что «на любую угрозу королевству последует немедленная реакция Соединенных Штатов». На ВВБ в Дахране в годы «холодной войны» базировались стратегические бомбардировщики В-47. После вывода в 1951 г. из страны английской военной миссии обучение саудовской армии стало осуществляться американскими военными советниками.

Победа антимонархической революции в Йемене в сентябре 1962 г. осложнила ситуацию в саудовском королевстве. Слабость собственных вооруженных сил, их политическая неблагонадежность не позволяли руководству КСА чувствовать себя уверенным за безопасность и сохранность монархического режима в стране. В этих условиях оно обратилось за помощью к Соединенным Штатам. В ок-

тябре 1962 г. президент Дж.Кеннеди заявил, что Вашингтон окажет поддержку «в сохранении безопасности и целостности Саудовской Аравии». В КСА были направлены подразделения американских ВВС, расширились поставки вооружения. К берегам королевства передислоцировались американские военные корабли. Тем не менее саудовское правительство отказалось в 1962 г. продлить срок аренды базы в Дахране.

В 70-е годы в отношениях с Вашингтоном Эр-Рияд исходил из чисто прагматических соображений, рассчитывая опереться на сильную мировую державу. Ставка на США делалась и как на мощного гаранта сохранения статус-кво в регионе. На передний план в двустороннем сотрудничестве все больше выдвигаются военные вопросы. 15 марта 1972 г. стороны подписали меморандум о взаимопонимании, который предусматривал закупку в США крупной партии боевых самолетов. Однако во время арабо-израильской войны в октябре 1973 г. и в начале 1974 г. отношения между двумя странами обострились. Американцы оказывали давление на КСА, требуя быстрой отмены нефтяного бойкота. Летом 1974 г. отношения возвращаются в прежнее дружеское русло и 18 июня стороны подписывают соглашения о военном и экономическом сотрудничестве.

В конце 1974 – начале 1975 г. американо-саудовские отношения проходят через кризисный период. В то время в Белом доме стали поговаривать о возможной американской оккупации нефтепромыслов на аравийском побережье Персидского залива. Вашингтону потребовалось немало усилий, чтобы убедить саудовское руководство в отсутствии официальных планов такого рода. В итоге король Фейсал сделал вид, что поверил. Другого выхода у него просто не было.

Во второй половине 80-х годов американо-саудовское военнополитическое сотрудничество заметно усилилось. Саудовцы одобительно оценили действия Вашингтона по защите морских коммуникаций в Персидском заливе в 1987–1988 гг., в т.ч. позитивно отнеслись к усилению военно-морского присутствия США в регионе. Американские ВС получили возможность использовать ряд элементов саудовской инфраструктуры.

В ночь с 1 на 2 августа 1990 г. иракские войска вторглись в Кувейт и в течение нескольких часов оккупировали его. Это вызвало шок в Эр-Рияде. Саудовцы рассматривали иракское вторжение в соседнее государство как большую угрозу королевству. Страна оказалась непосредственно перед лицом потенциального противника, без всякого буфера. Заверения С.Хусейна о том, что его войска не перейдут саудовскую границу, не воспринимались руководством КСА серьезно. Король и его окружение прекрасно понимали, что национальная армия не в состоянии противостоять военной машине Саддама. В этих условиях было принято решение обратиться за военной помощью к США, другим странам Запада и ряду арабских государств.

8 августа король Фахд принял соответствующее решение. «Американцев пригласили потому, что только они могли остановить и повернуть вспять агрессию Хусейна». Условием принятия американской помощи было подписанное США обязательство вывести свои войска по первому требованию короля Саудовской Аравии.

Основным уроком, вынесенным руководством КСА из событий 1990–1991 гг., стало осознание того, что королевство не может в полной мере обеспечить свою внешнюю безопасность ни самостоятельно, ни с помощью союзников по ССАГПЗ, чей суммарный военный потенциал меньше саудовского, не говоря уже об иранском и иракском даже после разгрома последнего в войне. В итоге в Эр-Рияде пришли к выводу о необходимости более тесного и масштабного военно-политического сотрудничества с США и их союзниками по НАТО, прежде всего Великобританией и Францией. С другой стороны, в Вашингтоне на основании анализа ситуации в зоне Персидского залива пришли к заключению о ключевой роли КСА для американской политики в регионе. Поэтому США, несмотря на известные противоречия в двусторонних отношениях, отводят королевству особое место в деле укрепления своих политических, военных и экономических позиций на Ближнем Востоке. Саудовская Аравия считается полезным партнером в американской политике с точки зрения политического, религиозного и нефтяного влияния в арабском и исламском мире.

Длительный, прочный, имеющий стратегическое значение фактический союз между США и КСА при несомненном положительном значении для королевства в плане экономическом и военном одновременно снижает авторитет родины ислама как в исламском мире, так и, отчасти, положение режима внутри страны. Но другого выбора у саудовского руководства пока просто нет. Ныне Соединенные Штаты рассматриваются им в качестве основного гаранта внешней безопасности королевства. В то же время Эр-Рияд, стремясь подчеркнуть независимость своего внешнеполитического курса, не идет на подписание формальных соглашений о военном сотрудничестве с США.

В 90-е годы Саудовская Аравия предоставила свою территорию для складирования оружия, военной техники и имущества для ВС США. Кроме того, в КСА на постоянной основе был размещен американский воинский контингент, а также подразделения британских и французских ВВС. В июле 1992 г. Саудовская Аравия дала согласие на использование военно-воздушной базы в Дахране для проведения операций по контролю южной «неполетной» зоны в Ираке. В 2001 г. саудовцы не разрешили ВВС США совершать боевые вылеты авиации с территории королевства против талибского Афганистана, но в то же время позволили американцам использовать Центр управления воздушными операциями, развернутый на авиабазе «Принц Султан» в Эль-Хардже. В 2003 г. КСА не предоставила своей территории для

размещения войск США, предназначенных для участия в войне против Ирака. Вместе с тем саудовский режим, несмотря на осуждающую словесную риторику, фактически одобрил действия Вашингтона по ликвидации режима С.Хусейна. Летом 2003 г. по требованию саудовской стороны американские войска покинули территорию королевства. Не в последнюю очередь Эр-Рияд пошел на этот шаг под давлением радикальной исламской оппозиции. Однако в стране остались многочисленные американские специалисты, без которых нормальное функционирование многих видов вооружений и технических средств ВС КСА просто невозможно.

Алжир. До начала 90-х годов внешнеполитический курс страны характеризовался четкой антиимпериалистической направленностью, а основным партнером АНДР в военной области являлся СССР. Изменения, произошедшие как внутри страны, так и в мире, привели к существенным коррективам алжирской внешней политики. В последние годы отмечается рост контактов Алжира с НАТО и США по военной линии: осуществляются (хотя и в ограниченных объемах) поставки в АНДР оружия и военной техники, растет число алжирских военнослужащих, направляемых на учебу в страны Запада, происходит активный обмен визитами военных делегаций.

Первые официальные контакты представителей АНДР и Североатлантического союза состоялись в 1997 г. С 1998 г. в Брюсселе при штаб-квартире НАТО действует алжирское бюро по связям. Проведено несколько совместных учений ВМС Алжира, США и Италии. В октябре 2000 г. президент АНДР А.Бутефлика посетил штаб-квартиру НАТО – это было первое ее посещение главой арабского государства.

Джибути. В день провозглашения независимости 27 июня 1977 г. Джибути и Франция подписали договор о дружбе и сотрудничестве, который предусматривал оказание французской стороной военной помощи в случае, если республика подвергнется агрессии. Одновременно было заключено соглашение о военном сотрудничестве, включающее оказание Францией помощи в создании и обучении национальной армии. На территории Джибути находится французская военная база, где размещаются подразделения сухопутных войск, ВВС и ВМС. По существу, Франция является гарантом сохранения независимости республики. А нахождение на ее территории французских войск представляет собой важный элемент обеспечения внешней безопасности Джибути.

В начале 90-х годов правительство республики во время внутреннего вооруженного конфликта обратилось к Франции с просьбой о предоставлении военной помощи, мотивируя это тем, что боевые отряды оппозиции совершают нападения с территории Эфиопии. Однако французы отказали, заявив, что конфликт не носит характера нападения извне.

В 2001 г. в Джибути было размещено 152-е оперативное соединение государств-участников антитеррористической операции – США, Великобритании, Франции, ФРГ, Испании и ряда других стран. Соединение обеспечивает безопасность судоходства в Красном море и Персидском заливе. В 2002 г. в республике разместились подразделения американского спецназа. Командование ВС США намерено также использовать территорию республики для обучения своих войск боевым действиям в условиях пустыни.

Египет. В начале 50-х годов Египет не стал участником антисоветских военно-политических союзов, которые активно пытались создавать на Ближнем и Среднем Востоке США и их союзники. Более того, в годы правления Г.А.Насера Египет постепенно становится в регионе важным военно-политическим партнером СССР. Москва оказывала Каиру политико-дипломатическую поддержку, экономическую и военную помощь. Именно благодаря советской помощи египтяне смогли быстро восстановить боеспособность своей армии после поражений в войнах 1956 и 1967 гг. После арабо-израильской войны 1967 г. египетское правительство предоставило льготы для кораблей и судов ВМФ СССР в портах Александрия, Порт-Саид, Эс-Саллум, Мерса-Матрух. Заинтересованность в этом была обоюдная: Египет нуждался в присутствии советских военных кораблей, чтобы обезопасить себя от израильских ударов, а для Советского Союза было важно иметь постоянные пункты базирования ВМФ в Средиземном море. В 1970 г. для прикрытия важных объектов страны от усилившихся ударов израильской авиации в Египет были направлены советские части ПВО и ВВС. Тем не менее Насер не шел на формальное договорное закрепление стратегического партнерства между нашими странами.

Это сделал его преемник А.Садат, который в мае 1971 г. подписал договор о дружбе и сотрудничестве с СССР. Однако он же вскоре пошел на резкое изменение внешнеполитической ориентации АРЕ, взяв курс на установление партнерских отношений с США. В 1976 г. Садат расторг договор с Советским Союзом.

Со второй половины 70-х годов, особенно после заключения в 1979 г. мирного договора между АРЕ и Израилем, происходит все более тесное политическое и военное сближение Египта и Соединенных Штатов. Каир становится одним из главных стратегических партнеров Вашингтона на Ближнем Востоке. Курс на развитие военнополитического сотрудничества с США продолжает и нынешний глава египетского государства Х.Мубарак, хотя он и стремится сделать внешнюю политику АРЕ более сбалансированной.

Ориентация на США на современном этапе обосновывается правящими кругами страны тем, что Египет по-прежнему сильно нуждается в американской военной и экономической помощи, без которой политическая и экономическая стабильность в АРЕ может нарушить-

ся или даже рухнуть (аналогичной точки зрения придерживаются и многие американские политики). Следовательно, необходимо всячески укреплять двустороннее сотрудничество. В Каире также полагают, что упрочение Египтом своего лидирующего места в арабском мире будет способствовать усилению позиций АРЕ как одного из наиболее значимых союзников США. Попытки же демонстративного оппонирования американской политике в регионе неизбежно окажутся неудачными и поэтому будут негативно отражаться на национальной мощи.

Поддержание и развитие египетско-американского военно-политического партнерства обусловлено в немалой степени общностью интересов двух государств по таким проблемам, как поддержание стабильности на Ближнем Востоке, сдерживание исламского радикализма и терроризма, успешное решение вопросов, связанных с арабо-израильским урегулированием.

Вашингтон, учитывая сохраняющуюся значимость Египта для продвижения американских интересов на Ближнем Востоке, заинтересован в дальнейшем укреплении отношений с Каиром и рассматривает Египет в качестве одного из ведущих партнеров в арабском мире. В 1988 г. АРЕ получила статус «союзника США вне НАТО», что означает возможность приобретения египтянами той же военной техники, на какую имеют право страны-члены альянса. Американская администрация не отказывается от предоставления ежегодной безвозмездной помощи АРЕ в размере 1,3 млрд. долл. на военные нужды, а также значительных сумм на экономические цели. На сегодняшний день Египет является крупнейшим получателем американской помощи среди арабских стран.

Основными официальными целями военно-политического курса США в отношении Египта являются: повышение возможностей вооруженных сил АРЕ противодействовать внешним угрозам, обеспечение доступа США к Суэцкому каналу и другим объектам египетской инфраструктуры, поощрение руководства АРЕ к поиску конструктивного диалога с внутренними оппозиционными силами.

Соединенные Штаты считают, что оказание содействия в реорганизации вооруженных сил АРЕ позволит улучшить их боевую сочетаемость с американскими войсками и армиями других стран НАТО, а также облегчит египтянам участие в коалиционных военных действиях, подобных операции «Буря в пустыне», и акциях по поддержанию мира. В Вашингтоне также полагают, что сильная зависимость египетской военной машины от американских поставок и материально-технического обеспечения служит своего рода страховкой от возможного возврата АРЕ к конфронтации с Израилем. При этом американцы считают, что «сила египетских военных, их связи с Соединенными Штатами являются лучшей гарантией стабильности Египта и его прозападного курса».

Со своей стороны египтяне предоставили ОЦК ВС США значительные льготы по использованию территории, воздушного пространства и портов АРЕ вплоть до складирования имущества СБР. Имеется соглашение о передаче в оперативное пользование 6-го флота ВМС США главной базы египетских ВМС Александрии на Средиземном море, пункта базирования Рас-Банас и порта Шарм-эш-Шейх на Красном море. ОЦК ВС США обладает возможностью (по предварительному согласованию) использовать аэродромы Вади-Кена, Каир (Международный), Каир (Западный), Рас-Банас, Эль-Ариш, Рас-Кусрани.

Есть все основания полагать, что Египет, учитывая стратегическую значимость для него американской помощи, продолжит курс на приоритетное развитие военно-политического сотрудничества с США.

Мавритания. В июле 1961 г. республика подписала соглашение об обороне и военной помощи с Францией, по которому французы брали на себя обязательство обучать и вооружать мавританскую армию, а также получили право размещать на территории страны свои военные базы. С середины 60-х годов прошлого века по мере укрепления внутри- и внешнеполитического положения мавританского государства масштабы военного сотрудничества с Францией сокращаются. Утрачивает свою силу соглашение об обороне. В 1966 г. французские войска покинули территорию страны. Ситуация изменилась в конце 1977 г., когда Франция оказала военную помощь Мавритании в войне против западносахарского Фронта ПОЛИСАРИО. С 1999 г. после прекращения военных связей с Францией отмечается расширение военных связей Мавритании с США.

Марокко. С первых лет независимости руководство Марокко в вопросах внешней политики и обеспечения национальной безопасности отдавало приоритет развитию военно-политических связей с государствами Запада. Особенно активно они стали развиваться во время войны в Западной Сахаре (1975–1991 гг.), когда страны НАТО, используя трудности, испытываемые Рабатом, сумели еще прочнее привязать к себе королевство, вынудив его идти в русле западной политики по многим важным международным вопросам. Однако утверждать, что марокканцы полностью следуют этой линии, было бы неверным. С другой стороны, Рабат никогда не получал от западных партнеров официальных гарантий своей безопасности.

Важное стратегическое положение Марокко во многом объясняет внимание Вашингтона к этой стране. США неоднократно заявляли о своей непосредственной заинтересованности в укреплении безопасности королевства. В 1982 г. создан и регулярно проводит свои заседания совместный комитет по вопросам военного и военно-технического сотрудничества. Оно развивается по следующим основным направлениям: участие США в подготовке марокканских военных кадров, продажа или передача королевской армии на безвозмездной основе (ежегодно на сумму до 50 млн. долл.) оружия и военной техники,

проведение совместных мероприятий по оперативной и боевой подготовке штабов и войск, обмен военными делегациями и визитами военных кораблей. Важным элементом сотрудничества является предоставление американцам права на использование целого ряда объектов военной инфраструктуры Марокко. Так, по соглашению 1982 г. США получили возможность использовать ВВБ в Кенитре, Сиди-Слимане и Бен-Герире «в случае возникновения чрезвычайных ситуаций на Ближнем Востоке и в Африке». С 1987 г. США могут использовать ВВБ Бен-Герир и в качестве запасного аэродрома для аварийной посадки космических кораблей многоразового использования.

Следует отметить, что военная помощь США носит дозированный характер и не имеет тенденции к существенному расширению. Как правило, американцы стараются направлять свои усилия преимущественно на развитие необходимых им элементов марокканской инфраструктуры, что не всегда отвечает интересам страны. Кроме того, в Рабате не скрывают своего недовольства американо-французской договоренностью о том, что объемы военной помощи и поставок оружия королевству не должны нарушать баланса сил между Марокко и Алжиром даже в случае обострения отношений между соседними государствами.

Давние традиции имеет военно-политическое партнерство Марокко с Францией. С Парижем заключено несколько соглашений о сотрудничестве в военной области. Проводятся совместные учения. Франция сохраняет за собой позиции одного из ведущих поставщиков военной техники для марокканских вооруженных сил.

Прочные военно-политические связи поддерживает Марокко с Испанией. В 1989 г. страны заключили договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве. Ранее, в 1984 г., было подписано соглашение о военном сотрудничестве. Мадрид оказывал Рабату помощь в войне против Фронта ПОЛИСАРИО. На регулярной основе проводятся совместные учения. В целом сотрудничество с Испанией рассматривается марокканским руководством как важный фактор стабильности в Западном Средиземноморье.

Есть в марокканско-испанских отношениях и ряд серьезных нерешенных проблем. Главная из них – вопрос о принадлежности анклавов Сеута и Мелилья, которые Марокко стремится вернуть под свой контроль. Однако Испания категорически отказывается сделать это. Оба города включены в единое оборонное пространство НАТО.

В июле 2002 г. обострился марокканско-испанский спор из-за принадлежности маленького острова Лейла (Перехиль). Кроме того, спорными территориями считается и ряд других прибрежных островов. В последнее время обостряется конфликт из-за линии прохождения морской границы между Канарскими островами и марокканским регионом Тарфия. Причем в спорном районе возможно залегание крупных запасов нефти.

Между двумя государствами имеются также противоречия по вопросам разграничения зон рыболовства в Средиземном море и в Атлантическом океане. Мадрид и Рабат выступают с взаимными обвинениями в содействии пограничной мафии в деле нелегальной иммиграции и наркоторговле. Вместе с тем спецслужбы двух стран наладили сотрудничество в деле борьбы с терроризмом.

Марокко развивает активное военное сотрудничество и с другими странами НАТО, с которыми заключены двусторонние договоры и соглашения о совместных мероприятиях по боевой подготовке, военно-техническому сотрудничеству, о предоставлении марокканской территории для проведения учений подразделениями иностранных армий. Так, с Великобританией имеются соглашения о военном сотрудничестве и использовании марокканской территории для учений британских ВВС. С Италией в 1991 г. заключен договор о дружбе и сотрудничестве, а ранее, в 1977 г., подписано соглашение о военном сотрудничестве. С Португалией в 1994 г. заключен договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве. Имеется соглашение с Бельгией о предоставлении марокканской территории для проведения мероприятий по боевой подготовке бельгийской армии. В то же время следует отметить, что с окончанием холодной войны внимание к Марокко со стороны западных партнеров ослабевает.

Тунис. Важную роль в политике республики играла и продолжает играть в целом прозападная ориентация Туниса, его тесные связи с США и Францией, в т.ч. по вопросам обороны и обеспечения безопасности. Тем не менее тунисское руководство не идет на заключение специальных договоров со странами Запада, которые бы официально закрепили и регулировали фактически существующие союзнические отношения с ними.

В 1957 г. Тунис был одной из немногих арабских стран, одобривших «доктрину Эйзенхауэра», предусматривавшую усиление американского влияния на Ближнем и Среднем Востоке, после чего Вашингтон начал оказывать республике экономическую, финансовую, а вскоре и военную помощь. На сегодняшний день Тунис наряду с Марокко является основным военно-политическим партнером Вашингтона в Арабском Магрибе.

В конце 60-х годов нормализуются отношения с Францией. Более того, по целому ряду вопросов Тунис начинает координировать свою внешнюю политику с Парижем. Получает развитие двустороннее сотрудничество в военной сфере.

В 1980 г. резко ухудшились отношения между Тунисом и Ливией. По обе стороны границы началась концентрация войск. Руководство республики обратилось к Западу за поддержкой для отражения возможной ливийской агрессии. В ответ Франция и США заявили о готовности оказать военную помощь Тунису и направили свои боевые корабли к ливийскому побережью, что охладило пыл М. Каддафи.

В октябре 2003 г. подписано соглашение о сотрудничестве в военной области с Германией. Оно предусматривает обмен специалистами, совместные действия двух армий при ликвидации последствий катастроф, сотрудничество в сфере военной медицины, спорте, изучении военной истории.

Страны Запада, оказывая Тунису разностороннюю помощь, в том числе военно-техническую, стремятся прочнее привязать страну к своему внешнеполитическому курсу, поставить ее в зависимое положение, дабы иметь в лице Туниса возможного партнера в осуществлении собственных планов в Средиземноморье. Что касается тунисского руководства, то оно, развивая политические и военные отношения с государствами Запада, делает упор на получении от них гарантированной помощи в случае нападения со стороны соседей. Это также позволяет Тунису меньше заботиться о собственных вооруженных силах, экономить на военных расходах. При этом республика не идет на предоставление своей территории для создания на постоянной основе иностранных военных баз или пунктов базирования иностранных войск.

Обеспечение национальной безопасности и создание благоприятных внешнеполитических условий для социально-экономического развития страны тунисское руководство тесно связывает со стабильной обстановкой в Европе и Средиземноморье. Президент Бен Али подчеркивает, что «Тунис должен стать расширенным европейским пространством». Республика выступает за превращение Средиземного моря в «озеро мира и сотрудничества».

Осознавая военную слабость своего государства, руководство Туниса в вопросах обороны будет и впредь ориентироваться на получение военной помощи от стран Запада.

Иордания. Незадолго до обретения независимости в марте 1946 г. в Лондоне был подписан англо-иорданский договор о дружбе и союзе, который во многом ограничивал суверенитет страны. На территории королевства продолжали дислоцироваться английские войска. Иорданская армия («Арабский легион») осталась под командованием британских офицеров и на содержании английского казначейства.

15 марта 1948 г. с Великобританией был подписан новый союзный договор. Из Иордании выводилась большая часть британских войск, но в распоряжении английского командования оставались две ВВБ в Аммане и Эль-Мафраке. Великобритания сохраняла право на ввод войск в страну в случае войны или ее угрозы, а также право свободного прохода войск через иорданскую территорию. Был создан совместный англо-иорданский совет обороны.

В середине 50-х годов в Иордании усиливается движение за достижение полной независимости. Королевство отказывается от присоединения к Багдадскому пакту. В марте 1956 г. в отставку был отправлен командующий «Арабским легионом» английский генерал

Глабб. Вместе с тем король Хусейн и его окружение не хотели идти на полный разрыв с Великобританией и продолжали рассматривать ее в качестве основного гаранта существования монархического режима.

Летом 1958 г., опасаясь возможных негативных последствий для своей страны, связанных с революцией в Ираке, король Хусейн согласился на ввод в Иорданию английских войск, однако вскоре ситуация стабилизировалась и в ноябре англичане покинули страну.

В 70–80-е годы внешнеполитический курс Иордании в значительной степени был ориентирован на США. Между двумя странами поддерживались тесные военно-политические и экономические связи. Американские военные получили право на периодическое использование ВВБ Амман и ВМБ Акаба. Одновременно сохранялись традиционные политические и военные связи с Великобританией, развивались военные отношения с Францией.

В начале 90-х годов внешнеполитическое положение Иордании значительно ухудшилось. Это было вызвано позицией, занятой королевством во время кризиса в зоне Персидского залива. Тогда Иордания, во многом в силу внутривосточных причин, хотя и с оговорками, поддержала Ирак. В ответ США отказались в 1990 г. предоставить Иордании ежегодную военную помощь. Корабли ВМС стран антииракской коалиции строго контролировали прохождение судов в Акабский залив.

В трудной внешнеполитической ситуации, сложившейся вокруг Иордании, король Хусейн решил форсировать процесс урегулирования отношений с Израилем. Одобрив это решение Иордании, США и другие страны НАТО возобновили военную помощь королевству.

В 1996 г. Иордания получила статус «союзника США вне НАТО». Было подписано соглашение о доступе американских вооруженных сил на иорданские военные объекты. С 1996 г. иорданские военно-воздушные базы используются американской авиацией для перелетов в зону Персидского залива и перебросок подразделений морской пехоты. В этот период успешно развивались военно-политические и военно-технические связи с Великобританией и рядом других натовских стран. Подразделения королевских ВС постоянно участвуют в миротворческих операциях, проводимых под руководством США и НАТО (Сомали, Босния, Афганистан).

Иордания предоставила свою территорию для американских сил специального назначения во время военной операции США и Великобритании против Ирака в марте-апреле 2003 г. В королевстве перед войной были также размещены американские ЗРК «Патриот», а на аэродромах – подразделения ВВС.

Иорданское руководство в условиях сохраняющейся напряженности на Ближнем Востоке продолжает рассматривать США в качестве главной опоры в деле обеспечения внешней безопасности королевства, а также гаранта стабильности монархического режима внут-

ри страны. Вашингтон, в свою очередь, успешно использует различные рычаги воздействия на Иорданию в целях закрепления ее в качестве политического партнера США на Ближнем Востоке и необходимого рычага американской концепции «гибкого военного присутствия» в регионе. Американцы гарантировали Амману оказание безвозмездной финансовой помощи на нужды обороны и безопасности, льготные поставки оружия и военной техники, содействие в реорганизации армии и подготовке военных кадров. Для рассмотрения этих вопросов создана и действует двусторонняя военная комиссия. Регулярно происходят встречи на высшем уровне военных деятелей обоих государств. Фактически военно-политические отношения США и Иордании представляют собой неформальный союз.

Ирак. Соединенные Штаты еще в марте 2004 г. намеревались подписать с Временным управляющим советом Ирака договор о статусе пребывания американских войск в стране, по которому США получили бы право на размещение военных баз (4–6) в стратегически важных районах Ирака. Однако подписание договора было отложено до времени создания в стране легитимного правительства.

Йемен. В последние годы все более интенсивно развиваются военно-политические связи Йемена с США. Правительство республики оказывает американской стороне содействие в борьбе с международным терроризмом. В ходе визита в США в 2001 г. президента ЙР А.А.Салеха было подписано соглашение о сотрудничестве между двумя странами в области безопасности. Развиваются и военные связи. Одновременно Йемен активно взаимодействует в военно-технической сфере с Россией.

Израиль. На протяжении 50-х – первой половины 60-х годов минувшего столетия Израиль в военно-политической сфере наиболее плодотворно и активно сотрудничал с Францией. С середины 60-х годов все более интенсивное и масштабное развитие получают израильско-американские отношения. После войны 1967 г. США становятся главным поставщиком вооружения и военной техники для израильской армии, Вашингтон оказывает израильтянам эффективную политико-дипломатическую поддержку.

30 ноября 1981 г. был подписан американо-израильский «Меморандум о взаимопонимании в области стратегического сотрудничества», что на деле означало оформление военно-политического союза между двумя странами.

В 1983 г. формируется совместный военно-политический комитет для разработки основ двусторонних связей по ближневосточным проблемам и создаются постоянные рабочие группы по военно-политическим, экономическим и техническим вопросам, планированию военной помощи.

В ноябре 1987 г. стороны подписали очередной меморандум, по которому снижены лимиты на военные поставки в Израиль и продажу израильского вооружения США. Израиль стал первой страной на Ближнем Востоке, получившей статус «союзника США вне НАТО».

Меморандум от ноября 1988 г. отразил постоянные обязательства США по обеспечению безопасности Израиля.

Во время конфликта в зоне Персидского залива в 1990–1991 гг. американцы перебросили в Израиль свои зенитные комплексы «Патриот», которые были активно задействованы для перехвата иракских баллистических ракет.

По имеющимся договоренностям американские военные имеют возможность использовать инфраструктуру Израиля для складирования вооружения и материальных средств, а также для переброски войск в зоны возможных конфликтов в ближневосточном регионе.

В Вашингтоне считают, что «совместные с ВС США планирование, проведение учений и заблаговременное складирование на его (Израиля, В.Ю.) территории оружия и военной техники позволит этому государству и дальше сохранять свое качественное военное превосходство перед лицом долговременных вызовов безопасности региона». Также успешно развивается сотрудничество с США в области военных НИОКР и военного производства.

Американо-израильские меморандумы и соглашения составляют юридическую основу военно-политических отношений между двумя государствами и одновременно свидетельствуют о ключевой роли, отводимой Соединенными Штатами Израилю на Ближнем Востоке.

В заключение подчеркнем, что процесс расширения военно-политического влияния Запада, главным образом США, в странах Ближнего Востока и Северной Африки будет продолжаться. Вашингтон и его партнеры по НАТО стремятся закрепить и расширить свое присутствие в регионе, обеспечить надежный долгосрочный доступ к его природным и финансовым ресурсам, контролировать происходящие здесь политические и экономические процессы, оградить себя от ударов региональных структур международного терроризма. При этом для решения переносимых задач далеко не последнее место занимают военно-силовые методы, как в виде закрепления (а по возможности расширения) военного присутствия, так и использования, если это будет сочтено необходимым, прямой военной силы. Продолжится активная экспансия западных стран на ближневосточном и североафриканском рынках вооружений, вытеснение оттуда конкурентов, в том числе России.

1. Ближний и Средний Восток: проблемы региональной безопасности. М., 2000.

2. Звягельская И. Д. «Конфликтная политика» США на Ближнем и Среднем Востоке (середина 70-х – вторая половина 80-х годов). М., 1990.

3. Abdel Monem Said. Egypt – U. S. relations and egyptian foreign policy, www. washingtoninstitute. org, 24. 03. 2000.

4. Fernanda Faria, Alvaro Vasconcelos. Security in Northern Africa: ambiguity and reality. Paris, 1996.

5. Kennet Katzman. The Persian Gulf: Issues for U. S. Policy, 2003. Report for Congress. Washington, 2002.

6. Robert Satloff, Patrick Clawson. U. S. military aid to Egypt: assessment and recommendations, www.washingtoninstitute.org, 7.08.1998.

7. Зарубежное военное обозрение.

8. Компас.

9. Независимое военное обозрение.

10. Пульс планеты. Еженедельный бюллетень информации ИТАР-ТАСС.

11. Jane's Defence Weekly. London.

**ЕГИПЕТ – США:
РАЗВИТИЕ ОТНОШЕНИЙ В НАЧАЛЕ XXI в.**

Отношения Египта и США всегда были объектом повышенного внимания политиков. Во многом это произошло потому, что обе эти страны всегда имели большое влияние на развитие событий: США – в общемировом масштабе, а Египет – на Арабском Востоке. Особый характер двусторонние отношения между Каиром и Вашингтоном приобрели в 50-е годы XX века, когда молодая египетская республика встала перед выбором: на чьей стороне быть в разгар «холодной войны», разделившей мир. Около двух десятилетий Египет был одним из самых дружественных государств для СССР на Востоке и врагом союзника США – Израиля, что в свою очередь предопределило конфронтационный характер отношений Каира с Вашингтоном.

Поворот в отношениях между Каиром и Вашингтоном произошел при президенте АРЕ Анваре Садате (1970–1981 гг.). В 1974 г. были восстановлены дипломатические отношения между двумя странами, а во второй половине 70-х годов при посредничестве США А.Садат начал переговоры с Израилем, приведшие к подписанию в 1979 г. мирного договора между двумя странами. С тех пор США всячески стремятся вывести на качественно новый уровень египетско-израильские связи, что, по мнению Вашингтона, должно несколько смягчить отношение к еврейскому государству в арабском мире. Правда, в условиях нынешнего роста напряженности в регионе эта задача вряд ли выполнима.

На современном этапе Египет и США осуществляют сотрудничество по целому ряду вопросов, имеющих большое значение как для развития двусторонних связей, так и для стабилизации обстановки на Ближнем Востоке. США являются одним из основных торгово-экономических партнеров Египта, крупнейшим поставщиком вооружений в АРЕ, гарантом египетско-израильского мирного соглашения.

Рубеж XX–XXI вв. ознаменовался обострением международных отношений, как в глобальном масштабе, так и в регионе Ближнего и Среднего Востока. США оценили то, что в трудную для них минуту после терактов 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке и Вашингтоне президент Египта Хосни Мубарак выступил в поддержку любых действий США в борьбе с терроризмом. Как заявил египетский лидер, «после происшедших в Аме-

рике терактов мы решили поддержать любые шаги, направленные на искоренение терроризма, поскольку на себе испытали, что это такое».

В послании президента Египта Хосни Мубарака президенту США Джорджу Бушу, переданном через египетского министра иностранных дел Ахмеда Махера была изложена позиция АРЕ по вопросам, касающимся борьбы с терроризмом. Каир, в частности, выступил за созыв международной конференции по борьбе с терроризмом. На переговорах с госсекретарем США Колином Пауэллом вскоре после терактов 11 сентября Ахмед Махер подчеркнул необходимость «решительного, но мудрого» искоренения этого явления. Как заявил глава МИД АРЕ, «Египет испытал на себе, что такое терроризм, и совершенно естественно, что он присоединится к любой попытке покончить с этим злом»¹. В ответ на это Пауэлл заметил, что США «есть, чему поучиться у египтян в плане борьбы с терроризмом, и мы можем многое сделать вместе», намекнув тем самым на возможность включения Египта в ряды антитеррористической коалиции, которую на тот момент США активно собирали.

После терактов в США Египет активизировал свои действия по поимке лидеров экстремистских группировок и уже в конце 2001 – начале 2002 гг. в зарубежных странах были пойманы и переданы египетским властям активисты радикальной партии «Аль-Гамаа аль-исламийя»². Египет в борьбе с международными террористами тесно координирует свои действия с другими странами, в том числе и арабскими, среди которых следует выделить Саудовскую Аравию, Сирию, Ливию.

Отношение египетских граждан к США проявилось в реакциях на теракты 11 сентября 2001 г. Общественное мнение в оценках случившегося разделилось. Официальный Каир, «стратегический партнер» Вашингтона на Ближнем Востоке, в лице президента Египта Хосни Мубарака безоговорочно осудил массированную террористическую атаку на Америку. Египетский лидер направил соболезнования президенту США, заявив, что «этого никто не ожидал и не мог себе даже представить»³.

Совсем иначе отреагировала на случившееся «каирская улица». Простые египтяне, как правило, не скрывали своего удовлетворения. Некоторые из них даже сравнивали события 11 сентября с октябрьской войной 1973 г., когда египетская армия, успешно форсировав Суэцкий канал и прорвав укрепленную «линию Барлева», нанесла неожиданный удар по израильтянам, оккупировавшим за шесть лет до этого Синайский полуостров. Причин столь негативного отношения египтян к США немало. Для большинства простых граждан АРЕ США – основной виновник происходящих бед на Арабском Востоке, в частности, затянувшегося палестино-израильского конфликта, в котором, по мнению подавляющего большинства жителей АРЕ, Вашингтон давно и твердо занимает сторону еврейского государства. Кроме то-

го, в намерениях США провести демократические реформы на Арабском Востоке арабы видят попытку нарушить вековые устои и самобытность стран и народов в этом регионе. Самолеты, врезавшиеся в здания Всемирного торгового центра (ВТЦ) в Нью-Йорке, многим представлялись карающим мечом Аллаха, пронзившим логово «Большого Сатаны», как часто называют в мусульманском мире Соединенные Штаты.

Главная египетская газета «Аль-Ахрам», комментируя события 11 сентября в США, задалась вопросом: «Возможно, это означает начало войны с глобализацией?». И сама же постаралась дать на него ответ: «Настоящей причиной терроризма является углубление пропасти между Югом и Севером и безумная гонка потребления, охватившая мир»⁴.

Руководство Египта поддержало антитеррористическую операцию США в Афганистане, заявив через главу египетского МИД Ахмеда Махера, что у Вашингтона, вероятно, были веские причины для нанесения ударов по Кабулу. При этом министр выразил серьезную обеспокоенность судьбой афганского народа, «который достаточно страдал и не должен вновь страдать»⁵. Каир также отказался принять участие в военной акции против Афганистана⁶, обосновав свое решение нежеланием воевать против какой-либо мусульманской страны без достаточных тому оснований⁷. Вместе с этим стоит сказать, что реакция в некоторых других арабских столицах была совершенно иной. Так, внешнеполитические ведомства Судана и Ливана выступили против американской военной акции в Афганистане. В Хартуме посчитали, что США тем самым развязывают войну против мусульман, а официальный Бейрут со своей стороны предупредил, что удары по Афганистану вызовут враждебную реакцию в арабском и мусульманском мире.

Однако со временем отношение Египта к антитеррористической операции США на Востоке и в целом к ближневосточной политике Вашингтона изменилось. Уже в апреле 2002 г. президент Египта Хосни Мубарак в обращении к нации заявил, что «война против террора получила новое качество, направленное на обеспечение политических интересов еврейского государства за счет арабских и других исламских стран», обвинив тем самым США в том, что они подчинили международную антитеррористическую кампанию интересам Израиля. По мнению Мубарака, «лозунг борьбы против терроризма используется для попыток подавления законного палестинского сопротивления израильской оккупации»⁸.

Неодобрение Египта вызывает и так называемая «доктрина Буша», согласно которой США оставляют за собой право наносить упреждающие удары, если появится угроза их национальной безопасности. Эта доктрина была реализована против Ирака в 2003 г., хотя никаких доказательств того, что режим Саддама Хусейна представлял угрозу национальной безопасности Соединенных Штатов, так

представлено и не было. Это вызвало негодование в мире, в том числе в странах, считающихся партнерами США. По мнению бывшего советника по национальной безопасности в администрации президента США Джимми Картера, известного политолога Збигнева Бжезинского, Джордж Буш-младший «проводит экстремистскую, примитивную политику, которая упрощенно разделяет всех на «плохих» и «хороших». Нынешняя позиция США – «кто не с нами, тот против нас», по мнению Бжезинского, ведет страну к изоляции на международной арене. Он также критически оценил действия Вашингтона, связанные с войной в Ираке, заметив, что США из освободителей превратились в оккупантов, и добавив при этом, что «война обходится нам слишком дорого». В связи с этим, по мнению политолога, в будущем у США может возникнуть немало проблем, связанных с эскалацией экстремистских движений в странах Ближнего и Среднего Востока, в том числе и в Египте⁹.

В США еще не забыли, что «правой рукой» главы террористической сети «Аль-Каида» Усамы бен Ладена является египтянин Айман аз-Завахири. В декабре 2003 г. он заявил, что «США терпят поражение на всех фронтах и их ждут только новые потери в Афганистане и Ираке». По его мнению, «американцы неизбежно капитулируют, как сделали это уже во Вьетнаме, Ливане и Сомали». Он также подчеркнул, что «Аль-Каида» будет продолжать «охоту на американцев повсюду»¹⁰.

Еще одним результатом последствий 11 сентября стало обострение отношений между США и мусульманским миром. В Египте с тревогой наблюдают за тем, как определенные политические круги на Западе, в том числе и в США, проводят оголтелую антиисламскую пропаганду, эксплуатируя чувства людей, возникшие после терактов. Египет как один из центров мусульманского богословия стремится очистить образ ислама – одной из мировых религий, которую на Западе нередко связывают с крайне радикальными формами политической борьбы. В Египте считают своим долгом вести борьбу с религиозным экстремизмом и искаженным толкованием ислама. С этой целью министерство по делам вакуфов Египта и руководство университета Аль-Азхар время от времени отправляют в разные страны группы богословов, в чью обязанность вменяется разоблачение религиозных деятелей, которые, прикрываясь Кораном, призывают к насилию и таким образом дискредитируют ислам. С помощью эмиссаров богословов Аль-Азхар стремится довести до людей в разных уголках земного шара истинный смысл ислама и тем самым ответить критикам ислама, которых на Западе, в том числе и в среде политической элиты, можно встретить нередко.

Нужно сказать, что после победы на президентских выборах в США Джорджа Буша-младшего Египет проявлял определенный скептицизм к ближневосточной политике новой республиканской админи-

страции, полагая, что она будет уделять делам в этом регионе гораздо меньше внимания, чем это делалось в 90-е годы, когда США фактически сосредоточили в своих руках роль главного коспонсора мирного процесса. В феврале 2001 г. президент Египта Хосни Мубарак заявил, что Джорджу Бушу не стоит вмешиваться в процесс палестино-израильских переговоров, поскольку он не будет следовать стратегии своего предшественника Билла Клинтона, заметив, что сейчас наступило время Европы, которая должна играть более важную роль в процессе мирного урегулирования на Ближнем Востоке¹¹.

Тем не менее власти Египта находятся в постоянном контакте с руководством США, обсуждая пути решения палестино-израильской проблемы. Каир выступает за отвод израильских войск к границам 1967 г. и осуществление законного права палестинского народа на создание своего государства. По мнению главы МИД Египта Ахмеда Махера, «это – единственный путь разрешения конфликта»¹². Египетские власти заявляют, что «палестинцы никогда не смиряются с присутствием израильских войск на своей территории для охраны еврейских поселений»¹³. Египет и США выступают за скорое создание палестинского государства, прекращение насилия в регионе, однако мнения расходятся относительно методов осуществления этих целей.

То, насколько существенны противоречия Каира и Вашингтона касательно решения палестинской проблемы, показали итоги визита Хосни Мубарака в США в июне 2002 г. Частые вторжения израильской армии на Западный берег реки Иордан и сектор Газа, а также блокаду резиденции Арафата Буш расценил как «право Израиля защищать себя». Мубарак выразил точку зрения Египта, согласно которой, только при условии мирного существования двух соседних государств – Израиля и Палестины можно гарантировать, что взрывы, осуществляемые палестинскими смертниками, прекратятся¹⁴. В египетском руководстве уверены, что даже если палестинское руководство сможет осуществить некоторые реформы, вывод израильских войск необходим для того, чтобы провести выборы на территориях, подконтрольных ПНА¹⁵.

Серьезные противоречия связаны с отношением к фигуре главы ПНА Ясира Арафата, о необходимости замены которого все чаще говорят официальные лица Израиля и США. Шарон ранее заявлял, что не признает Арафата в качестве лидера палестинцев¹⁶. В Египте же считают, что только Ясир Арафат способен достичь мира с Израилем, а «намерение иметь дело с другими палестинскими лидерами обернется катастрофой»¹⁷. По мнению Мубарака, «причина отсутствия политического диалога между израильтянами и палестинцами состоит в том, что Арафат не доверяет премьер-министру Ариэлю Шарону»¹⁸. Глава МИД Египта Ахмед Махер по итогам состоявшихся переговоров Х.Мубарака с группой американских сенаторов заявил, что Египет решительно поддерживает демократически избранного

главу Палестинской национальной администрации (ПНА) Ясира Арафата и отвергает любые попытки его смещения¹⁹.

В сентябре 2003 г. Египет безоговорочно осудил решение израильского правительства выслать Ясира Арафата за пределы палестинских территорий, назвав намерение еврейского государства препятствием на пути к достижению мира. Стоит сказать, что Вашингтон, выступая против физического устранения Арафата, уже давно не считает его приемлемым для себя партнером в переговорах по процессу ближневосточного урегулирования. Расходятся позиции Каира и Вашингтона и по проблеме определения границ будущего палестинского государства. Египет выступает за то, чтобы оно было создано в границах, существовавших до 4 июня 1967 г., а США не разделяют позицию Каира по этому вопросу, так как против этой идеи категорически возражает Израиль.

В сложившейся ситуации новым шансом для процесса ближневосточного урегулирования стал план «Дорожная карта», разработанный «четверкой» коопонсоров мирного процесса – США, Россией, ООН и ЕС. «Дорожная карта» – это поэтапный план палестино-израильского мирного урегулирования в течение трехлетнего периода, включающий график создания независимого палестинского государства к 2005 году. План разрабатывался с привлечением заинтересованных стран – Египта, Иордании, Саудовской Аравии.

3 июня 2003 г. в Шарм-эш-Шейхе собрались главы ведущих арабских государств, чтобы обсудить с президентом США пути разрешения ближневосточного конфликта. Главным итогом саммита можно назвать то, что его участники полностью поддержали «Дорожную карту» и осудили терроризм во всех его проявлениях. От имени арабских участников встречи Мубарак также высказался за полное прекращение израильской оккупации палестинских земель в соответствии с решениями международного сообщества и призвал все палестинские группировки отказаться от насилия и поддержать созданное правительство Махмуда Аббаса. Такая позиция в полной мере устраивала США, стремившиеся максимально ослабить позиции Арафата и посеять раздор в палестинском руководстве. Однако, как показало время, ни Махмуд Аббас, ни его преемник на этом посту Ахмед Курей не смогли в полной мере стать реальными авторитетами в исполнительной власти ПНА.

Израиль, несмотря на то, что план «Дорожная карта» был утвержден парламентом страны, продолжает чинить препятствия его осуществлению. Продолжаются строительство еврейских поселений на палестинских территориях и убийства активистов палестинского сопротивления. Противники «Дорожной карты» имеются и с палестинской стороны, особенно среди радикальных группировок, которые не приемлют компромисса с еврейским государством.

Египет со своей стороны не перестает надеяться, что Вашингтон окажет некоторое давление на Израиль с тем, чтобы тот выполнял положения «Дорожной карты». Ведь на кону стоит не только престиж Египта, но и США как одного из разработчиков «Дорожной карты». Почти весь 2003 год был посвящен испытанию «Дорожной карты», призванной положить конец одному из самых кровопролитных конфликтов современности. Официальный Каир при поддержке США взялся за осуществление сближения позиций между правительством Израиля и палестинцами. В столице АРЕ прошло несколько встреч с лидерами радикальных палестинских группировок, на которых египтяне старались убедить их в необходимости заключения долгосрочного перемирия с израильтянами. Несмотря на то, что в конце концов посреднические усилия Египта не привели к желаемому успеху, миротворческая деятельность Каира получила в большинстве стран положительные оценки.

Очередной визит президента Египта Хосни Мубарака в США в середине апреля 2004 г. обещал быть непростым. Накануне поездки практически все издания в один голос подмечали, что повестка дня на переговорах будет насыщенной. То, что представлял собой регион Ближнего Востока к этому времени, не могло не вселять опасения. В Ираке год спустя после падения режима Саддама Хусейна началась, по сути, вторая и, видимо, главная часть ирако-американского противостояния. На палестино-израильском направлении после того, как Израиль вернулся к тактике точечной ликвидации лидеров палестинского сопротивления, также наблюдалось резкое осложнение обстановки.

Весна 2004 г. ознаменовалась на Ближнем Востоке событиями, которые поставили под угрозу не только реализацию плана «Дорожная карта», но и весь процесс ближневосточного урегулирования. 22 марта 2004 г. израильтяне в секторе Газа ликвидировали духовного лидера палестинского движения ХАМАС шейха Ахмеда Ясина, что вызвало сильную волну протеста антиизраильской и антиамериканской направленности в арабских и мусульманских странах. Известие о гибели духовного лидера ХАМАС вызвало настоящие народные протесты в Каире и других крупных городах страны. Митингующие требовали объявления арабским сообществом войны Израилю.

Президент Египта Хосни Мубарак осудил убийство шейха Ахмеда Ясина, назвав акцию Израиля «бессмысленной, имеющей непредсказуемые результаты и подрывающей все усилия по возобновлению мирного процесса на Ближнем Востоке»²⁰. Мубарак приказал в знак протеста отменить участие своей страны в праздновании 25-летия соглашения в Кэмп-Дэвиде. В итоге не состоялся визит египетских парламентариев в Израиль, где должны были пройти торжества по случаю юбилея египетско-израильского мирного договора. В других регионах мира, в том числе и в Европе, данная акция Израиля была

расценена как незаконная операция, наносящая удар по мирному процессу. США ее не осудили и наложили вето на резолюцию Совета Безопасности ООН, осуждающую убийство Израилем лидера ХАМАС.

На этом фоне от Мубарака ждали, что на переговорах в США он займет жесткую пропалестинскую позицию. С самого начала одним из основных вопросов, которые должны были обсудить лидеры Египта и США в ходе двусторонних переговоров, назывался план израильского премьер-министра Ариэля Шарона о выводе израильских войск из сектора Газа. Согласно этому плану, Израиль намеревался эвакуировать из сектора Газа все еврейские поселения, вывести дислоцированные в этом районе войска, а также ликвидировать четыре еврейских поселения на Западном берегу реки Иордан. Вместе с тем Израиль заявил о намерении сохранить израильский суверенитет над рядом крупных поселений на Западном берегу реки Иордан – Маале-Адумим, Ариэль, Гуш-Эцион, Гиват-Зеве и Кирьят-Арба, а также еврейскими кварталами в городе Хеврон. Израиль также заявил о том, что не отказывается от строительства «разделительной стены» между Израилем и территориями, находящимися под контролем ПНА. Это, по мнению правительства еврейского государства, необходимо для обеспечения безопасности израильских граждан от акций палестинских радикалов.

На состоявшейся 12 апреля 2004 г. совместной пресс-конференции президенты Египта и США Хосни Мубарак и Джордж Буш приветствовали план кабинета Ариэля Шарона покинуть Газу. В то же время оба лидера подчеркнули, что данное решение о выводе должно быть частью процесса по реализации «Дорожной карты» по ближневосточному урегулированию. Лидеры США и Египта подтвердили стремление продолжать работу с Израилем и палестинцами в целях прекращения насилия и возвращения их за стол переговоров. При этом Хосни Мубарак заявил, что «готов сделать все что угодно, чтобы возродить надежду на всеобъемлющее урегулирование» арабо-израильского конфликта²¹.

По итогам визита в США главы АРЕ Египет и Соединенные Штаты условились расширить сотрудничество в борьбе с терроризмом. «Отправной точкой для мира и процветания» в этом регионе, подчеркнул Буш, должно стать прекращение терроризма. Также в ходе официального визита в Соединенные Штаты Мубарака Египет и США отметили 30-летие восстановления дипломатических отношений между двумя странами. Политический советник президента Египта Усама аль-Баз, характеризуя нынешнее состояние египетско-американских отношений, заявил, что «они основаны на дружбе и откровенности»²².

Два дня спустя после египетско-американских переговоров состоялась встреча Буша с израильским премьером Ариэлем Шароном. Американский лидер практически полностью поддержал программу «одностороннего отделения», выдвинутую израильским премьером,

назвав ее «историческим и смелым шагом». Но вместе с тем Буш заявил также, что «невозможно ожидать, что в рамках окончательной договоренности будет реализован полный отход Израиля к линии размежевания, установленной перемирием 1949 г.». Глава Белого дома также отметил, что палестинским беженцам должно быть обеспечено право на возвращение в палестинское государство, но не в Израиль. Реакция на заявление Буша со стороны палестинцев была скорой и вполне ожидаемой. Палестинцы выступили против позиции США, назвав заявления американского президента «грубым посягательством на резолюции ООН и международную законность», «отказом от принципов Мадридской конференции». Многие арабские журналисты вскоре окрестили позицию Буша как вторую «декларацию Бальфура».

Официальный Каир разочаровала позиция США по палестино-израильскому конфликту. Вашингтон согласился на такой план урегулирования, который устроил бы еврейское государство. Премьер-министр Израиля добился от США весьма значительных уступок практически по всем интересовавшим его вопросам, в том числе по вопросу о границах и беженцах. Поддержав план выхода Израиля из Газы, Буш в то же время согласился на фактическую аннексию части земель на Западном берегу реки Иордан, что было встречено весьма негативно в арабском мире, в том числе и официальным Каиром, надеявшимся на урегулирование в рамках «Дорожной карты», а не двустороннего американо-израильского сговора.

Вскоре после этого произошло событие, подлившее масла в разгорающийся ближневосточный пожар. Не прошло и месяца со дня гибели шейха Ясина, как 17 апреля 2004 г. Израиль ликвидировал его преемника на посту лидера ХАМАС Абдель Азиза ар-Рантиси. Стало ясно, что усилия Египта по поиску компромисса между палестинскими радикалами и правительством Израиля были фактически проигнорированы кабинетом Ариэля Шарона. Как заявил Ахмед Махер, «убийство ар-Рантиси – это убийство последней возможности на достижение мира на Ближнем Востоке». В арабской прессе появились предположения, что «добро» на устранение ар-Рантиси Шарон получил во время своего визита в США.

В итоге официальный Каир оказался в непростой ситуации, поскольку всегда высказывался за политическое решение палестино-израильского конфликта, убеждая своих арабских партнеров в целесообразности продолжения диалога с правительством еврейского государства. Теперь же в сложившейся обстановке после гибели двух лидеров палестинского сопротивления пацифистский настрой Египта явно не отвечал настроениям арабской общественности. Палестинские радикалы, разъяренные убийствами двух лидеров сопротивления и одобрением США откровенно произраильского плана по ближневосточному урегулированию, обещали Израилю «вулкан мести».

В своем выступлении в конце апреля 2004 г. по случаю 22-й годовщины освобождения Синайского полуострова Хосни Мубарак заявил, что «Египет придерживается требований выполнить все международные обязательства, связанные с ближневосточным урегулированием». «Должны быть освобождены все занятые в 1967 году земли в Палестине, сирийские Голанские высоты, ливанские территории, а палестинскому народу возвращены его законные права, первое из которых – создание своего независимого государства»²³.

Касясь изложенного израильским премьер-министром Ариэлем Шароном в Вашингтоне плана одностороннего ухода из сектора Газа и некоторых поселений на Западном берегу, египетский президент заявил, что его страна приветствовала бы эти шаги, если бы они осуществлялись в координации с палестинцами, не сопровождалась строительством новых поселений и стали бы только первым этапом в выполнении плана «Дорожная карта» на пути к конечной цели урегулирования.

Египет стремится быть одним из ключевых посредников в процессе ближневосточного урегулирования. С одной стороны, это позволяет АРЕ поддерживать свое лидерство среди арабского сообщества, а с другой накладывает большую ответственность за положение дел в зоне палестино-израильского конфликта. Египет заинтересован в скором претворении в жизнь плана «Дорожная карта» и стоит на позициях «полного и безоговорочного выполнения обеими сторонами всех его положений. Египет, не будучи непосредственно автором плана, тем не менее является активным координатором претворения в жизнь его пунктов и всячески старается сблизить позиции израильского правительства и властей ПНА. Каир ставит целью обеспечить выполнение палестинской стороной своих обязательств в рамках «Дорожной карты», предусматривающих прекращение акций со стороны радикальных палестинских группировок, повышение безопасности в регионе и создание условий для возобновления мирного процесса. США поддерживают посреднические усилия Каира, направленные на достижение компромисса между правительством Израиля и радикальными группировками палестинского сопротивления.

Египет активно участвует в мирных инициативах, направленных на урегулирование ближневосточного конфликта, поскольку заинтересован в политическом решении этой проблемы, позволяющем надеяться на то, что арабо-израильские отношения перейдут из области конфронтации к взаимопониманию, мирному сосуществованию и в будущем сотрудничеству. Безусловно, Каир весьма заинтересован в скором урегулировании арабо-израильских противоречий и подписании соглашений, которые документально зафиксируют завершение вооруженного противостояния и переход к мирному сосуществованию и взаимовыгодному сотрудничеству. Это, с одной стороны подтвердит правильность выбранного Египтом курса по отношению к Израилю, с которым он первым из арабских стран подписал мирный до-

говор в 1979 г., а с другой стороны, создаст условия для разблокирования потенциала экономических отношений на Ближнем Востоке. В этом случае роль Египта как ведущей арабской страны и геополитически сильного игрока в региональных отношениях еще больше возрастет.

В США понимают это и используют дипломатическую активность Каира для налаживания палестино-израильского диалога. Одержав серьезную стратегическую и дипломатическую победу в конце 70-х годов, когда Вашингтону удалось убрать из антиизраильского фронта самое сильное его звено – Египет, США стремятся к реализации подобного рода планов и по отношению к другим арабским странам. Однако в то же время Вашингтон, принимая сторону Израиля по ряду ключевых вопросов, сводит на «нет» усилия египетского руководства. США, в частности, признают за Израилем право устранения лидеров палестинских группировок, называя это «правом на самооборону».

Раздувание кризиса вокруг Ирака, которое стал осуществлять Вашингтон в 2002 г., грозило серьезными политическими и экономическими проблемами для всего ближневосточного региона. В отличие от войны в Персидском заливе 1990–1991 гг., когда Египет в составе антииракской коалиции участвовал в восстановлении суверенитета Кувейта, захваченного армией Саддама Хусейна, ситуация 2002–2003 гг. для официального Каира представлялась совершенно иной. Ирак не был агрессором, а обвинения США в том, что Багдад обладает оружием массового поражения (ОМП), были бездоказательными. Кроме того, Ирак в последние несколько лет стал активно налаживать отношения с арабскими и европейскими странами, а Египет занимал одно из ведущих мест среди всех стран мира по объему торговли с Ираком в рамках программы ООН «Нефть в обмен на продовольствие».

Накануне начала военных действий официальные лица Египта неоднократно выступали с критикой правительства США, предлагавшего силой разоружить Ирак. Согласно занятой Египтом позиции по иракскому вопросу, ключевая роль в урегулировании данной проблемы должна принадлежать ООН²⁴. Официальный Каир категорически отверг военное решение иракской проблемы и заявил, что не будет участвовать в войне против братского Ирака²⁵. Глава египетского МИД А.Махер, видимо осознавая неизбежность силовой акции США в Ираке, заявил, что Египет не примет никакого участия в антииракской военной акции, даже если она будет санкционирована ООН²⁶. Уже после окончания войны, в ходе своего турне по странам Аравийского полуострова осенью 2003 г. президент Египта заявил об отказе своей страны посылать войска в послевоенный Ирак²⁷. Это было ответом на американские предложения к мировому сообществу принять участие в послевоенном обустройстве Ирака. Вместе с тем Хосни Мубарак призвал Соединенные Штаты сохранять свое военное присутствие в Ираке до избрания там законного пра-

вительства, поскольку в противном случае Ирак может оказаться полностью охваченным анархией и беспорядками. По мнению руководства Египта, в Ираке продолжают действовать силы, стремящиеся путем разжигания межэтнической и межконфессиональной вражды вызвать в стране гражданскую войну²⁸.

Египет не устраивал режим Саддама Хусейна, как диктаторский и непредсказуемый. Как заявил Х.Мубарак, «мы с болью наблюдаем за страданиями иракского народа, однако без всяких симпатий относимся к иракскому президенту Саддаму Хусейну»²⁹. Он возложил ответственность на С.Хусейна за то, что тот своими действиями подверг опасности весь Ближний Восток, поставив регион на грань вооруженного конфликта. Во многом это произошло из-за того, что с 1990 г., когда Ирак вторгся в Кувейт, иракская политика способствовала наращиванию иностранного военного присутствия в регионе и дестабилизации обстановки на Ближнем Востоке и в арабском мире³⁰.

Каир был также против силового метода смены властей в Багдаде. Военный удар США и их союзников по Ираку был чреват серьезным экономическим уроном странам Ближнего Востока, в том числе и Египту, чьи доходы во многом зависят от зарубежного туризма, поступлений за эксплуатацию Суэцкого канала, от иностранных инвестиций – секторов экономики, тесно связанных с международной обстановкой в регионе. Говоря о внутривластных негативных последствиях войны в Ираке, Х.Мубарак отметил, что война в Ираке не даст ожидаемых результатов, породит новых «Бен Ладенов», подтолкнув мусульман еще ближе к экстремизму антизападного направления³¹, а также может стать катализатором гражданской и региональной войны.

Подавляющая часть египетского общества, равно как и в других арабских странах, яростно осуждала действия США и их союзников в Ираке, не санкционированные резолюциями Совета безопасности ООН. Пятничные молитвы в Каире и других крупных городах страны выливались в мощные антивоенные демонстрации, в которых четко звучали антиамериканские и антиизраильские лозунги. После начала войны в Ираке в египетской столице стали проходить одна за другой массовые антиамериканские манифестации. Демонстранты обращались к египетским властям с требованием разрешить им выехать в Ирак и в качестве добровольцев присоединиться к борьбе иракцев против американско-британских агрессоров³².

Ведущие арабские издания были единодушны во мнении, когда писали, что «арабы испытали шок, узнав о применявшихся американцами пытках и издевательствах над иракскими заключенными в тюрьме «Абу Грейб», включая изнасилования»³³. Известия о пытках американских военных над иракскими пленными еще больше усилили антиамериканские настроения в Египте.

Однако несмотря на широкий общественный резонанс в арабских странах, который вызвала военная акция против Багдада, официальный Каир не пошел на осложнение отношений с Западом. Он, в частности, не стал закрывать Суэцкий канал для прохода кораблей США и Великобритании, направлявшихся в зону военных действий против Ирака³⁴. Руководство страны сослалось при этом на действующие со дня открытия канала для свободного судоходства международные соглашения, согласно которым Египет имеет право на закрытие искусственной водной артерии только в случае, если египетское государство будет находиться в состоянии войны. В целом же надо отметить, что Египет выбрал тактику умеренной критики в отношении «иракского кризиса», заняв позицию «золотой середины» в арабском мире. Критикуя действия США и их союзников, Египет не позволяя себе перейти ту грань, за которой могло бы последовать ухудшение отношений с Вашингтоном. Кроме того, Каир не мог не учитывать тот факт, что США ежегодно оказывают Египту колоссальную безвозмездную экономическую помощь в размере 2 млрд. долларов.

Уже в июле 2003 г. Египет и США подписали весьма важное для Вашингтона двустороннее соглашение, гарантирующее американским гражданам иммунитет перед лицом Международного уголовного суда в Гааге. Как заявил министр иностранных дел АРЕ Ахмед Махер, Египет принял обязательство, согласно которому «американцы, обвиняемые в преступлениях против человечества, будут направляться в американские суды»³⁵. Стоит отметить, что данное решение Каира было продиктовано не только довольно высоким уровнем египетско-американских отношений, но и угрозами со стороны США лишить военной помощи все страны, которые отказываются подписать подобное соглашение. Для Египта как одного из крупнейших получателей военной помощи США предупреждение Вашингтона прозвучало как недвусмысленное предложение.

Реагируя на призывы представителей арабского сообщества заморозить отношения с США как с подельником Израиля в его антипалестинских действиях, Х.Мубарак высказался против объявления бойкота этим двум странам. Он заявил: «В конце концов, бойкот негативно скажется на нашей экономике. Мы импортируем технологии промышленно развитого Севера, чтобы наш народ смог осуществить намеченный прогресс, а бойкот закроет для нас двери сотрудничества»³⁶.

В своем обращении к открывшейся в мае 2002 г. в Каире конференции Организации арабских стран-экспортеров нефти (ОАПЕК) президент Египта призвал министров нефти арабских стран не превращать нефть в политическое оружие и не прекращать ее стабильные поставки на мировой рынок³⁷. Мубарак не одобряет использование нефтеэкспорта в качестве инструмента давления на США. По его мнению, если арабские страны перестанут поставлять на Запад нефть, это негативно скажется на состоянии их экономик.

Учитывая сложную обстановку в районе арабо-израильского конфликта, принявшего перманентный характер, Египет совершенствует свои вооруженные силы, стремясь максимально упрочить свою национальную безопасность. Египет поддерживает особые отношения с США в области военно-технического сотрудничества. Символическим демаршем на начальном этапе этого сотрудничества стало участие приобретенных АРЕ американских самолетов «Фантом» в военном параде 6 октября 1979 г. Среди всех арабских стран Египет является крупнейшим получателем американской безвозмездной помощи со второй половины 70-х годов XX века. Ежегодно Египет получает от США 1,3 млрд. долл. безвозмездной военной помощи³⁸. По этому показателю АРЕ занимает второе место после Израиля.

Негласная гонка вооружений, которая ведется между Египтом и Израилем, грозит стать еще одним источником накала напряженности в регионе. При этом США заинтересованы в том, чтобы Израиль имел преимущество перед Каиром на случай возможной войны. В том, что США оказывают Израилю огромную военную помощь, Египет видит угрозу для всего региона, полагая, что наращивание Израилем военной мощи может подтолкнуть граничащие с еврейским государством страны к «обладанию ядерным, химическим и биологическим оружием». И тогда, по мнению Мубарака, весь мир окажется на грани катастрофы³⁹.

Египет считается одним из основных стратегических партнеров Соединенных Штатов в регионе. Начиная с 1981 г. Египет и США проводят совместные военные учения под названием «Сверкающая звезда». В октябре 2001 г. на средиземноморском побережье Египта прошли одиннадцатые по счету широкомасштабные военные маневры, в которых приняли участие около 70 тыс. военнослужащих (из них 43 тыс. египетских) из 10 стран.

С 1988 г. Египет имеет статус союзника США из числа стран, не входящих в НАТО⁴⁰. Это позволило за последние годы существенно расширить сотрудничество в военной области, так как по американским законам страны, являющиеся главными союзниками США, пользуются льготным режимом экспортного контроля при закупках боевой техники. Такой же статус имеет и Израиль. Но характер отношений США с Египтом и Израилем различный. Если Израиль является для США одним из главнейших союзников в мире, интересы которого Вашингтон методично соблюдает в самых разных областях международных отношений, то «стратегический партнер» Египет – это в первую очередь влиятельный канал для общения с арабским миром, с которым у США диалог никак не получается. Для самого Египта такая роль, с одной стороны, почетна, поскольку признает за ним статус лидера в арабском мире, а с другой, рискованна, ибо закрепляет в сознании людей имидж Египта как большого друга ненавистной для большинства арабов Америки. Отсюда – стремление Каира баланси-

ровать между общеарабскими интересами и собственными планами укрепить лидирующие позиции в регионе.

Со своей стороны Белый дом стремится как можно больше расширить и углубить связи с Египтом, чтобы стать единственным стратегическим партнером этой арабской страны. В Каире в свою очередь понимают, что реальной альтернативы уровню партнерства с США в обозримом будущем не предвидится. За последние годы заметно активизировались торгово-экономические отношения между Египтом и США. Как заявил министр внешней торговли АРЕ Юсеф Бутрос Гали, экспорт египетских товаров в США в 2003 г. по сравнению с 2002 г. вырос более чем на 21% и составил свыше 1,1 млрд. долл., в то время как годом ранее он равнялся около 942 млн. долл.⁴¹ Вместе с тем масштабы египетско-американской торговли существенно меньше товарообмена между США и Саудовской Аравией⁴².

Не последнюю роль в развитии египетско-американских отношений играет религиозный фактор. Дело в том, что в США проживает довольно значительная община коптов – конфессиональная группа, насчитывающая в Египте, по некоторым данным, до 7 млн. человек. Так, отдельные средства массовой информации в США время от времени поднимают вопрос о притеснениях христиан-коптов в Египте. В Конгрессе США даже звучали требования снизить объемы ежегодной американской помощи Каиру в качестве наказания за гонения на религиозные меньшинства.

Глава коптов Египта Шенуда III не раз выступал с осуждением тех коптов за рубежом, прежде всего живущих в США, кто своими заявлениями по поводу притеснений христиан в Египте старается нарушить межконфессиональный мир в стране. Сами египетские копты считают подобные инсинуации попыткой влиять на внутривнутриполитическую обстановку в АРЕ. Хотя отношения между Египтом и США остаются довольно тесными, Вашингтон, видимо, не прочь заполучить лишний рычаг давления на Каир на тот случай, если египетские власти решат проводить политику, отличающуюся от американского видения.

Стоит отметить, что критических замечаний со стороны коптов, живущих за пределами Египта, по поводу политики официального Каира в отношении религиозных меньшинств за годы правления Хосни Мубарака стало значительно меньше. Очевидно, что это произошло в результате достижения реальных успехов в деле создания атмосферы толерантности в египетском обществе и улучшения положения коптов.

В США пристально следят за внутривнутриполитическими процессами в Египте. Вашингтон устраивает режим президента Хосни Мубарака, переизбранного 26 сентября 1999 г. подавляющим большинством голосов на очередной – уже четвертый – шестилетний президентский срок. На международной арене за более чем два десятилетия прези-

дентства Хосни Мубарак успел зарекомендовать себя как внушающая доверие политическая фигура. Именно Мубарак, став президентом в 1981 г., дистанцировался от Израиля, но не отошел от политики сотрудничества с США в различных областях.

Египет – страна, обладающая большим политическим весом в Арабском мире, стремится к закреплению в нем своего лидерства, хотя и не обладает теми колоссальными запасами углеводородного сырья, которые имеют страны Персидского залива. Во внешней политике Египет стремится стать одним из коспонсоров палестино-израильского урегулирования, ключевым звеном в системе безопасности как в северной Африке, так и в регионе Арабского Машрика.

Внутри страны власти делают ставку на масштабные национальные проекты, которые при успешной реализации могут решить внутренние задачи и существенно повысить престиж Египта на международной арене. Речь идет о планах стать одним из крупнейших поставщиков природного газа в мире, центром продвижения новейших информационных технологий, а также о намерении разрешить проблему водных ресурсов в бассейне реки Нил. Все это, безусловно, малореализуемо без солидной финансовой поддержки Запада, прежде всего США. Поэтому, стремясь укрепить свое региональное лидерство во Арабском Востоке, Египет в обозримом будущем обречен на тесное сотрудничество с Соединенными Штатами.

И Запад, и Израиль, и, разумеется, арабские страны заинтересованы в том, чтобы в Египте царили мир и спокойствие. Этого требует особая роль Египта, играющего роль посредника между Арабским миром и Западом, особенно в том, что касается насущных политических вопросов арабского сообщества. В этом смысле нынешний правящий режим во главе с опытным Хосни Мубаракom многих устраивает. Учитывая в целом благоприятные отношения Каира с Западом, а также большой интеллектуальный потенциал «страны пирамид», на Западе нередко звучат прогнозы, что Египет – это будущий «тигр Нила», которого ждет быстрый и блестящий подъем, подобно некоторым странам Юго-Восточной Азии. США, заинтересованные в том, чтобы лидером арабского сообщества был их «стратегический партнер», всячески поддерживают такие мнения.

Египет является несущей конструкцией всей ближневосточной политики Вашингтона. Через Каир власти США стараются найти общий язык с теми арабскими режимами, с которыми у Вашингтона до сих пор не сложились отношения. Однако нынешняя арабская политика США вызывает у официального Каира опасения. На фоне углубления и укрепления отношений Сирии с Египтом Каир весьма болезненно воспринимает угрозы со стороны Израиля (поддерживаемые США) в адрес Дамаска. Египет резко осудил израильскую атаку на палестинские лагеря на территории

Сирии 5 октября 2003 г.⁴³ Официальный Каир, который также прилагает большие усилия для активизации межарабской интеграции, весьма негативно воспринял вызывающую акцию Израиля. Сирия была и остается одной из ключевых стран в арабском мире, а потому любые враждебные действия против нее воспринимаются египетским руководством, интеллигенцией и общественностью как попытка ослабить их собственные позиции.

Быстрыми темпами налаживаются отношения Египта с другим соперником США в регионе Ближнего и Среднего Востока – Ираном, а также с Суданом, который Вашингтон причисляет к государствам, поддерживающим международный терроризм. Все это говорит о том, что Каир стремится самостоятельно выстраивать свою региональную политику, и развивать политические и экономические отношения с государствами, максимально дистанцируясь от влияния США.

В то же время серьезную ставку на Каир делают в Вашингтоне в деле скорейшего преодоления последствий вторжения в Ирак. В ходе своего визита в Египет в августе 2003 г. помощник госсекретаря США по Ближнему Востоку Уильям Берне призвал египетские власти «поддерживать политические процессы, проводимые под эгидой Временного управляющего совета Ирака (ВУСИ), такие как принятие конституции, проведение выборов, формирование правительства, поскольку это в интересах как США, так и Египта»⁴⁴. По мнению американского дипломата, то же самое должны сделать и власти других арабских стран, а роль Египта заключается в том, чтобы донести до политических элит арабского мира необходимость признания и сотрудничества с властями постсаддамовского Ирака.

В ходе встречи с Джорджем Бушем в апреле 2004 г. президент Египта выразил «серьезную обеспокоенность в связи с нынешним положением дел в Ираке, в частности в сфере безопасности и гуманитарной области». Мубарак выступил за скорейшее возвращение суверенитета иракскому народу и отметил, что «усилия расширить роль ООН в этом процессе являются важным шагом вперед и заслуживают поддержки»⁴⁵.

Официально Египет для США – «ключевой партнер по борьбе с терроризмом и процессу мирного урегулирования на Ближнем Востоке». На деле – мост для общения с арабским миром, а в будущем, быть может, и канал для внедрения американских идей по реформированию региона. В начале 2004 г. США выступили с инициативой, получившей название «Большой Ближний Восток»⁴⁶. Она предполагала проведение широких политических, демократических и экономических реформ в 22 странах ближневосточного региона, включая Северную Африку, в обмен на масштабную финансовую помощь Запада. Фактически речь шла о планах коренного переустройства целого региона по образцу, предлагаемому Вашингтоном.

В марте 2004 г. в рамках ближневосточного турне в Каир был заместитель государственного секретаря США по политическим вопросам Марк Гроссман с целью изложить египетскому руководству американскую инициативу «Большой Ближний Восток»⁴⁷. Реакция на этот план в арабском мире была негативной. Местные обозреватели сразу обратили внимание на два неприемлемых для большинства арабских стран момента – инициатива США игнорирует конфликт с Израилем, который арабы считают главной причиной кризисного состояния в арабском мире, и навязывает внутренние реформы извне.

Заверения США в том, что «Соединенные Штаты не могут и не хотят навязывать преобразования» и что «реформы должны быть инициированы в самом регионе», не убедили правительства арабских стран. Как заявил министр информации Сирии Ахмед аль-Хасан на проходившем в Дамаске международном симпозиуме, обсуждавшем политику США в регионе, арабские страны должны активно противодействовать американскому плану «Большой Ближний Восток» и другим подобным планам, которые навязываются арабам извне⁴⁸. Подводя итоги симпозиума, директор Арабского центра стратегических исследований Мунир аль-Хамаш отметил, что его участники были едины во мнении, что процесс политических реформ на Ближнем Востоке должен иметь внутренние корни, а не навязываться его народам из-за границы. Участники симпозиума подтвердили необходимость объединения усилий арабских народов для противодействия подобным планам, которые, по их мнению, в соответствии с международным правом не имеют какой-либо законной силы. Они отметили также, что американский план оставляет в стороне решение основных экономических и социальных проблем, которые стоят перед народами региона, и прежде всего главной проблемы – урегулирования ближневосточного конфликта.

Официальный Каир скептически отнесся к инициативе США. Как заявил президент Египта Хосни Мубарак, реформы должны вызреть в арабских обществах с учетом национальных особенностей, традиций, влияния религии и собственного политического опыта, а навязанные извне реформы могут привести к власти в арабских странах экстремистские исламские режимы⁴⁹. В конце концов, план США не получил поддержки даже в Египте и Иордании – арабских странах, считающихся близкими партнерами Вашингтона в регионе Ближнего Востока. В итоге в конце марта США были вынуждены отозвать свою инициативу⁵⁰.

В XXI век Арабская Республика Египет вступила в качестве крупнейшего по численности населения арабского государства, открыто претендующего на региональное лидерство. Весомая роль Египта в Арабском мире основывается на активности и разновекторности его внешней политики, старающейся охватить основные проблемы со-

временных международных отношений. Особые отношения с США, мирный договор и дипломатические контакты с Израилем позволяют Египту играть роль проводника взаимных интересов между арабскими странами и Западом. Каир стремится быть активным посредником в процессе ближневосточного урегулирования, включающем в себя не только решение палестино-израильского конфликта, но и снятие напряженности в отношениях между Израилем и большинством арабских стран. В связи с этим египетско-американские отношения, регулярно затрагивающие эти и другие проблемы, приобретают особую важность для будущего региона.

¹ ИТАР-ТАСС. 27.09.2001.

² *Ражбадинов М.З.* Радикальный исламизм в Египте. – М.: ИИИБВ, 2003. – С. 214.

³ ИТАР-ТАСС. 12.09.2001.

⁴ Аль-Ахрам. 12.09.2001.

⁵ ИТАР-ТАСС. 09.10.2001.

⁶ *Юрченко В.П.* Военно-техническое сотрудничество США с арабскими странами (конец XX – начало XXI вв.) // Ближний Восток и современность. Вып. 18. – М.: ИИИБВ, 2003. – С. 248.

⁷ Аль-Ватан аль-Араби, 02.11.2001.

⁸ ИТАР-ТАСС. 30.04.2002.

⁹ РИА «Новости». 23.04.2004.

¹⁰ ИТАР-ТАСС. 20.12.2003.

¹¹ ИТАР-ТАСС. 18.02.2001.

¹² Пульс планеты. Ежедневный бюллетень международной информации. 06.08.2002.

¹³ ИТАР-ТАСС. Лента новостей, 11.06.2002.

¹⁴ ИТАР-ТАСС. Лента новостей, 07.06.2002.

¹⁵ Аль-Ахрам. 12.07.2002.

¹⁶ *Примаков Е.М.* Мир после 11 сентября. – М.: Мысль, 2002. – С. 83.

¹⁷ Аль-Гумхурия, 16.12.2001.

¹⁸ ИТАР-ТАСС. Лента новостей, 11.06.2002.

¹⁹ ИТАР-ТАСС. Лента новостей, 01.07.2002.

²⁰ РИА «Новости». 22.03.2004.

²¹ ИТАР-ТАСС. 12.04.2004.

²² Аль-Ахрам. 15.04.2004.

²³ РИА «Новости». 25.04.2004.

²⁴ Аль-Кувват аль-Мусалляха. 06.10.2002.

²⁵ ИТАР-ТАСС. Лента новостей, 31.03.2003.

²⁶ Le Monde. 29.01.2003.

²⁷ www.arabicnews.com. Politics, 1 October 2003.

²⁸ РИА «Новости». 07.01.2004.

²⁹ Пульс планеты. 14.06.1994.

³⁰ ИТАР-ТАСС. 19.03.2003.

- ³¹ ИТАР-ТАСС. 31.03.2003.
- ³² ИТАР-ТАСС. 04.04.2003.
- ³³ Аш-Шарк аль-Аусат. 19.05.2004.
- ³⁴ РИА «Новости». 31.03.2003.
- ³⁵ РИА «Новости». 04.07.2003.
- ³⁶ Аль-Ахрам. 15.07.2002.
- ³⁷ ИТАР-ТАСС. Лента новостей, 11.05.2002.
- ³⁸ *Юрченко В.П.* Армия и власть в Египте // Армия и власть на Ближнем Востоке. – М.: ИИИБВ, 2002. – С. 17.
- ³⁹ ИТАР-ТАСС. 14.11.2001.
- ⁴⁰ *Юрченко В.П.* Военно-техническое сотрудничество США с арабскими странами (конец XX – начало XXI вв.) // Ближний Восток и современность. Вып. 18. – М.: ИИИБВ, 2003. – С. 247.
- ⁴¹ www.arabicnews.com. Economics, 7 April 2004.
- ⁴² ИТАР-ТАСС. 21.09.2001.
- ⁴³ РИА «Новости». 05.10.2003.
- ⁴⁴ Al-Ahram. Weekly, 14–20 August 2003, Issue No. 651.
- ⁴⁵ ИТАР-ТАСС. 12.04.2004.
- ⁴⁶ План «Большой Ближний Восток», предложенный США // Al-Siyassa al-Dawliya, Cairo, April 2004, Issue № 156. – С. 297–301.
- ⁴⁷ РИА «Новости». 02.03.2004.
- ⁴⁸ РИА «Новости». 14.04.2004.
- ⁴⁹ Аш-Шарк аль-Аусат. 26.03.2004.
- ⁵⁰ Аш-Шарк аль-Аусат. 26.03.2004.

**СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ
РАЗВИТИЯ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ ЛИВИИ
С ПРОМЫШЛЕННО РАЗВИТЫМИ СТРАНАМИ**

Снятие международных экономических санкций, введенных СБ ООН в начале 90-х годов против Ливии в связи с обвинениями в причастности к взрывам американского и французского авиалайнеров и отказом от сотрудничества в расследовании обстоятельств авиакатастроф, открыло возможности для реанимации внешнеэкономических связей, деловых партнерских отношений прежде всего с промышленно развитыми странами. Последние, главным образом государства Западной Европы, традиционно являлись ведущими внешнеэкономическими партнерами Ливийской Джамахирии. Бывшая метрополия – Италия, а также Германия, Швейцария и Испания начиная со второй половины XX в. являлись ведущими покупателями ливийской нефти, на которую приходилась львиная доля ливийского экспорта – до 95% и более. В странах – потребителях жидких углеводородов, экспортировавшихся СНЛАД, Джамахирия приобрела доли ряда нефтеперерабатывающих предприятий, здесь же была скуплена сеть заправочных станций. Между Ливией и Италией (Сицилия) был сооружен газопровод, намечалось участие Ливии в нефте- и газовых проектах с участием некоторых стран Южной Европы и других североафриканских экспортеров углеводородов. Как и другие государства Северной Африки, Ливия в основном закупала потребительские и инвестиционные товары в промышленно развитых странах географически близкой Европы [1].

На протяжении 90-х годов прошлого столетия нарастающие экономические трудности, связанные прежде всего с низкими доходами от экспорта нефти, наряду с международными санкциями привели к резкому падению объемов внешнеэкономического сотрудничества Ливии. Если до падения мировых цен на нефть, затаившегося почти на два десятилетия, пиковые показатели доходов страны от ее экспорта составляли 20–25 млрд. долл., то в особо кризисные годы они падали до 6,5 млрд. [2]. Положение усугублялось серьезными просчетами в проектировании и реализации ряда крупных проектов в области развития инфраструктуры, промышленности и сельского хозяйства. В конечном счете это привело к резкому ухудшению валютно-финансового положения СНЛАД. В результате в Ливии с ее отно-

сительно небольшим населением и значительными доходами от экспорта энергоносителей к концу 90-х годов образовался внешний долг в объеме, превысившем 4 млрд. долл. [3]. И хотя он был существенно ниже золотовалютных резервов государства (свыше 13 млрд. долл.), сам по себе факт весьма показателен и симптоматичен [4].

Международные санкции надолго заблокировали техническую модернизацию и развитие ведущей отрасли национальной экономики – нефтяной, лишив Ливию возможности импорта необходимого оборудования, перекрыв приток иностранных инвестиций. Резко сократились объемы нефтегазоразведки, что вело к сверхэксплуатации действующих месторождений и угрожало сокращением доли извлекаемой нефти.

Жесткий режим санкций наряду с валютно-финансовым кризисом вызвал свертывание программ экономического развития, привел к тому, что были заморожены многие экономические и социальные проекты.

По сути, единственным значимым каналом делового партнерства с внешним миром остался экспорт ливийской нефти своим традиционным покупателям. При закупках технологического оборудования, необходимого, чтобы не допустить прекращения добычи энергоносителей, порой приходилось переплачивать в несколько раз, что негативно сказывалось на валютно-финансовом положении страны. Эксперты отмечали, что в 90-е годы под влиянием названных обстоятельств происходило обветшание всего производственного потенциала Ливии, в особенности промышленного оборудования и объектов инфраструктуры. Стране угрожал не только беспрецедентный экономический, но и системный кризис. Снятие международных санкций, совпало с начавшимся ростом цен на нефть на мировом рынке, которые достигли своих максимальных значений за всю историю нефтедобычи в арабских странах. Валютно-финансовое положение Ливии существенно улучшилось, открылись реальные перспективы относительно быстрого преодоления негативных явлений, образовавшихся в экономике в условиях изоляции страны и резкого сокращения внешнеэкономических связей. Ливия вновь вернулась к широкомасштабным программам экономического восстановления и модернизации ее хозяйственного потенциала, на которые планируется выделить из возросших валютных поступлений десятки миллиардов долларов.

В этих условиях в стране отмечается быстрое оживление деятельности иностранных компаний и банков, возвращение прежних и открытие новых многочисленных представительств и филиалов коммерческих структур. В страну возвращаются или намереваются расширить свою деятельность главным образом традиционные деловые партнеры СНГ из промышленно развитых стран Европы.

Что касается такого значимого в прошлом партнера Ливии, как США, то они пока сохраняют введенные ими санкции, предусматри-

вающие юридическое преследование компаний, инвестирующих более 20 млн. долл. в ливийскую экономику. Хотя и наметилось некоторое оживление деловых связей в виде снятия запрета на продажу Ливии американского зерна, в целом качественных сдвигов пока не произошло. США отвергли предложения Триполи вернуться к прежним проектам по разработке месторождений углеводородов. В этой связи надо отметить, что за последние десятилетия привлекательность Ливии, как и ряда других ближневосточных экспортеров энергоносителей, заметно снизилась из-за интенсивной разведки и введения в эксплуатацию новых месторождений в других регионах мира, накопленных резервов и действия других факторов. Данное обстоятельство наряду с сохраняющимися обвинениями со стороны США в антиамериканском курсе Ливии на африканском континенте сдерживает процесс возвращения к полномасштабному экономическому сотрудничеству между двумя странами.

В этих условиях, вероятнее всего, следует ожидать в ближайший период восстановления и развития экономических связей главным образом с европейскими, в том числе восточноевропейскими государствами, а также с Японией и Южной Кореей, другими новыми индустриальными странами – традиционными внешнеэкономическими партнерами СНГ. Совет ЕС в сентябре 1999 г. отменил все ограничения, ранее наложенные на Ливию, исключая те, которые касаются торговли оружием. Еще ранее – зимой и весной того же года были приняты решения о присоединении Ливии к средиземноморскому процессу. Вероятно, Триполи волеется в процесс, в котором уже длительное время участвуют другие североафриканские государства – Тунис, Марокко, Египет, с которыми ЕС заключил соглашения об ассоциации, создании со временем зоны свободной торговли. По крайней мере, Триполи, похоже, твердо избрал путь сближения с Европой. Учитывая то обстоятельство, что Ливия довольно близка к ряду новых членов альянса по отдельным ключевым макроэкономическим показателям, вероятно, это облегчит продвижение по пути постепенной интеграции. Этому будут содействовать и начавшиеся на протяжении последних полутора-двух десятилетий ограниченные меры по либерализации ливийской экономики. Хотя до сих пор многие крупные проблемы на пути формирования современной рыночной экономики не решены удовлетворительным образом (не восстановлен ликвидированный институт частной собственности на землю, в сфере хозяйственных отношений процветает коррупция, в ключевом – банковском секторе слабо представлены негосударственные структуры и интересы, недостаточно защищены права иностранных инвесторов, слаб местный предпринимательский слой и т.д.), отдельные шаги, предпринятые уже со второй половины 90-х годов по приватизации государственных компаний, либерализации инвестиционного кодекса, допуску частного капитала во внешнюю торговлю и некоторые другие

отрасли ливийской экономики, ранее закрытые для него, поддержке малого и среднего бизнеса будут положительно влиять и на развитие сотрудничества с промышленно развитыми странами, привлечение иностранного капитала в ливийскую экономику.

В этом же направлении, вероятно, будут действовать и меры, направленные на свертывание программ в области разработки и производства оружия массового уничтожения, о которых было объявлено Триполи осенью 2003 г. Данный шаг позволит сберечь достаточно крупные финансовые и иные ресурсы и направить их на цели экономического восстановления и развития. Видимо, положительно скажется и более реалистичная внешняя политика в целом, в том числе отказ от поддержки различных радикальных группировок и движений в Африке и на Ближнем Востоке. Что касается приоритетных областей сотрудничества, то, согласно имеющимся планам и программам, они включают разведку и разработку новых месторождений нефти и газа, строительство нефтегазопроводов, нефтеперерабатывающих предприятий и заводов по сжижению газа, морских терминалов и объектов инфраструктуры, энергетических объектов, предприятий по сборке машин и оборудования сельскохозяйственного и промышленного назначения, развитие сферы туризма, продолжение поэтапной реализации проектов, направленных на переброску подземных вод из внутренних пустынных районов к побережью страны, ряд социальных проектов в области образования и здравоохранения. Многие из них намечено реализовывать с привлечением иностранных инвестиций, прежде всего из промышленно развитых стран Европы. Иностранцам инвесторам планируется предоставить дополнительные льготы, согласно новому законодательству, включая закон № 5 от 1997 г.

Как уже упоминалось, Ливия активизировала в последние десятилетия свою инвестиционную деятельность за рубежом, прежде всего в странах Западной Европы, вкладывая значительные ресурсы главным образом в объекты нефтегазовой сферы. К началу текущего столетия общий объем зарубежных инвестиций специально созданной в этих целях Ливийской арабской компании по зарубежным капиталовложениям «Лафико» составил порядка 5 млрд. долл. Помимо нефтегазовой сферы эти средства инвестировались в объекты добывающей промышленности, туризма, сельского хозяйства, торговли, холдинговые компании и т.д. Многочисленные объекты с участием ливийских капиталов действуют и в других регионах мира, прежде всего в арабских странах.

Внедряясь главным образом в сферу нефтегазового комплекса, ливийский капитал все активнее действует и в других высокоприбыльных отраслях – автомобильной промышленности, в области связи и банковской сфере, здравоохранении и сфере услуг. Вместе с тем на пути сотрудничества Ливии с промышленно развитыми странами, помимо ранее отмеченных трудностей и препятствий, существует

немало других. Прежде всего это относится к острому дефициту квалифицированной рабочей силы внутри страны. Ливия все еще вынуждена широко привлекать иностранную рабочую силу, и это – не самое лучшее решение проблемы в условиях, когда в стране отмечается исключительно высокий уровень безработицы – до 25–30% трудоспособного населения [5]. Негативно влияет на инвестиционный климат и неразвитость местного частного предпринимательства, деятельность которого длительное время тормозилась многочисленными препонами. Да и до сих пор многие ограничения не сняты, решение основных вопросов, связанных с приватизацией низкорентабельных государственных предприятий все еще впереди. При усилении открытости ливийской экономики и рынков страны, как это предусматривается соглашениями ЕС с другими странами Северной Африки, этим предприятиям не избежать банкротства. Еще одна серьезная проблема – состояние объектов инфраструктуры. Страна нуждается в огромных инвестициях в развитие средств связи, в сооружение новых, модернизацию и ремонт существующих автомобильных и железных дорог, морских причалов, в реанимацию национальной гражданской авиации [6].

Среди перечня отраслей, в которых экономическое партнерство с развитыми странами Запада пойдет наиболее быстро, вероятно, следует выделить национальный нефтегазовый комплекс. Вряд ли Триполи упустит шанс на получение остро необходимых финансовых ресурсов от экспорта нефти и газа (роль последнего неуклонно возрастает) в условиях более чем благоприятной конъюнктуры мирового рынка углеводородов. И здесь обращает на себя внимание возросшая активность по заключению межправительственных соглашений о сотрудничестве во многих отраслях экономики с рядом промышленно развитых стран Европы, подписанию многочисленных контрактов с зарубежными компаниями, в особенности с конца 90-х годов. Последние охватывают разведку, обустройство и разработку новых месторождений, сооружение НПЗ, заводов по сжижению газа, прокладку нефте- и газопроводов, расширение морских экспортных терминалов. Сотрудничество включает и такие области, как развитие коммунального хозяйства в Ливии, модернизацию и расширение инфраструктуры, сооружение энергетических объектов [7].

Приоритетной сферой остается сотрудничество в нефтегазовой области. Еще в 90-е годы были заключены контракты с крупными европейскими нефтяными компаниями Шелл (Дания), Тоталь (Франция), Петрофина (Бельгия), Лаемо (Великобритания), Аджип (Италия), Репсол (Италия) и другими на разработку гигантских месторождений Мурзук, Мабрук и некоторых других, каждое из которых, по имеющимся оценкам, содержит до 1 млрд. барр. нефти и более [8]. Контрактами предусматривается сооружение НПЗ, намечено строительство трубопроводов для транспортировки нефти и газа.

Помимо делового партнерства в многочисленных конкретных областях с промышленно развитыми странами, Триполи проявляет заинтересованность в более тесной интеграции с Евросоюзом, членами которого является большинство основных традиционных торгово-экономических партнеров Ливии. После принятия в 1999 г. ЕС решения об отмене всех ограничений на сотрудничество с СНЛАД в начале 2000 г. Триполи проинформировал Евросоюз об одобрении его принципов, целей и задач и выразил желание стать полноправным членом этой организации. Учитывая растущие масштабы сотрудничества Триполи с европейскими странами, а также новейшие тенденции, связанные с политикой Евросоюза после провозглашения в 1992 г. Новой интеграционной стратегии в отношении южного Средиземноморья, ряд других факторов, сближение Триполи с единой Европой представляется наиболее перспективной ведущей тенденцией во внешнеэкономических отношениях Ливии. В этом направлении «работают» и набирающие темпы либеральные экономические реформы, а также определенные положительные изменения макроэкономических показателей в СНЛАД. В частности, отмечается рост ВВП, в том числе за счет ненефтяной отрасли, заметное падение темпов инфляции и т.д. Визиты Т.Блэра в Ливию и М.Каддафи в Брюссель весной 2004 г. свидетельствуют в пользу такой оценки.

Триполи не оставляет надежд на снятие санкций США, введенных ими еще в 80-е годы и ужесточенных впоследствии. До введения санкций США являлись крупным торгово-экономическим партнером СНЛАД. Они закупали примерно 1/4 всей экспортируемой ливийской нефти [9]. Со своей стороны ливийцы импортировали из Соединенных Штатов продовольствие, прежде всего зерно, промышленное оборудование. Американские нефтяные компании активно работали в ливийском нефтегазовом комплексе. После введения санкций они постепенно оставили свой бизнес в Ливии, но их активы не были национализированы, и, в принципе, возвращение компаний из США вполне реально. Некоторые международные СМИ отмечали возможность начала процесса отмены американских санкций еще весной 2004 г. Триполи проявляет большую заинтересованность в этом. Трения в политической сфере остаются единственным серьезным препятствием для полной нормализации отношений, тем более, что первые признаки этого уже есть. Возможно, наращивание ливийцами объемов добычи и экспорта нефти и газа несколько приблизит начало процесса нормализации ливийско-американских отношений. Однако при этом следует учитывать, что в настоящее время США считают приоритетными не столько экономические, сколько политические составляющие своего курса в отношении Триполи [10].

1. Полпред. Экономические связи в 2000 году. – М. 2000, с. 162–178.

2. Аль-Маджмуа аль-ихсаия ли дуваль аль-ватан аль-арабий. Джамиат ад-дуваль аль-арабия. Аль-Кахира, 1995, с. 252–255.
3. Аль-Маджмуа аль-ихсаия ли дуваль аль-ватан аль-арабий. Джамиат ад-дуваль аль-арабия. Аль-Кахира, 1995, с. 252–255; Страны Африки. 2002. – М., 2002, с. 154–159.
4. Страны Африки. 2002. – М., 2002, с. 154–159; Middle East Economic Digest. L., 2003, № 38, с. 71.
5. World Statistics. Pocketbook. 2000. UN, N.Y., с. 111; БИКИ. М., 2004, № 26, с. 4–5;
http://www.geocities.com/iiiiisurata2QOO/about_libya.htm
6. The Middle East and North Africa. 2003. L., 2003, с. 825–861.
7. http://www.geocitigs.com/misurata2000/about_libya.htm
8. The Middle East and North Africa. 2003. L., 2003, с. 825–861.
9. Полпред. Экономические связи в 2000 году. – М., 2000, с. 162–178; Middle East Economic Digest. L., 2003, № 38, с. 71.
10. БИКИ. М., 2004, № 26, с. 4–5.

США И ИРАК: БУДУЩЕЕ МИРОВОГО РЫНКА НЕФТИ

Военная кампания США в Ираке, в результате которой был свергнут режим Саддама Хусейна, дала основания для многочисленных дискуссий по поводу будущей стратегии Ирака в сфере нефтедобычи. Этот вопрос важен как для нефтеэкспортирующих стран, так и для всех государств мира, так как иракская политика в нефтяной сфере может стать тем фактором, который кардинально изменит существующую мировую экономическую систему.

В настоящее время темпы мирового экономического развития в значительной степени зависят от цен на нефть, так как за счет этого сырья обеспечивается преобладающая доля мирового энергопотребления. Так, в 2002 г. показатель доли нефти в мировом потреблении первичной энергии составил 37,5%, аналогичный показатель для газа – 24,3%, для угля – 25,5%, для остальных источников энергии 12,8%¹. Ведущая роль нефти объясняется ее доминированием в транспортном секторе, где ее доля достигает 96%, тогда как в промышленности и производстве электроэнергии – 27% и 9% соответственно.

Доминирующая роль в определении ситуации на мировом рынке нефти сейчас принадлежит Саудовской Аравии и ее партнерам по Совету сотрудничества арабских государств Персидского залива (Бахрейн, Катар, Кувейт, Оман и ОАЭ). Это объясняется не только тем, что эти государства обладают большей частью доказанных мировых запасов нефти, но также тем, что они поддерживают определенный уровень дополнительных незадействованных мощностей по добыче нефти. Так, с одной стороны, объем таких мощностей в настоящее время превышает 3 млн. баррелей в сутки, что позволяет этим странам в случае остановки нефтяного экспорта любой из стран мира, за исключением России, в предельно короткие сроки возместить недостающий объем нефти на мировом рынке. Таким образом, страны ССАГПЗ обеспечивают стабильность на мировом рынке нефти. С другой стороны, нефтяная политика этих стран предполагает, что они сокращают и увеличивают добычу нефти для балансировки спроса и предложения и тем самым поддерживают цены на нефть в границах 15–30 долл. за баррель, что позволяет им максимизировать свои доходы от экспорта нефти. Такая политика стран ССАГПЗ обусловила стратегические отношения этих государств с США, которые за счет таких отношений не только обеспечивают свою энергетику

ческую безопасность, но и поддерживают свою глобальную конкурентоспособность. США разделяют интересы ССАГПЗ в области поддержания цен на нефть в границах 15–30 долл. за баррель, так как Соединенным Штатам невыгодны ни слишком высокие (более 30 долл. за баррель), ни слишком низкие (менее 10 долл. за баррель) цены на нефть. В первом случае экономическая активность в США падает, во втором – США начинают ощущать растущую конкуренцию со стороны Европейского Союза и других стран мира, экономика которых в большей степени зависит от обеспеченности нефтью². Так, в 2001 г. нефть составила 30% энергопотребления США, тогда как аналогичный показатель для ЕС достиг 55%, для Японии – 52%.

Фактически США способствовали тому, что ССАГПЗ доминирует на мировом рынке нефти, вводя санкции против таких стран, как Ирак, Иран и Ливия. Санкции в Ираке стали причиной того, что уровень добычи нефти в этой стране был заморожен почти на 10 лет. В Иране и Ливии эти санкции в определенной мере способствовали снижению инвестиционного интереса к нефтедобывающей отрасли этих стран. Все это привело к тому, что одна только Саудовская Аравия, без учета ОАЭ и Кувейта, обладает в настоящее время почти половиной всех незадействованных мощностей по добыче нефти в мире³.

Некоторые эксперты считают, что стратегические отношения США с ССАГПЗ в определенной мере обусловили военную кампанию Соединенных Штатов в Ираке. Так, то обстоятельство, что Ирак оказывал дестабилизирующее влияние на мировой рынок нефти, сокращая и увеличивая добычу нефти для поддержания цен на это сырье на высоком уровне, не устраивало США⁴. Аналогичные действия государств ССАГПЗ проводились в согласии с интересами США, в то время как Ирак своими действиями наносил значительный ущерб экономике Соединенных Штатов в краткосрочном периоде. Негативный эффект от такой политики Ирака для экономики США усугублялся еще тем, что Соединенные Штаты импортировали значительное количество нефти именно из Ирака: в 2001 г. – 795 тыс. баррелей в день, в 2002 г. – 442 тыс. баррелей в день. Для сравнения из Саудовской Аравии, которая занимала первое место по объемам поставок нефти в США, поступало 1,66 и 1,55 млн. баррелей в день в 2001 и 2002 гг. соответственно⁵.

Еще до теракта 11 сентября 2001 г., обусловившего начало американской антитеррористической кампании, Институт Джеймса А.Бейкера в Хьюстоне (США) представил в Конгрессе доклад, предлагавший Соединенным Штатам немедленно пересмотреть свою политику в отношении Ирака, включая проведение военных, экономических, политических и дипломатических мер для прекращения дестабилизирующего воздействия этой страны на мировой рынок нефти⁶.

Свержение режима Саддама Хусейна в Ираке привело к прекращению негативного влияния Ирака на стабильность мировых цен на

нефть, однако в то же время стало причиной возникновения множества вопросов, решение которых окажет определяющее воздействие на мировой рынок нефти в ближайшем времени. Непосредственно перед началом военной кампании в Ираке режим Саддама Хусейна обвинил США в том, что основной причиной их вторжения в страну было желание контролировать нефтяные ресурсы Ирака. Это обвинение получило широкий резонанс по всему миру. Многие эксперты полагают, что Соединенные Штаты будут неконтролируемо наращивать иракские мощности по добыче нефти, что приведет к резкому снижению цен на нефть в ближайшем будущем⁷. Такое снижение цен должно вывести американскую экономику из кризиса и укрепить позиции доллара как мировой валюты. Кроме того, США получают определенный контроль над экономическим развитием своих главных конкурентов, а именно Японии и государств ЕС, за счет своего усилившегося влияния на мировом рынке нефти.

Администрация США в ответ на обвинения Ирака сделала заявления, что иракская нефть принадлежит народу Ирака, и что Соединенные Штаты не имеют намерений устанавливать контроль над ней⁸. После окончания военных действий в Ираке Совет безопасности ООН принял резолюцию №1483, в которой утверждается, что только иракский народ вправе распоряжаться природными ресурсами своей страны⁹. Таким образом, основным вопросом сегодня является то, как Ирак распорядится своими нефтяными запасами.

В настоящее время ведутся активные дебаты по поводу того, необходимо ли приватизировать нефтедобывающую отрасль Ирака, или она должна оставаться в государственной собственности. Американская сторона настаивает на необходимости приватизации. Заключение семинара «Нефть и Энергетика», проведенного в мае 2003 г. под эгидой Госдепартамента США, указывают, что денационализация и демонаполизация нефтедобычи – это установившаяся глобальная тенденция. Государственная собственность в этой сфере ведет к сравнительно более низкому валовому уровню производства и нехватке инвестиций, что негативно отражается на благосостоянии нации. Кроме того, по мнению участников этого семинара, Ирак нуждается в консультативном содействии международных нефтяных компаний, юридических фирм и инвестиционных банков¹⁰. Недостаток этих выводов семинара заключается в том, что, основываясь на сравнении объемов добычи нефти в Ираке и в других странах мира, они не учитывают то обстоятельство, что сравнительно более низкий уровень добычи в Ираке был обусловлен главным образом международными санкциями. Некоторые международные эксперты предлагают даже предоставить частным нефтяным компаниям концессии на разработку ресурсов Ирака в качестве кардинальной меры по привлечению капитала в нефтяную отрасль страны.

Иракцы же склоняются к тому, что нефтедобыча должна полностью находиться под государственным контролем. Ряд исследователей предлагает даже конституционно закрепить исключительное право государства распоряжаться нефтяными ресурсами. В качестве основных доводов для такой позиции они приводят то обстоятельство, что только государственная собственность позволяет максимизировать объем ренты, получаемой от эксплуатации нефтяных ресурсов. Кроме того, в условиях, когда экономика Ирака полностью зависит от нефтяных доходов, денационализация нефтедобычи будет означать, что Ирак потеряет контроль над ходом своего экономического развития и будет полностью зависеть от международных нефтяных компаний. В качестве другого возможного, однако менее приемлемого варианта развития нефтяной отрасли иракские эксперты рассматривают заключение соглашений о разделе продукции (продакшн-шеринг) с международными нефтяными компаниями.

В основе споров по поводу приватизации или национализации нефтедобычи лежит проблема привлечения инвестиций в эту отрасль. По оценкам западных исследователей, для развития нефтедобычи Ираку потребуется от 10 до 38 млрд. долл. инвестиций. Естественно, Ирак не в состоянии самостоятельно обеспечить такой масштаб капиталовложений. Однако, по мнению иракских экспертов, для восстановления уровня добычи в 3,14 млн. баррелей в день необходимо не более 1 млрд. долл. инвестиций. Эти средства могут быть получены как в результате нефтяного экспорта, так и за счет американских субсидий на восстановление нефтедобычи Ирака, которые составят 1,82 млрд. долл. в 2003–2004 г.

В этой связи необходимо рассмотреть объем разрушений в нефтедобывающей отрасли Ирака. Так, в результате военных действий были разрушены мощности, обеспечивавшие производство 2 млн. баррелей в день.

Таблица

**Фактические мощности по добыче нефти
до и после военной кампании в Ираке**
(тыс. баррелей в день)

	Начало 2003 г.	Май 2003 г.	Разрушения
Северная нефтяная компа-	900	620	280
Южная нефтяная компания	1940	280	1660
Итого	2840	900	1940

Источник: Middle East Economic Survey, Vol. XLVI, № 43, October 27, 2003.

План восстановления, принятый Министерством нефти Ирака, предполагал, что к октябрю 2003 г. уровень добычи составит 1,5 млн.

баррелей в день, к декабрю 2003 г. – 2 млн., к марту 2004 г. – 2,8 млн. Затраты по этому плану планировались на уровне 1,14 млрд. долл., причем только 65% их должно было быть направлено непосредственно в нефтедобычу¹¹. Однако уже к октябрю 2003 г. уровень добычи превысил 2 млн. баррелей в день, экспорт нефти к этому времени достиг 1,2 млн. баррелей в день. Таким образом, привлечение международных нефтяных компаний не является насущной задачей для Ирака.

В то же время сами нефтяные компании не стремятся осуществлять инвестиции в Ирак. Среди основных причин, сдерживающих их активность, можно выделить неясность будущего статуса (государственного или частного) собственности на нефтяные ресурсы, нестабильность внутренней безопасности, что выражается в саботаже на объектах нефтяного сектора.

Кроме того, надо отметить проблему достоверности данных о масштабах доказанных запасов нефти в Ираке. Так, по официальным данным, эта страна занимает второе место в мире по объему доказанных запасов нефти – 112,5 млрд. баррелей. Однако достоверность этих данных некоторыми исследователями ставится под вопрос. Так, например, в 1987 г. Ирак за один день увеличил официальные данные о доказанных запасах нефти с 77 млн. баррелей до 112 млн. баррелей¹². Представляется, что даже несмотря на большую заинтересованность в присутствии в Ираке, международные нефтяные компании не будут осуществлять крупномасштабные инвестиции до того, как они получат более достоверные официальные данные о доказанных нефтяных запасах в стране, что сможет произойти не ранее 2005 г.

Нерешенный вопрос о членстве Ирака в ОПЕК также оказывает сдерживающее влияние на принятие решения об инвестировании международными компаниями в нефтедобычу в этой стране. Так, после окончания военных действий Ирак не был приглашен на заседания ОПЕК, членом которого он являлся ранее¹³. Основанием для этого послужило то, что Ирак не имеет статуса государства. Однако ОПЕК – это неполитическая организация, членами которой, по уставу, могут быть страны, а не государства. В 1960 г. Кувейт не был международно признанным государством, однако был принят в ОПЕК. Аналогичная ситуация повторилась позже с Катаром и Абу-Даби (1961 и 1968 гг. соответственно)¹⁴. Решение о неучастии Ирака в ОПЕК тем более странно, что это невыгодно обеим сторонам.

Что касается долгосрочных планов развития нефтедобычи в Ираке, то эксперты Министерства нефти этой страны полагают, что к 2005 г. уровень добычи составит 3–3,5 млн. баррелей при условии, что в стране будет установлен порядок и безопасность, и 5–6 млн. баррелей в день к 2010 г. Согласно этим прогнозам, Ирак сможет увеличивать экспорт нефти на 0,5 млн. баррелей в день¹⁵.

Представляется, что рост нефтедобычи в Ираке будет определяться не только наличием необходимых финансовых средств и безопасностью в стране. Страны ССАГПЗ, которые сейчас играют доминирующую роль на мировом рынке нефти, вряд ли допустят резкое увеличение доли Ирака на мировом рынке нефти. Так, эти государства могут резко увеличить производство нефти, что приведет к падению цены на нефть, в результате чего способность Ирака самостоятельно инвестировать в дальнейшее увеличение мощностей по добыче нефти резко снизится. Однако в то же время, если в нефтяную промышленность Ирака будут допущены инвестиции международных нефтяных компаний, то эта страна сможет значительно увеличить свою долю на мировом рынке нефти и стать конкурентом для стран ССАГПЗ. Это объясняется тем, что при низком уровне цен нефтедобыча в большинстве регионов мира станет нерентабельной. Так, на Ближнем Востоке издержки по добыче барреля нефти колеблются в пределах 1–4 долл. за баррель (в Ираке – 1,04 долл.), в то время как аналогичный показатель для Северного моря, например, составляет 15 долл. за баррель¹⁶. Таким образом, только Ирак способен выдержать ценовую войну со странами ССАГПЗ.

Кроме того, возможен вариант, когда Ирак станет стратегическим партнером США в нефтяной сфере, заменив собой страны ССАГПЗ. Однако это также маловероятно, учитывая то обстоятельство, что ценовая война, которую могут развернуть государства ССАГПЗ, нанесет значительный ущерб экономике США в краткосрочном периоде, а также принимая во внимание необходимость существенных инвестиций для повышения уровня добычи Ирака до такого уровня, который позволил бы ему обеспечивать стабильность на мировом рынке нефти. Подтверждением этого служат слова эксперта «Дойче банка» по стратегическим проблемам мировой нефтяной промышленности Адама Зимински, который утверждает, что вероятность того, что Ирак станет основой американской нефтяной стратегии на Ближнем Востоке, «близка к нулевой отметке»¹⁷.

Таким образом, представляется, что опасения по поводу того, что стратегия США в Ираке приведет к резкому снижению мировых цен на нефть, безосновательны. Тем не менее дружественный Соединенным Штатам режим в Ираке является своего рода гарантией национальной энергетической безопасности США, как бы ни развивались события в нефтедобывающей отрасли Ирака.

¹ Рассчитано по BP Statistical Review of World Energy, June 2003.

² Middle East Economic Survey, Vol. XLVI, № 15, April 14, 2003.

³ «Strategic Energy Policy Changes For The 21st Century», James A Baker III Institute for Public Policy of Rice University, Houston, 2001.

⁴ Arab News, February 22, 2004.

⁵ Persian Gulf Oil and Gas Exports Fact Sheet, Energy Information Administration, April 17, 2003.

⁶ «Strategic Energy Policy Changes For The 21st Century», James A Baker III Institute for Public Policy of Rice University, Houston, 2001.

⁷ The Middle East Media & Research Institute Newsletter, April 21, 2003.

⁸ Middle East Economic Survey, Vol. XLVII, № 2, January 12, 2004.

⁹ Middle East Economic Survey, Vol. XLVI, № 50, December 15, 2003.

¹⁰ MENAFN, May 5, 2003.

¹¹ Middle East Economic Survey, Vol. XLVI, № 43, October 27, 2003.

¹² Middle East Economic Survey, Vol. XLVII, № 2, January 12, 2004.

¹³ Khaleej Times, May 29, 2003.

¹⁴ Middle East Economic Survey, Vol. XLVI, № 37, September 15, 2003.

¹⁵ Middle East Economic Survey, Vol. XLVI, № 50, December 15, 2003.

¹⁶ Bright E. Okogu «The Middle East and North Africa in the Changing Oil Market», IMF, 2003

¹⁷ Еврейские новости, № 07, февраль 2003 г.

КУРДСКАЯ ПОЛИТИКА США В ИРАКЕ И ПРОБЛЕМЫ ТУРЕЦКИХ КУРДОВ

В начале марта 2004 г. в Ираке при содействии сил американо-британской коалиции Управляющий совет Ирака подписал Переходный административный закон, открывающий новую страницу в истории иракского народа, в том числе и курдов. Согласно этому документу, зачастую именуемому временной конституцией, курды формально получили право политической и культурной автономии. Курдское региональное правительство, успешно функционирующее в Иракском Курдистане уже 12 лет, было признано официальным региональным правительством в рамках целостного Ирака, оно продолжит, как и прежде, исполнять свои обязанности. Курдский язык наряду с арабским объявляется официальным языком страны [1].

Временная конституция Ирака, следовательно, предоставляет иракским курдам шанс для социально-политического развития своего автономного района с целью получения в дальнейшем статуса независимого. Наиболее важными аспектами этой проблемы являются контроль над границами, сохранение курдской милиции (пешмерга) и финансы. Последний из них в значительной степени зависит от того, смогут ли курды закрепить за собой нефтеносный район Киркука, в котором сосредоточено 40% иракской нефти. В случае удачи они будут обладать девятой частью мировых запасов нефти. Курдское руководство готово принять федеративный статус иракских курдов с двумя оговорками. Во-первых, законы, принимаемые Багдадом, не должны противоречить курдским светским законам. Влиятельные курдские официальные круги твердо настаивают на этой позиции. Во-вторых, Ирак должен быть сформирован как государство курдов и арабов. Для реализации поставленных целей курдскому руководству было бы на руку форсированное проведение национальных выборов. Курдские автономисты обладают большим политическим влиянием в стране и выборы в значительной степени обеспечат им высокий статус на федеральном уровне, несмотря на то, что в стране они представляют меньшинство. Кроме того, во время переходного периода курды будут стараться закрепить за собой контроль над наибольшей частью территории северного и центрального Ирака. Этот регион простирается от иракско-сирийской границы до иракско-иранской границы, включая города Мосул, Эрбиль и Киркук. Эта зона полиэтнична

и многоконфессиональна, так как здесь проживают и арабы, и туркмены, и курды, мусульмане различных направлений (сунниты и шииты). Однако несмотря на этническое и конфессиональное разнообразие этого региона страны, курды представляют в нем наиболее консолидированную политическую силу. Вместе с тем за контроль в этом районе борются и другие политические течения, поэтому пока нерешенным вопросом остается, насколько долго курды смогут удержать за собой доминирующее положение в нем. Нельзя исключать, что за это им придется отказаться от некоторых своих достижений, например, передать контроль над границами Багдаду и интегрировать пешмерга в иракскую национальную армию.

Вместе с тем временная конституция содержит немало спорных моментов, вызывающих возражения иракских шиитов и суннитов. Понятно, что курды могут использовать свой шанс лишь при стабильной внутривосточной ситуации в стране.

Позитивные решения по внутривосточному обустройству Ирака вызвали адекватную реакцию курдов сопредельных с Ираком Иранского, Турецкого и Сирийского Курдистана. Так, например, иранские курды под идейным руководством Демократической партии Иранского Курдистана (ДПИК) провели во всех крупных городах западного Ирана акции протеста против политики шиитских фундаменталистов, получивших большинство в парламенте, отказывающихся в отличие от реформаторского крыла от позитивного цивилизованного решения задач экономического, социального и культурного развития курдского населения. Аналогичные выступления наблюдались и в Сирийском Курдистане. А курдские студенты Стамбульского университета провели митинг в память о насилии в Халабдже и Камышлу, разогнанный турецкой полицией. Это вызвало обеспокоенность, в частности, руководства Турции, где в это время проходили выборы в местные и муниципальные органы.

Нерешенность курдского вопроса в Турции, как известно, является одним из тормозов ее вступления в Европейский союз (ЕС). Она опасается того, что предоставление курдам автономии в Ираке обострит курдский национализм в Турции, где численность курдов составляет около 15 млн., а также раздует кровопролитный конфликт в Восточной Анатолии, подобно событиям 80 и 90-х годов XX в. Между тем турецким курдам были сделаны некоторые послабления в сфере культурного развития. Так, например, им разрешено обучение на курдском языке в начальной школе, его применение в средствах массовой информации, а также постановках театральных представлений и использование при проведении конференций. Однако эти меры мизерны по сравнению с тем, чего добились иракские курды. Вместе с тем турки не приветствуют наречение курдами своих новорожденных детей курдскими именами и обязывают местные органы власти, например, в Дيارбекире сообщать о таких случаях властям.

Турецкий Курдистан, кроме того, остается в числе экономически отсталых регионов страны. Безработица среди курдского населения в 10 провинциях достигает 80%. Поэтому обеспокоенность турецких правящих кругов относительно вероятности обострения курдского сепаратизма в Турецком Курдистане нельзя считать беспочвенной. Предоставление конституционного статуса курдскому региону на севере Ирака вызывает тревогу турецких правящих кругов, несмотря на то, что американские официальные представители старались успокоить Анкару относительно размаха автономии, предоставленной курдам в рамках временной конституции [2].

Как известно, еще в январе 2004 г. Эрдоган выступал против решения администрации Дж.Буша об обустройстве Ирака по модели федерализма, основанного на этническом принципе, и намеревался получить разъяснения по этому вопросу во время своего визита в Вашингтон. Однако ему не удалось услышать там желаемых объяснений. Натянутость американско-турецких отношений, очевидно, в определенной степени связана с тем, что Турция отказала США в размещении американских войск на своей территории в связи со вторжением в Ирак, а также согласилась не форсировать вопрос о возвращении Мосула. После подписания временной конституции Ирака сложности в турецко-американских отношениях обсуждались на уровне представителей Турции и США в Багдаде. В начале марта 2004 г. там состоялся круглый стол между Османом Корутурком, официальным представителем Турции в Ираке, и Рональдом Ньюманом, американским дипломатом и членом иракского коалиционного временного управления. Но эти переговоры ни к чему не привели из-за неуступчивости обеих сторон.

Для Турции весьма острыми являются проблемы взаимоотношений между местными и федеральными властями согласно предписаниям временной конституции, которые она считает неприемлемыми для туркменского меньшинства Ирака. Турция оказывает давление на США с целью воспрепятствовать политическому размежеванию Ирака на основе этнического принципа. Она также настаивает на проведении более жестких акций в отношении Рабочей партии Курдистана (РПК), действующей на севере Ирака, занесенной ею в список террористических организаций. Вместе с тем Турция выступает за восстановление турецко-иракских политических и оборонительных отношений, прерванных из-за вторжения США в Ирак.

Одновременно турецкое руководство поддерживает доброжелательные отношения с иракскими курдами. Известно о неоднократных визитах лидеров иракских курдов в Анкару, во время которых им удалось получить гарантии, что Турция не будет вводить свои войска на север Ирака. Связи с Турцией весьма важны для иракских курдов, поскольку эта страна, претендующая на вступление в ЕС, является также мостом из этнического Курдистана в Европу. Иракские курды –

это единственный секулярный анклав в мусульманском Ираке. И в этой связи Анкара является важной опорой для иракских курдов в деле их борьбы за развитие светской политической культуры в Ираке. Другим важным аспектом, сближающим иракских курдов с Турцией, является контроль за водными ресурсами. В этом плане у Турции весьма благоприятные позиции, связанные с использованием вод рек Тигр и Евфрат в верхнем течении. В новом Ираке курды присоединятся к Турции как водопользователь верхнего течения этих рек. Если в ближайшем будущем начнутся переговоры по вопросу о пользовании региональными водами, то Турция и курды будут по одну сторону стола, а Сирия и Ирак по другую [3].

Официальное обретение иракскими курдами статуса автономии вызвало не только обеспокоенность в связи с возможностью воспроизведения иракской ситуации на турецкой почве, но и различные суждения турецких общественно-политических деятелей относительно перспектив решения курдской проблемы в Турции. Некоторые из них высказывались в пользу повторения иракского сценария в Турецкой Республике. Так, например, Зеки Киврак писал, что турки и курды должны создать соединенные штаты, основанные на двух национальностях, двух языках под флагом единого государства и единой конституции. Он аргументировал это тем, что турки и курды длительное время жили вместе и их невозможно разъединить, поскольку такое размежевание чревато негативными последствиями для обеих национальностей. Он считает, что пришло время покончить с искусственной враждой. Сближение, по мнению З.Киврака, требует мужества не только от турецких властей, но и курдской стороны. Он полагает, что стороны должны заявить о намерениях объединиться или подготовить серьезные предложения в этом направлении, которые не могут игнорироваться. Это, по его словам, выбор между бедностью и процветанием [4].

Высказанная позиция характерна для тех турецких общественно-политических деятелей, которые позитивно воспринимают американскую политику в Ираке в отношении курдов. Но она противоречит официальному курсу Анкары по курдскому вопросу, во главу угла которого поставлен принцип территориально-государственной интеграции. Кроме того, она не соответствует современной ситуации в Турецком Курдистане.

Некоторые курдские политические организации, напротив, негативно оценивают процессы, происшедшие за последний год вокруг Иракского Курдистана, и политику США в Ираке. Среди них, например, Демократическая партия, лидер которой Я.Кайя отрицательно оценивает политику иракских курдов и считает ее провальной [8].

Между тем, если иракским курдам за последние 12 лет при сотрудничестве с США удалось создать в Ираке автономный курдский анклав, способный находиться в режиме самообеспечения, то в Турецком Курдистане наиболее организованные курдские политические

организации предпочитают вооруженную борьбу с властями, что наряду с межкурдскими распрями пока не позволяет создать самоопределяющийся курдский район. Ни одна из курдских политических партий не получила расположения и поддержки большинства курдского сообщества Турции. Это становится очевидным из анализа участия турецких курдов в выборах в местные органы власти.

Прошедшие в конце марта 2004 г. выборы в местные и муниципальные органы выявили некоторые тенденции, характеризующие нынешнее состояние курдского сообщества в Турции. Эти выборы свидетельствуют о небольшом шансе для курдских депутатов на будущих всеобщих выборах попасть в турецкий парламент. Интересы турецких курдов в значительной степени отражала Демократическая Народная партия (ДНП), возглавляемая Т.Бакирханом. Однако она не была склонна именовать себя прокурдской организацией, хотя многие выдвинутые ею кандидаты являлись курдами. ДНП пыталась учесть опыт прошлых всеобщих выборов 1999 г., когда эта партия не смогла преодолеть 10% барьер и провести своих депутатов в парламент. Тогда ее критиковали за то, что она выдвинула мало независимых кандидатов, имевших реальные возможности пройти в парламент. Теперь ДНП отказалась участвовать в выборах как независимая организация и заявила о своем намерении объединиться с небольшими турецкими левыми партиями, как, например, Социал-демократической партией (СДП) и Лейбористской партией. В результате они составили объединение, получившее наименование «Блок труда, мира и демократии».

Однако этот альянс не был воспринят турецкими курдами однозначно, многие из которых говорили, что он не только малоэффективен, но даже вреден. Это, возможно, объясняется тем, что среди кандидатов от ДНП находились антикурдски настроенные деятели, такие как М.Караялчин, лидер Социал-демократической партии, а также ярый турецкий националист М.Соисал и др. Некоторые прокурдские общественно-политические деятели полагают, что партия, выступающая в защиту конституционных и культурных прав курдского народа, должна была консолидироваться с другими курдскими и прокурдскими политическими организациями. Они считают, что ДНП следовало объединить турецких курдов, которые бы поддержали ее. По их мнению, ДНП требовалось провести внутреннюю реорганизацию, чтобы принять новый курс, выражающий интересы всех турецких курдов, и тогда называться курдской. Но ДНП преследовала несколько иные цели и, по словам ее руководителя Бакирхана, объединилась с СДП для того, чтобы поправить свою репутацию среди турецкого населения и показать, что она не поддерживает этническую политику. Если бы ДНП потребовала расширения прав для почти 15-миллионного курдского населения Турции, то, по его мнению, эта партия на протяжении длительного периода символизировала бы для турак курдский сепаратизм. Ее лидер аргументировал эту позицию тем, что ДНП уже

имела разбирательство в конституционном суде, обвинявшем ее в связях с РПК. Но ДНП отрицала это [5].

Такая точка зрения способствовала тому, что ДНП не удалось повлиять на турецких курдов, голоса которых распределились среди различных партий. Она потерпела, в частности, поражение в ряде крупных городов со смешанным населением. Так, жители Элязига, Малаты, Эрзерума, Коньи, Кирзехира, Анкары, Урфы и Адыямана традиционно голосовали за происламские партии, а население Антепа, Сиваса, Эрзинджана, Мараша и части Турчели – за прокемалистскую Республиканскую Народную партию. В этих городах проживают курды и турки, являющиеся алевитами и суннитами. В то время, как сунниты поддерживают исламские партии, алевиты традиционно голосуют за кемалистскую Республиканскую Народную партию. Оставляя в тени свой военизированный прокурдский имидж, ДНП впервые выдвинула некурдских кандидатов на руководящие посты в провинции с преимущественно курдским населением. Одной из кандидатов является, например, Ю.Озсокмендер, ранее работавшая журналисткой в восточной турецкой провинции Чанаккале и вдова функционера РПК. Она заявила, что в случае своей победы на выборах мэра Баглара в провинции Диарбакыр сосредоточит усилия на проблемах женщин. Однако, по мнению некоторых курдских аналитиков, то, что кандидат имеет турецкие корни, может негативно сказаться на исходе ее прохождения на этот руководящий пост. Скорее не это, а то, что ее муж являлся функционером РПК могло отразиться на ее избрании на пост мэра [6].

В целом турецкие курды не сумели консолидироваться на период выборов вокруг одной какой-либо политической организации и тем самым сократили возможность провести по партийным спискам в будущий парламент своих кандидатов. Вместе с тем в выборах участвовало несколько курдских независимых кандидатов, имеющих шанс на участие в парламентских выборах.

Некоторые курдские аналитики склонны полагать, что курдам следовало сгруппироваться вокруг Народно-демократической партии (НДП), поскольку опыт прежних выборов местной администрации под флагом этой партии позволил курдам занять места руководителей местных администраций в Диарбакыре, Ване, Батмане, Сиирте, Хаккари, Бингеле и Агре. В то же время они считают, что ни одна из турецких политических организаций не сможет в полной мере выразить чаяния курдского народа. Поэтому предлагается курдам поддерживать прокурдские партии, в полной мере отражающие курдскую реальность. Заявив о себе как о курдской партии, НДП могла бы собрать достаточное количество голосов, позволяющих ей провести своих кандидатов в турецкий парламент на предстоящих всеобщих выборах. В то же время показательно то, что убедительную победу в

курдских районах одержала правящая Партия справедливости и согласия, имеющая исламскую идеологическую окраску [7].

Исход выборов в местные органы управления в Турецком Курдистане, по сути, свидетельствует о политическом размежевании курдского населения. Ни одна из легально действующих курдских организаций не имеет достаточного авторитета среди турецких курдов и не способна в полной мере отстаивать их интересы в местных и высших органах власти. В кризисе находится и РПК, которая после захвата своего лидера А.Оджалана передислоцировалась на свои высокогорные базы и с 1999 г. не ведет вооруженной борьбы. Отсрочив свои требования о независимости курдов, она выдвинула программу культурной автономии.

Турецкие эксперты, выражающие симпатии РПК, полагают, что снизить сепаратистские настроения турецких курдов позволит прекращение перемещения курдов и возвращение курдского населения в свои деревни. Они считают, что объявление амнистии для всех членов РПК будет способствовать искоренению всех форм национальной дискриминации. Свои интересы РПК связывает с обустройством курдского региона в рамках Турецкой Республики. Однако функционерам партии, как и другим оппозиционным курдским политическим организациям, весьма трудно преодолеть недоверие, рознь и неприязнь к турецким властям, посеянные нерешенностью экономических, социальных и культурных проблем и исторической памятью о геноциде курдского народа.

Оценку прошедшим выборам и позицию курдской оппозиции представил в своем аналитическом документе Я.Кайя, президент Демократической партии и Курдского парламента в изгнании. Он отметил, что курдское национально-демократическое движение находилось на твердой позиции не поддерживать блок с турецкими левыми движениями, поскольку они не обладают политическим весом и время их популярности безвозвратно ушло. Курдские патриоты не голосовали за левый блок, поскольку он не поддерживал интересы курдского сообщества и ранее неоднократно отказывался признать требования курдской оппозиции. В то же время 40% голосов в Курдистане было отдано Партии справедливости и согласия. Он выразил свое удовлетворение тем, что курды не поддержали ДНП, в чем Кайя видит благоприятный знак для курдов. В связи с этим он полагает, что турецкие курды должны учесть этот урок и сосредоточить свое внимание на изучении ошибок, приведших к провалу курдской политики в Северном Ираке, о чем никто, по его мнению, не говорит [8].

Политика организаций турецких курдов, отдающих предпочтение вооруженной борьбе, вряд ли соответствует реалиям XXI века. Однако Турецкий Курдистан до сих пор остается отсталой периферией, куда не поступают инвестиции, господствует криминал и процветает проституция. В Диарбакыре, например, множество детей являются

чистильщиками обуви и продавцами салфеток. Поэтому эти организации могут пополнить свои ряды и найти приверженцев в числе курдских безработных и крестьян, выселенных из своих деревень во время военной кампании турецкой армии против РПК.

Таким образом, выборы в местные административные органы показали политическое размежевание представителей курдского общества в Турции, для которого повторение иракского сценария разрешения проблемы курдской автономии является неприемлемым, поскольку турки и курды не преодолели барьер, мешающий изживанию инсинуаций в межэтнических отношениях, унаследованных от прошлых эпох, с одной стороны. С другой стороны, они сталкиваются с новыми сложностями, связанными с активизацией террористической деятельности различных исламских группировок в этническом Курдистане, навязыванием некоторыми международными силами неприемлемых для курдов политических моделей разрешения одной из сложнейших проблем региона, каковой является курдский вопрос.

1. Summary of Iraq's Interim Constitution. – <http://home.cogeco.ca/-kurdistan1/8-3-04summary-irg-cons.htm>
2. Autonomy Plan for Iraq Kurds Worries Turkey. – <http://home.cogeco.cf/-kurdistan2/14-3-04-kurdish-autonomy-fears-tyk.htm>
3. Politics, Transition, and the Kurds. – <http://www.puk.org/web/htm/news/news/news040219.html>
4. Zeki Kivrak. Still, I strongly believe in a strong Kurdish-Nurkish friendship. – <http://home.cogeco.ca/-kurdistan2/21-3-04-opinion-zaki-tyk-kurds-should-unite.html>
5. Multi Civiroglu. 2004 Local Elections in Turkey and the Kurds. – <http://home.cogeco.ca/kurdistan1/20-2-04-opinion-civiroglu-local-elections.html>
6. Amberin Zaman. Turkey's Rulling Party Faces Electoral Challenge in Kurdish Areas. – <http://home.cogeco.ca/-kurdistan2/27-3-04-tyk-faces-kurds-election.htm>
7. Amberin Zaman. Turkish's Ambition-Driven Reforms. – <http://www.puk.org/web/htm/news/news/news040324b.html>
8. Turkey: Election analysis by Yashar Kaya. – <http://www.kurdishmedia.com/reports.asp?id=1918>

БОРЬБА ИРАКСКИХ КУРДОВ ЗА ШИРОКУЮ АВТОНОМИЮ И РОЛЬ США

Весной 2004 г. исполнился год с начала вторжения американско-британской коалиции в Ирак, после которого курды надеялись получить статус широкой автономии. Более чем 12-летний американский протекторат Иракского Курдистана (с 1991 г.) позволил им на практике осуществлять самоуправление своим регионом. За это время там удалось добиться определенных позитивных результатов в политической, экономической и социальной сферах. Однако, как оказалось, американский патронаж отнюдь не был бескорыстным. Сделав иракских курдов своими союзниками, американцы рассчитывали в случае необходимости беспрепятственно воспользоваться их территорией в своих региональных интересах. И действительно, такой случай представился в 2003 г., когда США использовали курдскую территорию при осуществлении своей политики в Ираке. Вместе с тем это не помешало им отвергнуть проект свержения С.Хусейна совместными американско-курдскими силами, предложенный Дж.Талабани, согласно которому иракская оппозиция, возглавляемая курдами, под прикрытием американских ВВС могла бы свергнуть диктаторский режим. Представители администрации Дж.Буша обещали гарантировать курдам автономный статус Иракского Курдистана и удовлетворение всех их запросов. Однако когда настало время приступить к строительству нового демократического Ирака, оказалось, что проведение американцами любых мероприятий в стране наталкивается на массу препятствий.

Например, создание основополагающих документов потребовало выработки приемлемых для различных сил подходов. Дело осложнялось тем, что надо было разработать критерии объединения в них этнических и мусульманских принципов. В научных и политических кругах США развернулась оживленная полемика о приоритетах в будущей федерации. Одни специалисты считали, что религия должна быть отделена от государства, а другие, напротив, высказывались в пользу того, чтобы ислам оставался государственной религией и фигурировал в конституции. При этом вставал вопрос об удовлетворении амбиций суннитских и шиитских общественно-политических кругов. Так, например, Юдифь С.Яф, главный аналитик Национального оборонного института и бывшая сотрудница ЦРУ в Ираке, заявила о возможных затруднениях в случае отделения религии от государства.

Вместе с тем Сонер Кагафи, представитель вашингтонского Института политики Ближнего Востока, специализирующийся на курдской и турецкой проблемах, высказался против включения ислама в конституцию в качестве государственной религии. Свое мнение он аргументировал тем, что приоритет фундаменталистских принципов в Основном законе может привести к ограничению прав некоторых социальных групп, например, женщин. При этом он заметил, что хотя Хусейн и «был дьяволом, но являлся светским лидером», и что арабские женщины при нем имели больше свободы в отличие от их афганских сестер [1].

Иракские курды, очевидно, согласны на отделение религии от государства. Так, в частности, Дж.Талабани, заявил, что мусульманское право не будет признавать свободу вероисповеданий и права человека. Это будет способствовать, по его мнению, децентрализации управления страной.

Его позиция понятна, поскольку курды поликонфессиональны (мусульмане, езиды, ахле-хакк и пр.) и свои интересы они связывают с формированием светского государства в Ираке. Но этому могут воспротивиться шииты и сунниты. Поэтому эта проблема продолжает дебатироваться. Ею занимается, в частности, представитель американской администрации в Ираке Л. Поль Бремер, который придерживается весьма осторожной точки зрения, полагая, что новая иракская конституция, «вероятно», будет приветствовать ислам и что дверь в конгресс для шиитских представителей будет открыта [1].

Дискуссионным является также и вопрос о статусе Иракского Курдистана в федеративной стране. Так, американцы предложили разделить Ирак на 18 штатов, 3 из которых будут курдскими. Такое административное деление не будет способствовать консолидации курдов, поэтому иракские курды выражают иное мнение. Они считают, что Ирак должен оставаться целостным государством, а Курдистан – обладать правами широкой автономии в рамках иракского государства.

Поиск компромисса между представителями коалиции и курдами по принципиальным вопросам, которые должны составить основу будущей государственности, пока откладывает и подготовку новой конституции страны по крайней мере на полтора года. Поскольку не сформирована модель иракского федерализма, то преждевременно определять и статус Иракского Курдистана.

Сложности, испытываемые американской администрацией по этим и ряду других ключевых вопросов современного обустройства Ирака, и задержка решения главного для курдов вопроса автономии вызывают нетерпение некоторой части курдских общественно-политических деятелей. Они выдвигают ультимативные требования. Их позиция состоит в том, чтобы Ирак был разделен на курдскую и арабскую части, а курдский регион имел бы название «Курдистан» и подчинялся Багдаду в военной, финансовой сферах и во внешней политике. В противном случае, считают они, курды сделают иной вы-

бор, который не понравится арабам. А глава Союза журналистов Курдистана Ф.Авни, ссылаясь на то, что курды были насильно присоединены к Ираку согласно колониальным резолюциям, призывает курдов к сепаратизму. Очевидно, в стране имеются и противники этой точки зрения. Так, арабы согласны лишь на то, чтобы Ирак стал федеративным государством, без определения конкретной модели федерализма.

Такие высказывания не способствуют политической стабильности в стране, равно как и некоторые другие важные обстоятельства. С протестами, как известно, уже выступили шииты. Кроме того, вокруг Мосула и Киркука сохраняется напряженность из-за борьбы различных этнополитических группировок за подчинение этого нефтеносного района. Там не прекращаются вооруженные стычки между курдами, арабами и туркменами-суннитами. Нельзя исключать, что в подстрекательстве последних могут участвовать и некоторые заинтересованные в этом турецкие политические силы, ратующие за возвращение прилегающих к турецко-иракской границе нефтяных полей Ирака. Это, естественно, вызывает недовольство туркмен-шиитов. Только в декабре 2003 г. в подобной стычке Патриотический союз Курдистана (ПСК) потерял семь своих функционеров. Кроме того, существует опасность втягивания Иракского Курдистана в зону террористической деятельности мусульманских экстремистов. Известны, например, случаи взрывов автомобилей, начиненных взрывчаткой, в Эрбиле. В связи с этим курды апеллируют к американским военным представителям с просьбой обуздать террористов, бывших баасистов, фундаменталистов «Аль-Каиды» и прочие экстремистские элементы и группировки, защищающие свои амбиции в регионе [2]. Даже Дж.Талабани, член Управляющего совета, чувствует себя в безопасности только в Сулеймании, контролируемой ПСК [3]. Вместе с тем некоторые аналитики склоняются к предположениям, будто бы Иран поощряет деятельность экстремистских группировок вдоль ирано-иракской границы и даже содействует переброске террористов туда с афгано-пакистанской границы. В Тебризе будто бы существует госпиталь для раненых террористов [4].

Несмотря на обозначенные трудности и неоднозначность отношения населения страны и региональных соседей к присутствию коалиционных сил, иракские курды основную ставку в реализации планов широкой автономии Иракского Курдистана делают на помощь Запада. Представители курдской автономии рассчитывают на то, что американцы, выступившие борцами против геноцида курдов, окажут им ощутимую помощь. Действительно, представители американской администрации в Ираке установили с курдами нормальные деловые отношения, устраивающие обе стороны. Так, начальник 404-го гражданского батальона Джим Бэллон выражал заинтересованность США в инвестиционной политике в Иракском Курдистане [5]. Намечалась якобы распродажа государственных компаний, ранее подконтрольных С.Хусейну [6]. Но эти и многие другие намеченные про-

граммы американцы были вынуждены свертывать из-за враждебности, встречаемой ими в стране. Изменчивость ситуации в Ираке и в мире, несомненно, отражается на американской политике. Поэтому США выверяют каждый свой шаг, на что, естественно, уходит время.

Между тем застоём американской политики в Ираке в декабре 2003 г. решили воспользоваться курдские автономисты, чтобы форсировать разрешение курдского вопроса, не дожидаясь разработки новой конституции, формирования временного правительства и избрания федеративной модели для страны. Так, курдские представители, входящие в Управляющий совет, представили свой законопроект о федеративном устройстве Ирака. Они полагают, что решить вопрос о форме федерации необходимо уже сейчас, не дожидаясь конституционной ассамблеи, намеченной на 2005 год. Согласно курдскому законопроекту, коалиция должна передать суверенитет временному правительству. Выборы по конституции они предлагают провести до конца 2005 г. Кроме того, законопроект предусматривает расширенную автономию для курдов, включающую не только ту самоуправляемую территорию, которая была подконтрольна ПСК и ДПК при С.Хусейне, но также присоединение к ней нефтеносной провинции Тамим близ Киркука, части провинций Ниневеи и Диала с этнически смешанным населением. Киркук намечается сделать столицей независимого Курдистана. При этом курды ссылаются на то, что ранее в этих районах доминировали курды, но в результате политики арабизации, проводимой С.Хусейном, здесь поселились арабы [7].

Эти предложения не были восприняты всеми членами совета однозначно, поскольку провинция Тамим включает город Хаваджу, населённый арабскими суннитами, являющимися коалиционными оппонентами. Поэтому для обсуждения этой проблемы должна быть создана специальная комиссия. А пока американские представители предложили курдам объединить правительство двух автономных регионов Иракского Курдистана, после чего США обещали ускорить процесс федеративного обустройства Ирака [8]. И курды с этим согласились.

Американцы столкнулись с весьма сложной проблемой установления внутренних границ. Городское население поликонфессионально и многонационально, а курды и арабы совместно проживают в нефтеносных районах страны. Поэтому пока также не ясно, какой из вариантов федерализма будет наиболее приемлемым для этой страны (18 штатов; Север-Юг – курды-арабы; треугольник: курдская автономия-сунниты-шииты и пр.).

Функции центральных и местных органов управления курды предлагают разделить. Вопросы финансов, обороны и внешней политики должны быть в ведении Багдада, а все остальные проблемы передать в компетенцию местных органов власти. При этом курды в иракском национальном правительстве хотели бы контролировать вопросы финансов, обороны и внешней политики.

Действительно, курды рассчитывают на широкое участие своих представителей в высших государственных органах. Предполагается, что в новом правительстве Нечирван Барзани, нынешний премьер-министр правительства ДПК, вероятно, займет пост премьер-министра страны, а Косрат Расул, бывший премьер-министр ПСК, станет, возможно, спикером парламента. Кроме того, в новом кабинете министров будет 10 министров от курдской автономии: 6 – от ДПК и 4 от ПСК. Эта квота исходит из результатов парламентских выборов 1992 г., в которых ДПК имела 51% голосов, а ПСК 49%. Курдское правительство было создано вскоре после этих выборов, но распалось в связи с вооруженным противоборством между этими партиями в 1994 г.

Нынешний премьер-министр ПСК Салех будет направлен в Вашингтон в качестве представителя в ООН, а Х.Зебари получит пост министра иностранных дел. Правительство курдского автономного и других регионов будет заниматься всеми остальными делами, включая вопросы экономики. По мнению Салеха, национальное правительство с преобладающим представительством курдов сможет навести порядок в стране, ссылаясь на свой опыт самоуправления Иракским Курдистаном.

В начале 2004 г. начались переговоры М.Барзани и Дж.Талабани по всем этим вопросам как между собой, так и с представителями американской гражданской администрации в Ираке П.Бремером и его британским заместителем Дж.Гринстоком. В повестке дня фигурировали вопросы об объединенном правительстве курдской автономии, о территориальном расширении автономного курдского района в рамках федеративного Ирака, а также о передаче суверенитета временному правительству, ответственному за подготовку конституции [9].

Пока велись эти переговоры, администрация Буша приняла решение предоставить курдам лишь специальный статус – статус полу-автономии, а также положить в основу иракского федерализма этнический принцип. Такое решение было продиктовано будто бы сроками передачи Ираку самоуправления. Это означает, что Иракский Курдистан останется в существующих границах в связи с недостатком времени для процессов политического объединения курдской исполнительной власти в автономии и территориального ее расширения [10].

Определенную несогласованность действий центральной американской администрации и ее представителей в Ираке можно объяснить решительным протестом Ирана и Турции против решений США удовлетворить запросы курдов и положить в основу будущей иракской государственности этнический принцип. Действительно, раздел Ирака по этническому принципу может иметь далеко идущие последствия не только для этой страны, но и для многонациональных сопредельных государств, поскольку способен дестабилизировать весь регион в целом. Об этом предупреждали не только представители внутривнутриполитических иракских сил, но и турецкие власти, поддерживающие контакты

с лидерами иракских курдов, благодарными Турции за отказ направить свои войска на север Ирака, а также за открытие воздушного сообщения между Турцией (равно как и между Ираном) и Ираком.

Этот вопрос был немедленно поднят турецким премьер-министром Т.Эрдоганом в разговоре с Дж.Бушем. Премьер-министр Турции настаивал на том, чтобы американцы держали ситуацию в Иракском Курдистане под контролем. Он высказался за то, чтобы не позволять курдам политически доминировать в Ираке, ибо это может привести их к полной независимости. Премьер-министр Турции категорически отверг путь государственного обустройства будущего Ирака по этническому принципу. Он считает, что американцы должны гарантировать, что после вывода американских войск из страны Ирак не будет расчленен. Он опасается того, что если в основу иракского федерализма будет положен этнический принцип, что позволит курдам объявить о своей независимости, турецкие курды, обладающие неплохим военным потенциалом, поднимут восстание.

После таких эмоциональных заявлений Т.Эрдогана тональность представителей американской администрации несколько изменилась. А именно, государственный секретарь США К.Пауэлл высказался за то, что американцы дадут возможность иракцам самим решать свою судьбу, а курды останутся в рамках Ирака. Он сказал, что ему понятны устремления курдов объединить этнические и географические границы, но, по его мнению, очевидно, что Иракский Курдистан должен остаться частью Ирака. Почти тотчас же после этого в газете «Нью-Йорк Таймс» появилась статья, в которой сообщалось, что внутреннее руководство Ирака и американские представители достигли соглашения о том, что курдский регион на севере страны получит статус полу-автономии, что означает отказ американцев признать легитимность территориального расширения курдского района. Этому предшествовал активный переговорный процесс.

Американская администрация попыталась призвать курдов к компромиссу. Поль Бремер стал убеждать курдских руководителей в том, что провозглашение курдской независимости в нынешней ситуации преждевременно, равно как и реализация некоторых других их требований, в противном случае возникнет реальная угроза будущей консолидации Ирака. Вместе с тем status quo Иракского Курдистана в форме автономии может быть сохранен до того времени, пока не появится текст новой конституции страны. На это курдские представители заявили, что будут опротестовывать заявление Бремера о предоставлении Иракскому Курдистану полуавтономии и настаивать на широкой автономии. Кроме того, они хотят сохранить свои вооруженные силы и право сбора налогов на автономной территории. Они также требуют контроля над доходами от разработки нефти в Киркуке и Ханакине, двух центрах нефтедобычи, которые американцы не признают частью исконно курдской территории [11].

Корректировка американской позиции, возможно, была предпринята не только в связи с недовольством региональных партнеров Ирака и внутренних политических сил. Конечно, присутствие американских военных в Ираке вызывает раздражение некоторых исламских радикалов и бывших баасистов, видимо, практикующих антиамериканские акции в стране. Некоторые курдские политики выражали свое явное недоумение по поводу того, что некоторые родственники лидеров иракской оппозиции занимают высшие министерские посты. Но главное, что непоследовательность американской политики в Ираке играет на руку политическим оппонентам Дж. Буша в преддверии президентских выборов в США. Иракские курды опасаются изменения американского курса в регионе и торопятся с определением статуса Иракского Курдистана уже сегодня. Вместе с тем поспешная корректировка американской позиции позволила избежать широкомасштабного регионального конфликта, катализатором которого послужил бы курдский фактор.

В целом переговорный процесс между курдами-автономистами и американской администрацией по курдскому вопросу протекает весьма остро: коалиция пытается оказывать на курдов политическое давление, требует осмотрительности. Вместе с тем оказываемое на курдов давление со стороны Соединенных Штатов раздражает некоторую часть авторитетной курдской элиты, способную разрушить политическую стабильность на севере страны.

В результате переговоров все же были достигнуты определенные договоренности: американцы согласились на федеративный принцип государственного устройства Ирака, в котором право курдов на автономию в границах, установленных в 1991 г., будет зафиксировано в конституции, принятие которой намечено на конец 2005 г. Судьба других территорий, на которые претендуют курды, будет решаться в течение 2005–2006 гг. Закон о федерализме в Ираке подтверждает законность существования курдской автономии в нынешних ее границах. Прочие детали должны определяться позднее, когда будет подготовлена конституция. Но для курдов весьма принципиальным является вопрос об определении статуса Иракского Курдистана. Поэтому они выразили свое несогласие и стали настаивать на том, чтобы определить статус не только провинций Эрбиль, Дохук и Сулеймания (составляющих основу существующей автономии), но и других территорий, на которые претендуют.

Эти проблемы были подняты, в частности, на встрече М.Барзани и Дж.Талабани с А.Челеби, главой организации Иракский национальный конгресс, Мохсеном Абдул Хамидом, руководителем Иракской исламской партии, и лидером независимых суннитов Н.Чадерчи. За закрытыми дверями была решена суть иракского федерализма. Кроме того, была достигнута договоренность о праве курдов самим решать проблемы своей будущности. В ходе обоюдных компромиссов

курды согласились на время отложить решение вопроса о внутренних границах и проблемы Киркука. По этим же вопросам ранее П.Бремер трижды встречался с М.Барзани и Дж.Талабани. А К.Пауэлл еще раз подчеркнул, что курдская территория на севере страны останется в рамках Ирака в режиме самоуправления до конца текущего года [12].

Таким образом, за время американской оккупации Ирака иракским курдам не только не удалось добиться конкретных шагов США по созданию широкой автономии или независимого курдского государства, но с трудом в процессе интенсивных переговоров сохранить признание автономии в границах 1991 г. Хотя американцам и импонируют верноподданнические чувства курдов, их забота об американском военном контингенте и даже намерение поддержать их дальнейшие экспансионистские планы в регионе, все же позиция США в курдском вопросе очень неоднозначна. Политика Соединенных Штатов в Ираке не свободна от влияния многих обстоятельств, важными из которых являются деятельность международных террористических организаций, а также внутривнутриполитическая предвыборная борьба в самих США. Теперь уже ясно, что Соединенные Штаты не склонны к расширению территории курдской автономии, поскольку они сами заинтересованы в закреплении своих позиций в Мосуле и Киркуке. Им важнее разделить курдов по нескольким штатам, чем создать единое марионеточное государство в центре Западной Азии. Вместе с тем, несмотря на понимание администрации Дж.Буша запросов курдов, приоритетом американской политики в Ираке и в регионе остается сохранение политической стабильности. Удастся ли курдам воплотить в жизнь свои замыслы о широкой автономии, покажет время.

1. U.S.Confronting Problems Over The Role Of Islam, The Status of Kurdish Regions –

<http://mywebpage.netscape.com/KO%20News/7-12-03-us-problems-islam-kurds.html>

2. Kurdistan can become the gateway to liberation and democracy in the Middle East –

<http://mywebpage.netscape.com/KO%20News/13-12-03-opinion-mirawdeli-part4.html>

3. Iraqi Kurds Not Immune to Terrorism –

<http://mywebpage.netscape.com/KO%20News/13-9-03-opinion-cevik-kurds-not-immu-te...>

4. The Terror Storm –

<http://mywebpage.netscape.com/KO%20News/29-10-03-opinion-hiwa-terror-storm.html>

5. Iraq summit hailed a resounding success –

<http://mywebpage.com/KO%20News/13-12-03-success-summit-in-kurdistan.ht...>

6. Bremer Evasive Over Kurdish Federalism Proposals –

<http://home.cogeco.cf/-kurdistan/6-1-04-bremer-evading-federation.htm>

7. Kurds Demand Federal Iraq Without Waiting For Constitutional Convention –

<http://mywebpage.netscape.com/KO%20News/20-12-03-kurds-want-federal-now.html>

8. 2 Kurdish Parties Close to Forming Unity Government –

<http://mywebpage/netscape.com/KO%20News/20-12-03-kurds-to-unify-administrations...>

9. Barzani, Talabani Meet top Coalition Officials in Northern Iraq –
<http://home.cogeco.ca/-kurdistan1/3-1-04-barzani-talabani-meet-bremer.html>
10. Kurdish Region in Northern Iraq Will Get to Keep Special Status –
<http://home.cogeco.cf/-kurdistan1/6-1-04-kurdistan-to-keep-its-status.htm>
11. U.S.Presses Iraqi Kurds to Compromise on Issue of Autonomy –
<http://home.cogeco.cf/-kurdistan1/9-1-04-us-press-kurds.htm>
12. Dara Nuraddin:Iraq's GoverningCouncil Okas Federalism, Kurdish Au-
tonomy –
<http://home.cogeco.ca/-kurdistan1/10-1-04-irq-okays-federation.htm>

НЕКОТОРЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ТУРЕЦКО-АМЕРИКАНСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

В конце 80-х годов стратегическое значение Турции для США и Запада значительно уменьшилось. Однако захват Ираком Кувейта (август 1990 г.), попытка государственного переворота в СССР (август 1991 г.) и последующий распад СССР вновь повысили это значение. США оценили необходимость сотрудничества с Турцией, дабы легче утвердить свое влияние в Евразии. По мнению турецких и американских аналитиков, Турция должна была взять на себя важную роль на обширном географическом пространстве от Югославии до Западного Китая. Турции также предстояло усилить свое влияние на мусульман, проживающих на Балканах, и тюркские народы Кавказа и Центральной Азии¹. Большой потенциал Турции позволял ей сыграть в этих регионах роль моста для американской экспансии в область политики, экономики, стратегии. Американский политолог Бжезинский подчеркивал, что этой стране принадлежит осевая роль в Евразии, которая для США является наградой после «окончания холодной войны»². Турция, называемая Бжезинским «осью», должна обеспечивать стабильность в Черноморском регионе, осуществлять контроль над проходом в Средиземное море, быть «противовесом» России на Кавказе, служить своего рода «противоядием» укреплению исламского экстремизма и представлять для НАТО «опору на южном фланге блока»³.

Рост значения Турции для США подтверждается и следующими фактами. Когда президент Турции Озал, прибывший в США после окончания войны в Заливе в марте 1991 г., выдвинул идею «стратегического сотрудничества», США проигнорировали это предложение. Турции также было отказано в американской помощи в 1 млрд. долл., которая ранее была обещана как компенсация за убытки, понесенные страной в результате войны. А после окончания 1991 г., сопровождаемого распадом СССР, появлением новых государств Кавказа и в регионе Центральной Азии, США сами во время визита в Вашингтон турецкого премьер-министра Демиреля (февраль 1992 г.) предложили «усиленное сотрудничество». Американские руководители заявили, что они рассматривают Турцию «как партнера и как модель для завоевавших независимость государств Закавказья и Центральной Азии»⁴.

Политику США в отношении Турции в период президента Буша (старшего) сформулировал госсекретарь Д.Бейкер, а в период президента Клинтона – заместитель госсекретаря Р.Холбрук. Согласно Холбруку, Турция после окончания холодной войны превратилась в «прифронтовое государство», которым в прошлом была Германия. Турция стала «набирать вес» во всех вопросах, связанных с НАТО, Балканами, Кипром, Эгейским морем, Ираком, Закавказьем и Центральной Азией, а также энергетическими трубопроводами⁵.

Таким образом, на протяжении 90-х годов происходил процесс все большего турецко-американского сближения в отношениях, который достиг своего пика к 2000 году. Отношения, которые в 1992 г. характеризовались просто как «усиленное сотрудничество», в 1997 г. во время визита в Вашингтон премьер-министра Т.М.Иылмаза видоизменились и начали рассматриваться как комплекс пяти важных пунктов (региональные связи, экономика и торговля, энергетика, Кипр, партнерство в области обороны и безопасности).

В 1999 г. в результате ряда визитов на высшем уровне взаимные связи еще более упрочились. В апреле 1999 г. президент Демирель прибыл в Вашингтон на саммит НАТО, в сентябре 1999 г. премьер-министр Эджевит побывал в США по приглашению президента Клинтона, и здесь двусторонние отношения были определены уже как «стратегическое партнерство». Такой уровень связей отвечал интересам обеих сторон, ибо Турция была для США важным партнером во «всех чувствительных регионах», а США, в свою очередь, имели значение для Турции как супергосударство, оказывающее поддержку по многим направлениям.

Вместе с тем, говоря о «стратегическом сотрудничестве», о взаимной поддержке двух стран по ряду политических вопросов, нельзя утверждать, что позиция Турции всегда полностью совпадала с позицией США.

Рассмотрим некоторые аспекты турецко-американского регионального сотрудничества, в первую очередь на Ближнем Востоке. После окончания холодной войны США основывали свой политический курс на следующих принципах: установить здесь контроль «над нефтяными источниками, поддержать существование Израиля, сократить влияние радикального ислама и как новый элемент – «окружить» Ирак и Иран и воспрепятствовать получению странами региона оружия массового уничтожения. После войны в Заливе 1991 г. США стали на Ближнем Востоке решающей силой. Россия испытывала трудности внутреннего развития, ЕС под руководством Франции и Германии не смог в достаточной степени противостоять здесь Вашингтону, а страны Залива чувствовали благодарность за «спасение» от иракской угрозы. После того, как США в конце 40-х годов политически внедрились на Ближнем Востоке, они никогда не были здесь так сильны, как в 90-х. Свой контроль в регионе они формировали, во многом используя и сотрудничество с Турцией.

О войне в Заливе имеется ряд публикаций в российских источниках*, поэтому здесь мы кратко остановимся лишь на последствиях того, как Турция, отказавшись от нейтралитета, к которому призывал Ирак, активно выступила на стороне США. В целом эта политика привела к большим экономическим и политическим потерям. Не оправдались ожидания получить большую финансовую помощь от США и стран Залива. Правда, более скромная помощь в 4,2 млрд. долл. была получена и от США, и от Фонда обороны, сформированного Саудовской Аравией, Арабскими эмиратами, США и Кувейтом. Однако на протяжении последующих 10 лет потери в результате эмбарго против Ирака составили, по официальным данным, свыше 100 млрд. долл., что сделало бессмысленной помощь, о которой говорилось выше⁶. Как бы в дальнейшем ни ставился иракский вопрос в контексте отношений с США, Турция непременно напоминала о своих потерях, но компенсации так и не дождалась. Страна лишилась прибыли от транзита иракской нефти, от торговли с Ираком и приграничной торговли. Это, а также невыплаченные иракские долги и неосуществленные, но ожидавшиеся подрядные работы привели к росту безработицы, в первую очередь на юго-востоке Турции.

Турецкая поддержка США в войне имела и политические последствия. Так, экономические трудности, переживаемые в Юго-Восточной Анатолии, обострили курдскую проблему. В первую очередь рост безработицы в регионе был на руку ПКК (Курдская рабочая партия). В результате вакуума, образовавшегося в Северном Ираке, ПКК переместилась сюда, начала деятельность против Турции. И, наконец, спасавшиеся от Саддама иракские курды разместились в Турции и создали для властей много проблем, еще более усугубив курдский вопрос. Не оправдались турецкие ожидания того, что участие в войне поможет ее скорейшему вступлению в ЕС.

Вопреки ожиданиям, страна не была приглашена на встречу на высшем уровне в Мадрид по ближневосточному процессу. Турецкие подрядчики не получили столь ожидаемых заказов по восстановлению Кувейта, и в свою очередь Кувейт и Саудовская Аравия забыли внести Турцию в список государств, которым выражалась благодарность за поддержку в войне. Таким образом, одним из наиболее острых последствий войны стала активизация курдской проблемы.

Начиная с 1998 г. политика администрации Клинтона в отношении Ирака получила название «окружение – свержение». В сентябре 1998 г. Конгрессом США было выделено 97 млн. долл. для Иракского национального совета, состоящего из 16 оппозиционных группировок. Один из сотрудников американского посольства в Анкаре, Ригиардоне, пытался убедить турецкую сторону стать зарубежным центром

* См., например: Республика Ирак в системе международных отношений (80-е годы XX в. – начало XXI в.). М., 2002.

организации оппозиции и свержения иракского режима⁷. Это предложение было отвергнуто турецкими политиками, очень опасавшимися, что свержение Саддама откроет путь к хаосу.

Достаточно убедительно американские интересы на Ближнем Востоке проанализированы турецким автором А.Кулоглу в журнале «Стратегический анализ». Учитывая новую стратегию обороны после событий 11 сентября 2001 г., США, подчеркивает Кулоглу, предпринимали усилия по предотвращению производства оружия массового уничтожения в регионе и борьбе с терроризмом. И в рамках этой стратегии американский истеблишмент руководствовался методом «превентивного удара», т.е. интервенции на Ближний Восток. Объектом интервенции был избран Ирак по ряду соображений: после войны в Заливе Ирак был ослаблен, север страны оказался под контролем сил быстрого реагирования*, на Ирак распространялись санкции и контроль ООН, а также, по мнению США, во главе этой страны находился диктатор. США рассчитывали на быстрый успех в Ираке, а контроль здесь поможет усилить давление на Сирию и Иран, обеспечить смену режимов в этих странах и устроить режим Саудовской Аравии. Все это, по мнению американских стратегов, должно привести к полному контролю в регионе. Таким образом, США, воспользовавшись политическим, военным и экономическим превосходством, которое давала структура однополярного мира, осуществили в Ираке политику применения силы⁸. Известно, что быстрая военная операция США против Ирака была формально завершена 1 мая 2003 г. Однако сопротивление в стране, начатое против американской армии и ее союзников, продолжается и поныне.

Осенью 2003 г. США обратились к Турции с просьбой о введении ее войск в Ирак. Турецкий меджлис дал полномочия правительству на эту акцию. И в то время, когда шла подготовка турецких военных подразделений, начался процесс переговоров с Вашингтоном. Однако против введения турецких военных выступил Временный руководящий совет Ирака. По мнению вышеупомянутого автора Кулоглу, именно силы, желавшие продолжения хаоса в Ираке, противились турецкому вхождению. Также не желали усиления Турции в регионе Сирия, Иран и другие арабские страны⁹.

В свою очередь и американское командование войск в Ираке также изменило свое мнение о посылке турецких военных и довело это до сведения турецкого правительства, сославшись на то, что момент пока не благоприятен для проведения операции. Кулоглу справедливо считает, что в случае, если этот вопрос будет поставлен на

* С турецких баз в 90-е годы проводились разведывательные полеты американских и турецких ВВС над Северным Ираком, фактически вышедшим из-под контроля С.Хусейна. Эти операции проводились в рамках сил быстрого реагирования.

повестку дня, вновь «Турция должна придерживаться стратегии, которая на первый план выдвигает национальные интересы страны»¹⁰.

Особенно наглядно «американский фактор» проявился в турецко-израильском сотрудничестве. США стремились сблизить Турцию и Израиль, два демократичных и неарабских государства Ближнего Востока, во-первых, чтобы усилить безопасность Израиля в регионе, а во-вторых, с целью упрочения здесь своего влияния. Впрочем, и турецкая сторона рассматривала это сближение с точки зрения опосредованного усиления своих позиций в США. Известно, что после подписания в феврале 1996 г. турецко-израильского соглашения о сотрудничестве в области военного обучения, а в августе 1996 г. соглашения о сотрудничестве в области оборонной промышленности, уже в январе 1998 г. США участвовали в совместных военных маневрах этих стран, а затем одобрили и спонсировали модернизацию Израилем ряда военных систем Турции¹¹.

США внесли свой финансовый вклад в создание совместных предприятий Турции в государствах Центральной Азии, и не последнюю роль здесь сыграло то, что «стратегический союзник» Турции – Израиль также хотел развивать отношения с этими государствами. «Как отмечалось выше, турецко-израильское сотрудничество помогало Турции оказывать воздействие на американскую внешнюю политику. И здесь учитывалось два момента. Во-первых, Турция стремилась заручиться поддержкой израильского лобби в США, имеющего большое влияние в Конгрессе. И израильское лобби оказывало поддержку не только с точки зрения американской военной и экономической помощи, но и противостояния армянскому и греческому лобби. И во-вторых, при посредничестве Израиля Турция стремилась преодолеть импортные ограничения США в отношении нее. В марте 1996 г. было подписано соглашение о создании зоны свободной торговли между Турцией и Израилем, что позволило Турции расширить экспорт своей продукции, в первую очередь текстиля, через Израиль в США.

Важным направлением турецко-американского сотрудничества в 90-е годы стали Балканы, где интересы двух стран практически полностью совпадали и где они поддерживали одинаковые страны и группировки. Турция, будучи частью Балкан и имея тесные связи с США, помогала союзнику усиливать влияние в этом важном стратегическом регионе. Когда на Балканах начался процесс распада Югославии, Турция и США продемонстрировали свое единство по ряду ключевых вопросов. Обе страны поставляли оружие боснийцам, причем турецкая сторона делала акцент на программу «обучения», а американская – «снаряжения». Турция помогла США наладить отношения с Албанией и затем осуществлять поставки оружия и обучение военного персонала. Обе страны были единодушны в защите Македонии, получившей независимость.

Когда в марте 1999 г. страны НАТО во главе с США начали воздушные бомбардировки Югославии, в военных операциях приняла участие и Турция, предоставившая к тому же США свои базы в Бандырме и Чорлу. Таким образом, балканские события усилили для США значение Турции. Как заявил американский президент Клинтон во время визита в Турцию в ноябре 1999 г., «Турция рядом с США от Кореи до Косова»¹². А Турция, в свою очередь, благодаря сотрудничеству с США, смогла укрепить на Балканах свои позиции, углубить и прежде всего расширить отношения с Албанией, Боснией – Герцеговиной и Македонией.

Еще одним направлением сотрудничества, чрезвычайно важным для Турции, являются действия США, направленные на получение этой страной статуса полноправного члена ЕС. В 90-е годы американский истеблишмент в официальных и кулуарных переговорах с европейскими политиками неоднократно ставил этот вопрос на повестку дня. Подобную заинтересованность американской стороны можно объяснить следующими соображениями:

- полное членство окончательно привяжет Турцию к Европе и воспрепятствует созданию здесь радикального исламского режима;
- США, благодаря Турции, могут усилить свои позиции в ЕС;
- в рамках европейско-атлантического сотрудничества США стремятся усилиться и в Евразии, а Турция является с географической точки зрения центральным государством этого региона;
- после получения Турцией полноправного членства ЕС потеряет сугубо европейский характер.

Несомненно, и Турция, и США осознают, что полноправное членство не может быть достигнуто лишь по одному желанию США. Однако с середины 90-х годов американские инициативы направлены на то, чтобы воспрепятствовать изоляции Турции от Европы.

Следующим направлением с 90-х годов стали Центральная Азия, Закавказье. Для Турции и США независимые государства, возникшие здесь, были новым полигоном активности, но Турция, учитывая такие факторы, как близость в области языка, религии, культуры, имела возможность более успешного развития отношений с этими государствами, в чем получила поддержку США.

Регион представляет для США большой интерес еще и потому, что, как указывают многие политические стратеги во главе с Бжезинским, он (регион) является центром соперничества «мировых сил, и сила, которая здесь установит господство, обеспечит свое превосходство на международной арене»¹³. Близость региона к Ближнему Востоку также усиливала его значение. Для США было важно ослабить влияние в регионе России и воспрепятствовать росту влияния Ирана и Китая. Вот почему США попытались здесь усилить экспансию. Гигантские нефтяные компании американского происхождения (Шеврон, Эксон, АМАКО и др.) получили самые большие доли почти

во всех консорциумах и соглашениях, а в политическом плане США при посредничестве Турции начали крепить здесь свое присутствие. Таким образом, после нефти и газа Ближнего Востока солидная часть месторождений нефти и газа Каспийского бассейна перешла под контроль США. Интересы Турции и США в регионах Центральной Азии и Закавказья пересекались по ряду позиций. В политическом плане США поддерживали развитие политического и военного сотрудничества Турции с государствами района и способствовали ослаблению влияния здесь России и Ирана. В 1994 г. все государства Центральной Азии, за исключением Таджикистана, были включены в программу «Сотрудничество ради мира» в рамках НАТО, многие офицеры армий из государств региона прошли обучение в Турции. В сентябре 1997 г. США и Турция провели военные маневры с участием Казахстана, Узбекистана, Киргизстана и России¹⁴.

США поддержали культурные и религиозные акции Турции в регионе, в частности направление сюда турецких религиозных деятелей и посылку текста Корана на латинском языке. В противовес пропаганде радикального ислама, начатой Ираном в радиопередачах на регион, США способствовали утверждению религиозного имиджа светской Турции.

США поддерживают переход упомянутых стран к свободной рыночной экономике и инициативу Турции по привнесению своего опыта в этой сфере, а также поощряют выход государств из рублевой зоны. С 1997 г. Россия начала проводить более решительную политику в регионе, что заставило США всячески подталкивать эти страны занять более независимые позиции. Как подчеркивалось в одном из докладов, подготовленных для Конгресса США, возросшая активность Турции в регионе привела к сближению России и Ирана, озабоченных подобным напором, и здесь создались новые группы соперничества: с одной стороны США – Турция, и с другой – Россия – Иран¹⁵.

Одним из важных направлений турецко-американского сотрудничества стал вопрос о прокладке нефтепровода Баку – Джейхан. Поддерживая этот проект, США руководствовались следующими соображениями:

- вслед за поступлением нефти на международные рынки США еще более укрепляют свои позиции в Евразии и тем самым реализуют долгосрочные стратегические амбиции;

- осуществляется политическое объединение Центральной Азии и Кавказа и их привязанность к США;

- заканчивается монополия России на энергетические ресурсы региона, и соответственно сокращается зависимость стран этого региона от России;

- достигается изоляция Ирана в регионе.

В октябре 1998 г. на совещании в Анкаре представители Турции, Грузии, Азербайджана, Казахстана, Узбекистана и США подписали «Анкарскую декларацию в поддержку проекта нефтепровода Баку – Джейхан».

После того, как в 2000 г. в Казахстане было открыто богатое месторождение нефти (Кашаган), турецкие и американские власти договорились с казахстанской стороной, что эта нефть также пойдет через трубопровод Баку – Джейхан, и США выразили готовность оказывать проекту всестороннюю поддержку. Строительство нефтепровода началось в сентябре 2002 г., и его завершение планируется в 2005 г. (стоимость проекта 1,4 млрд. долл.). Вместе с тем США неоднократно выражали свою озабоченность по поводу проекта «Голубой поток»*, считая, что газопровод усилит зависимость Турции от России.

Отдельно можно выделить сотрудничество двух стран в военной области. Если в 1995 г. Турция закупила у США оружия на 536 млн. долл., то уже в 1997 г. эта сумма превысила 1,2 млрд. долл.

Заслуживают внимания экономические и торговые отношения между двумя странами, масштабы которых неуклонно возрастали в 90-е годы. Если общий объем торговли составил в 1992 г. чуть выше 3 млрд. долл., то в 2000 г. он равнялся 6,9 млрд. долл., и таким образом, в общем экспорте Турции доля США составила 10%, а в импорте – 9%¹⁶. Имелись здесь и определенные проблемы, в первую очередь – сохранение квот на турецкий экспорт текстиля и готовой продукции. Однако согласно двустороннему соглашению, предполагается поэтапное снятие всех квот к 2005 году.

В 1990 г. было подписано соглашение о двусторонних инвестициях, согласно которому за инвесторами признавалось право выгодных трансферов и предусматривались определенные процедуры для разрешения разногласий. Основной причиной заинтересованности США в инвестициях в Турции стали начатые здесь крупные проекты по энергетике. Американские компании в первую очередь обратили внимание на Южноанатолийский проект (ГАП). В декабре 1999 г. представители американских компаний Джэнерэл Электрике и Дюпон, а также Совета по международным отношениям во главе с почетным председателем Д.Рокфеллером, а также посол США в Турции М.Пэррис посетили Южную Анатолию с ознакомительным визитом. К 2000 году США предоставили Турции инвестиций на сумму 2 млрд. долл. для сооружения 9 плотин и 800 млн. долл. – для ГАП. Таким образом, Турция, помимо основной роли стратегического партнера, приобрела для США значение с точки зрения рынка и инвестиций¹⁷.

Таковы в целом основные аспекты турецко-американского сотрудничества, чрезвычайно расширившегося в 90-е гг. XX века и начале XXI века.

* «Голубой поток» – газопровод, который был проведен по дну Черного моря из России в Турцию и который обеспечил Турцию большей долей необходимого ей газа.

- ¹ Mahmut Bali. Turkish Perspectives on Turkish – US Relations // Middle East Journal, summer 1996.
- ² Bzejnski. Büyük satranç tahtası. İstanbul, 1998, c. 12.
- ³ Ibid.
- ⁴ Türk Dış politikası. İstanbul, 2003, c. 253.
- ⁵ Ibid.
- ⁶ Milliyet. 14.03.2000.
- ⁷ Türk Dış politikası. Op. çit., c. 271.
- ⁸ Stratejik Analiz, aralık 2003, c. 41.
- ⁹ Ibid, c. 46.
- ¹⁰ Ibid.
- ¹¹ Marios. Turkey's Role in United States Strategy during and after the Cold War. Mediterreneal Quarterly, Autumn, 1998.
- ¹² Türk Dış politikası. Cilt II. İstanbul, 2003, c. 277.
- ¹³ Bzejnski. Büyük satrançtahtası. İstanbul, 1998, c. 102.
- ¹⁴ Türk Dış politikası. Op.çit., c. 281.
- ¹⁵ Türk Dış Politikası. Op.cit., c. 280.
- ¹⁶ Ibid, c. 290.
- ¹⁷ New Perspectives Quarterly. 1999, c. 45–51.

ТУРЦИЯ-ЕС: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПАРТНЕРСТВА

В 1963 г. в Анкаре был подписан договор об ассоциации Турции и Европейского экономического сообщества, положивший начало, как оказалось, весьма длительному и сложно протекающему процессу интеграции Турции в Западную Европу.

Поступательное развитие торгово-экономических отношений сторон на протяжении более чем десяти лет было прервано в 1976 г. так называемым кризисом ассоциированности, когда Турция заморозила выполнение своих обязательств по отношению к сообществу. Экономический кризис, разразившийся в Турции в 1979 г., явился одной из основных причин военного переворота 1980 г. Комментируя развитие отношений сторон в конце 70-х-начале 80-х годов, В.В.Кунаков отмечал, что «...реалии экономического положения и стран ЕС, и Турции (кризис и посткризисная фаза, хотя и разные по качественным показателям) не позволяли обеим сторонам выполнять взятые на себя обязательства»¹.

Относительно быстрый выход турецкой экономики из кризиса и ее успешное развитие в первой половине 80-х годов наряду со стабилизацией внутривнутриполитического положения явились поводом для активизации европейского направления во внешнеэкономической политике Турции: в апреле 1987 г. она подала официальный запрос о полном членстве в ЕС. В ответе ЕС, который Еврокомиссия огласила в 1989 г., констатировалось: «Экономическая и политическая ситуация в Турции свидетельствует о том, что необходимые изменения, с которыми Турция столкнется в случае принятия в ЕС, могут быть обеспечены в среднесрочной перспективе»². Данная формулировка означала, что и сам вопрос о членстве может быть решен только в среднесрочной перспективе, временные границы которой крайне неопределенны. Тем не менее следствием шага по сближению с ЕС, предпринятого Турцией, стало возобновление процесса постепенного снижения таможенных пошлин в отношении стран Евросоюза и адаптации к Единому внешнему тарифу ЕС.

Завершение этого процесса ознаменовалось созданием в январе 1996 г. таможенного союза, рассматривавшегося в ранее принятых документах в качестве заключительного этапа в процессе ассоциации, который должен непосредственно предшествовать принятию Турции в полноправные члены ЕС. И хотя официальные лица страны

прикладывали немало усилий для акцентирования внимания на положительных аспектах этого события, спустя некоторое время в турецком обществе явственно стали звучать мотивы раздражения и обманутых надежд, порождавшиеся именно тем обстоятельством, что таможенный союз и членство Турции в Евросоюзе оказались разделены во времени. Основные аргументы скептически настроенных политиков, экономистов и публицистов сводились к следующему. Действие таможенного союза распространяется на промышленные товары, доля которых в двусторонней торговле составляет более 90%. Следовательно, с учетом значительно возросшего после 1996 г. дефицита Турции в торговле со странами Союза (см. табл. 1) последние еще до получения Турецкой Республикой статуса его официального члена начали активно использовать режим свободной торговли для расширения своего присутствия на рынке Турции.

Таблица 1

Динамика внешней торговли Турции и стран ЕС
(млн. долл.)

Годы	Экспорт Турции	Импорт Турции	Сальдо
1994	8.635	15.334	- 6.699
1995	11.077	16.860	-5.783
1996	11.548	23.138	-11.590
1997	12.247	24.869	-12.622
1998	13.437	24.090	-10.653
1999	14.348	21.416	-7.068
2000	14.510	26.610	-12.100
2001	16.118	18.280	-2.162
2002	18.059	23.123	-5.064

Составлено по: UCCET. Economic report 95. Ankara, 1996, с. 89; UCCET. Economic report 97. Ankara, 1998, с.89; UCCET. Economic report 98. Ankara, 1999, с. 107; TOBB. Ekonomik rapor 2000. Ankara, 2001, с. 107; TOBB. Ekonomik rapor 2001. Ankara, 2002, с. 120; TOBB. Ekonomik rapor 2002, с. 89.

Следует подчеркнуть, что новый статус Турции не налагал на страны ЕС жестких обязательств с точки зрения оказания ей финансовой поддержки. При этом некоторые виды кредитов или финансовой помощи, выделение которых все же было предусмотрено по линии Европейского инвестиционного банка или же непосредственно из бюджета Евросоюза, в конечном итоге так и не были получены турецкой стороной из-за вето, наложенного Грецией. В итоге многие аналитики сходились во мнении, что ЕС превратил Турцию в новый рынок сбыта, не понеся при этом сколько-нибудь серьезных финансовых затрат.

В то же время страны Союза, очевидно, были склонны трактовать образование таможенного союза как своего рода уступку, которую они стремились использовать для отсрочки принятия решения о придании Турции статуса официального кандидата на вступление в ЕС. С точки зрения Турции подобный маневр выглядел особенно раздражающим на фоне активизации процесса расширения Евросоюза после изменения геополитических условий в Европе, приведших к распаду социалистического блока и появлению ряда стран, которые начали активно двигаться по пути построения экономик рыночного типа. Пика обострения отношения двух сторон достигли в конце 1997 г., после состоявшейся в Люксембурге встречи глав государств и правительств ЕС, которая получила название «саммита расширения». На встрече было принято окончательное решение о приеме 11 новых членов, причем Турция не была включена даже во вторую волну расширения, которая должна была охватить 5 из 11 государств-кандидатов. Формально свою позицию страны Евросоюза объяснили тем, что Турция не удовлетворяет в должной степени политическим и экономическим требованиям для вступления в ЕС. Но по некоторым показателям экономического развития Турция на тот момент не только не уступала, но и опережала такие страны-кандидаты, как Болгария и Румыния. Претензии по соблюдению демократических правовых норм были предъявлены и Словакии, которая тем не менее также была включена в список кандидатов. Данные обстоятельства побудили представителя Турции заявить на люксембургском саммите о неискренности ЕС в отношении его страны. При этом подразумевалось, что действительной причиной для дискриминации Турции стал мусульманский фактор³.

Отрицательный резонанс, который вызвала встреча в Люксембурге в официальных турецких кругах, оказался настолько глубок, что Анкара выступила с угрозой бойкота товаров из стран Евросоюза. Турецкий кабинет министров намеревался составить неофициальный черный список торговых компаний, зарегистрированных в государствах, «нелояльных» к Турции. Тем не менее правительство отклонило предложение некоторых министров о введении эмбарго в отношении товаров из Западной Европы.

И хотя некоторое время спустя раздражение официальной Анкары стало менее явным, следует признать снижение активности в отношениях сторон, проявившееся в первую очередь в ослаблении влияния ЕС на пересмотр правовых норм в Турции, равно как и на ее экономическое развитие.

Одновременно в этот период происходила дальнейшая дискредитация идеи таможенного союза в общественном мнении страны. Авторы работы, подготовленной одним из турецких исследовательских центров в Германии, «Турция и Европейское сообщество» подчеркивали, что «если Европейское сообщество откладывает принятие

Турции в свои ряды, стремясь защитить турецкую промышленность от конкуренции западноевропейских товаров, то не следует торопиться и с созданием таможенного союза, который поставит местных производителей в те же самые условия жесткой конкуренции. Но в рамках таможенного союза обострение конкуренции для Турции не будет сопровождаться предоставлением ей обязательной финансовой поддержки, поскольку Турция не получит доступа к структурным фондам ЕС»⁴.

По мнению некоторых аналитиков, решение вопроса о принятии Турции в члены ЕС откладывалось по той причине, что экономически ситуация, сложившаяся на тот момент, являлась оптимальной с точки зрения ЕС: основные преимущества, которые могло принести членство Турции, а именно новый емкий рынок, он уже получил с образованием таможенного союза и при этом сумел избежать значительных издержек. «Турция в таможенном союзе играет лишь роль объекта налогообложения», – писал обозреватель турецкой экономической газеты «Finansal Forum» И. Решат Озкан. При этом в Турции часто высказывалось мнение, что нерешенные политические проблемы используются странами ЕС в качестве предлога для возможно более длительного уклонения от пересмотра сложившегося положения вещей.

Новый период во взаимоотношениях сторон, часто высокопарно именуемый в турецкой печати «новой эрой», начался с декабря 1999 г., когда на состоявшейся в Хельсинки встрече глав государств и правительств ЕС Турции был предоставлен официальный статус страны-кандидата на вступление в члены ЕС. Наряду с изменением формального статуса большое значение имели некоторые подвижки в подходах к проблеме приема новых членов со стороны Евросоюза, а также смена приоритетов в социально-экономической жизни самой Турции.

Определенный положительный резонанс в Турции вызвало опубликование данных опроса общественного мнения, проведенного среди жителей стран-членов ЕС по проблеме полноправного членства Турции накануне хельсинского саммита⁵. В опросе приняли участие 11 тыс. респондентов. На вопрос «Желаете ли вы видеть Турцию полноправным членом ЕС?» число давших положительный ответ составило в Испании 32%, в Португалии – 28%, в Англии – 23%, в Греции и Голландии – 22%, в Ирландии – 19%, в Финляндии – 18%, во Франции – 17%, в Германии – 9%, в Австрии – 6,5%. На вопрос «Считаете ли вы, что Турция будет принята в полноправные члены ЕС?» количество ответивших утвердительно составило в Греции – 45%, в Голландии – 36%, в Англии – 26%, в Португалии и Ирландии – 25%, в Финляндии – 24%, в Испании – 18%, во Франции – 16%, в Германии – 15%, в Австрии – 14%. При этом среди причин, по которым возможно принятие положительного решения о полноправном членстве Турции в ЕС, на

первом месте фигурировали ее геополитическое положение (37%) и динамично развивающаяся экономика (34%). Среди причин, по которым респонденты считали принятие Турции в полноправные члены Союза невозможным, первое место с большим отрывом заняла нерешенность проблемы прав человека (62%), второе – недостаточный уровень экономического развития (45%). Лишь 19% опрошенных отметили в качестве препятствия то обстоятельство, что в результате принятия Турции в рамках ЕС будет нарушена религиозная однородность.

Таким образом, итоги опроса свидетельствовали, с одной стороны, об отсутствии у жителей стран Западной Европы единодушного сопротивления решению о полноправном членстве Турции, а с другой, – о том, что в ряду основных препятствий на пути двустороннего сближения рассматривались все же отнюдь не религиозные факторы, а объективно требовавшие своего решения проблемы в сфере прав человека и экономики Турции.

Важным позитивным обстоятельством в процессе двустороннего сближения следует считать конкретизацию задач по решению названных проблем. Вступление ЕС в процесс масштабного расширения вызвало необходимость выработки более или менее универсальных и, по возможности, формализованных критериев, достижение которых обеспечивало бы членство в Союзе. В июне 1993 г. на заседании Европейского Совета в Копенгагене было признано право стран Центральной и Восточной Европы на вступление в ЕС в случае соответствия следующим трем составным критериям, которые в последующем получили название копенгагенских⁶:

Политические критерии предусматривают существование стабильно действующих институтов, которые гарантируют соблюдение демократических прав, обеспечивают власть закона и соблюдение прав человека, в том числе национальных меньшинств;

Экономические критерии предусматривают, во-первых, наличие работающей рыночной экономики, что означает либерализацию цен и системы внутренней торговли, а также обладание соответствующей законодательной базой, в первую очередь обеспечивающей защиту прав собственности. Макроэкономическая стабильность и достижение в обществе консенсуса по основным направлениям проводимой экономической политики выступают факторами, повышающими действенность рыночной экономики. Кроме того, с точки зрения экономической эффективности важны развитый финансовый сектор, а также отсутствие барьеров на пути вхождения агентов на рынок и ухода с него. Во-вторых, национальная экономика должна обладать потенциалом, достаточным для того, чтобы противостоять конкурентному давлению со стороны других членов Союза, что как раз предопределяется существованием функционирующей рыночной экономики, стабильной макроэкономической ситуацией, позволяющей экономиче-

ским агентам принимать решения в условиях предсказуемости. Соответствие этому критерию предполагает также наличие достаточного человеческого и физического капитала, включая инфраструктуру, необходимую реструктуризацию предприятий и инвестиционную активность в частном секторе. При этом предприятия должны иметь достаточные возможности для привлечения кредитов в целях реструктуризации и использования инноваций. Кроме того, признано, что чем выше степень интеграции национальной экономики и стран ЕС, которая оценивается через стоимостный и физический объемы взаимной торговли, тем легче достигается соответствие названным критериям.

Третий критерий предусматривает приверженность страны ценностям Евросоюза, то есть его различным политическим, экономическим целям.

С 1998 г. при анализе состояния национальной экономики Турции Комиссия Евросоюза руководствуется именно системой копенгагенских критериев. Такая, хотя и весьма относительная, формализация критериев для вступления в Евросоюз все же служит цели внесения большей определенности в перспективы членства Турции и позволяет конкретизировать те экономические задачи, которые должны быть решены для реализации этих перспектив.

Что касается внутриэкономических изменений, имеющих положительное значение с точки зрения приближения Турции к статусу полноправного члена ЕС, то следует обратить внимание на следующие важные тенденции. Хотя 80–90-е годы прошли для экономики Турции под лозунгами либеральных реформ, в действительности приверженность курсу на построение рыночной системы хозяйства осложнялась длительной и привычной для Турции традицией участия государства в экономическом развитии. Изменение роли государства оказалось весьма трудным процессом, неоднозначно воспринимавшимся обществом, что замедляло ход перемен.

В результате реформирование такой важнейшей сферы, как государственные финансы, проводилось весьма непоследовательно. Вопреки установкам на либерализацию экономики, соотношение между использованием фискальных и кредитно-денежных рычагов экономической политики неизменно, с большим перевесом сохранялось за первыми. Наиболее убедительное тому подтверждение – остававшаяся нерешенной до 2001 г. проблема независимости Центрального банка Турции от исполнительной власти. Данный факт свидетельствовал об устойчиво прокейнсианской концепции государственной финансовой политики. В структуре государственных расходов неизменно присутствовали статьи, использовавшиеся в целях субсидирования тех или иных групп экономических агентов, что, с одной стороны, противоречило курсу на рыночную модернизацию экономики, а с другой, – являлось источником хронических дефицитов. В связи с данной проблемой видный турецкий исследователь

З.Ониш писал: «Фактически, вопреки тому, что были достигнуты значительные успехи на пути либерализации, продолжали существовать внушительные элементы контроля... Масштабный интервенционизм на микроуровне продолжал оставаться характерным для турецкой экономики, хотя и в новых формах, с использованием новых инструментов»⁷. В качестве наиболее яркого примера такого интервенционизма З.Ониш отмечал экспортные субсидии, в первую очередь в форме возврата налогов. Схожей точки зрения придерживается и известная турецкая исследовательница Г.Казган. По ее мнению, для Турции 80–90-х годов было характерным «огосударствление убытков частного сектора». К числу таких явлений, помимо субсидирования экспорта, она причислила составившие около 2,5% ВВП потери государства по урегулированию банковского кризиса 1982–83 гг., когда группа разорившихся частных банков была передана государственным банкам, практику поддержки частных фирм за счет долевого участия государственных банков или посредством передачи последним права собственности, проводившуюся до конца 80-х годов практику девальвации турецкой лиры в интересах экспортеров, поддержку после валютно-финансового кризиса 1994 г. частных банков кредитами ЦБТР, а также создание при нем Фонда страхования депозитов⁸.

Помимо вмешательства в экономику, связанного с процессом производства и накопления, государство, по мнению З.Ониша, было вынуждено участвовать в распределительных процессах. Основными инструментами, при помощи которых турецкое государство обеспечивало перераспределение общественного продукта, стали избыточная занятость на государственных предприятиях и закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию⁹.

В конце 80-х годов воздействие государства на процессы перераспределения приобрело еще более масштабный характер. В целях расширения внутреннего рынка правительства стали использовать рост государственных расходов для повышения реальной заработной платы. При этом, отвечая на популистские вызовы, государство увеличивало расходы, не опираясь на адекватное увеличение доходов. Для выхода из создавшегося положения правительство использовало такие эффективные в краткосрочном плане решения, как дорогостоящие внутренние и внешние займы. Поэтому на последующих стадиях перераспределительный механизм начал действовать и через перекачку средств из государственного сектора в частный в форме значительных выплат по государственным заемным обязательствам. По истечении определенного промежутка времени подобная чрезмерная нагрузка на госфинансы неизбежно приводила к росту долговой зависимости и финансово-экономическим кризисам.

Подводя итог сказанному, З.Ониш констатировал: «Было бы упрощением характеризовать реформы 80-х годов как переход от одного экстремума – чрезмерно регулировавшейся и контролирував-

шейся «смешанной» экономики – к другому – неолиберальной экономике «свободного рынка»¹⁰. Долгосрочное решение экономических проблем Турции, по его мнению, неотделимо от снижения избыточных нагрузок на государственные финансы, что предполагает переход «к постпопулистскому государству», вмешательство которого в экономику значительно более эффективно, поскольку ограничено небольшим количеством строго определенных целей¹¹.

Таким образом, можно сказать, что 90-е годы подвели итог своего рода промежуточному или переходному этапу развития турецкой экономики, для которого были характерны декларирование принципов либерализации при одновременном сохранении, хотя и в видоизменившихся по сравнению с периодом 60–70-х годов формах, инерции разностороннего и масштабного вмешательства государства в процессы производства и распределения. Этот весьма специфический синтез принципов экономической политики на протяжении ряда лет способствовал ускорению экономического роста, однако в конечном итоге дискредитировал себя, так как хронический дефицит бюджета стал непосредственной причиной нескольких финансово-экономических кризисов, последний из которых (2001 г.) принял особенно глубокий и затяжной характер. Выход из периода экономической нестабильности может быть обеспечен лишь за счет решительного пересмотра использовавшихся методов экономической политики. Таким образом, в начале нового столетия следование принципам рыночной экономики, в том числе недопущение государством расходов, не обеспеченных доходной частью бюджета, сокращение его вмешательства в процесс ценообразования и распределительные процессы, является уже не столько свободным выбором турецких властей, сколько необходимостью, подсказываемой объективной логикой выхода из длительного кризиса и преодоления экономической нестабильности, так и диктуемой их крупнейшим кредитором МВФ. Следовательно, данный период характерен весьма значительным совпадением задач по достижению соответствия копенгагенским критериям с актуальными экономическими задачами, стоящими перед Турцией.

«Программа построения сильной экономики Турции», принятая в мае 2001 г. как программа устойчивого выхода из череды периодических кризисов 90-х – начала 2000-х годов предусматривала осуществление структурных изменений в сфере государственных финансов и банковском секторе, а также создание конкурентной среды и повышение эффективности экономики¹².

В сфере госфинансов намечалось повышение прозрачности отчетности, введение единого закона, регулирующего порядок привлечения государством внутренних и внешних займов, их ограничение запланированным объемом дефицита, регулярное информирование правительством и Казначейством Центрального банка об объемах

произведенных займов, а также заслушивание регулярных отчетов последнего перед парламентом.

Одним из наиболее примечательных нововведений, предусмотренных в финансовом секторе, должно стать прекращение исполнения государственными банками функций, с которыми связана их убыточность. То есть речь шла о прекращении практики «государствления частных убытков» за счет средств государственных банков, равно как использования их активов в целях перераспределения доходов. В отдельных случаях банкам разрешалось производить «поддерживающие» выплаты, но они должны были покрываться переводами из бюджета.

Программа также предусматривала продолжение процесса приватизации на условиях соблюдения финансовой дисциплины и реальной оценки стоимости приватизируемых объектов.

Создание конкурентной среды предусматривало отказ государства от объявления закупочных цен на сахар и табак, что должно было положить конец практике их перепроизводства с возможной последующей переориентацией производителей на другие виды культур, и переход к использованию системы прямой поддержки сельских производителей. Кроме того, предполагалась либерализация газового рынка с тем, чтобы положить конец монопольному положению государственной газовой компании в сфере импорта, доставки и обеспечения природным газом потребителей. Намечались приватизация телекоммуникационной компании Телеком, что должно было привести к разрушению государственной монополии в обеспечении стационарной телефонной связью, а также либерализация цен на услуги авиакомпаний на внутренних рейсах для повышения конкуренции в отрасли.

На полное совпадение целей Программы построения сильной экономики Турции с требованиями копенгагенских критериев в сфере экономики обратил внимание член комиссии ЕС по расширению Гюнтер Верхейген (Günter Verheugen), который заявил: «В случае последовательного осуществления реформы, по нашему мнению, будут способствовать дальнейшему приближению Турции к Евросоюзу, так как многие из них могут быть идентифицированы как приоритеты в партнерстве ЕС и Турции по подготовке к ее вступлению в Союз»¹³.

Соответствие национальных экономических задач целям, достижение которых должно обеспечить Турции членство в ЕС, рождает в турецком обществе определенный оптимизм и готовность действовать. По всей видимости, в качестве ответа турецкой стороны на новую ситуацию следует рассматривать принятие парламентом страны в августе 2002 г. пакета «ключевых демократических реформ»: отмену смертной казни, разрешение на вещание и образование на курдском языке, расширение прав немусульманского населения, введение

в качестве нормы критику гражданами госучреждений, смягчение наказаний за участие в массовых демонстрациях. К утверждению перечисленных норм Турция шла весьма длительное время, что свидетельствует о сложном процессе их вживления в национальные традиции и ментальность.

Но все же более сложным представляется сокращение экономического разрыва между Турцией и странами ЕС. Отчет комиссии ЕС по Турции за 2000 г.¹⁴ «Прогресс на пути к членству»¹⁵ выявил следующие основные проблемы в вопросе о соответствии страны экономической группе копенгагенских критериев. В Турции создана необходимая для функционирования рыночной системы законодательная база, то есть четко определены права собственности. Улучшились и условия для предпринимательской деятельности благодаря мерам правительства, направленным на снижение числа административных и фискальных барьеров. В то же время необходимы усилия в области последовательного применения действующего законодательства, равно как и повышение его эффективности и четкости.

Хотя в целом равновесие между спросом и предложением устанавливается за счет свободного взаимодействия рыночных сил и торговля либерализована, в Турции все еще остаются значительные зоны государственного внерыночного регулирования. В силу все еще не изжитой традиции прошлых десятилетий, когда Турция в рамках стратегии импортзамещения активно строила промышленные предприятия, государство по-прежнему остается собственником ряда компаний, действующих в базовых отраслях промышленности и производящих промежуточную продукцию для частных обрабатывающих предприятий. Государственные компании производят порядка 8% ВВП, и на них занято около 40 тыс. работников. В ряде случаев занятость здесь является избыточной, что снижает их эффективность и делает возможной их деятельность только за счет субсидий государства. Доля регулируемых государством цен в общей стоимости товаров, учитываемых при расчете индекса потребительских цен, остается довольно высокой – около 25%. Речь идет не только о ценах на коммунальные услуги государственных предприятий, но и о ценах на сырье.

Вместе с тем в отчете отмечалось, что впервые с середины 80-х годов Турции удалось добиться заметных успехов в приватизации, в результате чего только за первые 8 месяцев 2000 г. доходы от реализации на рынке недвижимости государственной собственности составили 3% ВВП.

Что касается наиболее болезненной для Турции темы макроэкономической стабильности, то, как отмечалось в отчете, несмотря на улучшение ситуации, инфляция все еще остается высокой, и в среднесрочном периоде по-прежнему актуальной является задача созда-

ния здоровой системы госфинансов. То, что первые успехи Турции на этом пути действительно не носили необратимого характера, показало последующее развитие событий: в начале 2001 г. в Турции вновь разразился финансово-экономический кризис.

В отчете констатировалось, что в Турции не существует значительных ограничений, связанных с процессом входа на рынок или ухода с него. Это подтверждалось многочисленностью предприятий, вновь созданных или ликвидированных в течение года, хотя на их число одновременно влияла недостаточно стабильная экономическая конъюнктура и низкие управленческие навыки у персонала новых предприятий.

Финансовая система страны, отмечалось в отчете, испытывает острую потребность в реструктуризации, в ходе которой предстоит решить две основные проблемы:

1. Преимущественная ориентация банков на финансирование дефицита госсектора, что препятствует выполнению ими функции трансформации сбережений в производственные инвестиции;

2. Активное использование государством средств государственных банков, являющихся при этом крупнейшими в национальной банковской системе, для выплаты субсидий и обеспечения льготного кредитования, что послужило причиной их огромных убытков.

Банкам страны предоставлялся шестилетний период для приближения к стандартам ЕС в области структуры и характера использования банковского капитала.

Таким образом, достижение соответствия турецкой экономики параметрам рыночной связано в гораздо большей мере не с изменениями законодательства, что может быть обеспечено в короткие сроки, а с глубокими структурными изменениями в хозяйственном комплексе, осуществление которых в лучшем случае следует расценивать как среднесрочную задачу. Дело в том, что накопившийся государственный долг (в «Программе построения сильной экономики Турции» величина суммарного – внутреннего и внешнего государственного долга оценивалась по состоянию на конец 1999 г. в 61% ВВП) делает возможным на данном этапе лишь достижение профицита первичного бюджета, то есть бюджета, не учитывающего процентные расходы по долговым выплатам. Принимая во внимание обременительность последних, государственные финансы смогут перейти в режим бездефицитного функционирования лишь по прошествии определенного времени, когда и откроются реальные возможности для стабилизации государственного долга и более или менее эффективного решения проблемы инфляции.

По вопросу о способности турецкой экономики противостоять конкурентному давлению рыночных экономик Евросоюза, в отчете комиссии отмечалось:

1. Производственная инфраструктура страны развита неравномерно. Турция располагает достаточно развитой системой автодорог, но в то же время имеет устаревшую и не соответствующую современным требованиям систему железнодорожного транспорта.

2. Технологические характеристики промышленного капитала также неоднозначны. Современные технологии, используемые в экспорториентированных отраслях, соседствуют с весьма отсталыми технологиями, жизнеспособность которых основывается на использовании дешевой рабочей силы и вкладе неформального сектора, то есть труда семейных работников. Несмотря на то, что доля инвестиций в ВВП в последние годы превышает 20%, инвестиционная активность в частном секторе остается нестабильной. При этом использование кредитов для частных компаний, не входящих в структуру промышленно-финансовых холдингов, является чрезвычайно трудным, особенно для тех из них, которые по своим размерам относятся к категории средних и малых. Данное обстоятельство объясняется как спецификой финансового сектора страны, так и его преимущественной ориентацией на работу с государственными займами.

3. Турции необходимо увеличить инвестиции в человеческий капитал. Часть рабочей силы является высокообразованной, но образовательный уровень большей части населения остается низким. Проблема обучения молодежи осложняется тем обстоятельством, что все еще изрядными остаются масштабы использования детского труда. По оценкам ОЭСР, порядка 30% детей в возрасте от 6 до 14 лет работают, вместо того чтобы посещать школу.

4. В частном секторе страны активно происходит процесс реструктуризации предприятий, обусловленный их включением в международную конкуренцию. Однако реструктуризация в государственном секторе остается нерешенной проблемой, многие предприятия все еще имеют избыточную занятость и устаревшее оборудование, а также регулярно используют государственные субсидии.

5. Прямые иностранные инвестиции остаются на незначительном уровне, составляя менее 0,5% ВВП. Основными факторами, снижающими привлекательность турецкой экономики, продолжают быть макроэкономическая нестабильность, неустойчивый экономический рост, неопределенность в политической сфере.

6. Важной проблемой среднесрочного характера по-прежнему является реструктуризация сельского хозяйства, которая, аккумулируя 40% занятых, производит лишь 14% ВВП, что свидетельствует о низкой эффективности большинства хозяйств. Сложившаяся в стране система поддержки сельского хозяйства (через государственные закупочные цены и льготные кредиты) является затратной и нерезультативной. К тому же она приводит к росту цен внутреннего рынка на продовольствие. Поэтому необходимо изменение схемы поддержки сельхозпроизводителей посредством перехода на ее прямые (адресные) формы.

7. В Турции традиционно значительны региональные диспропорции, а также существенны внутрорегиональные различия между городом и сельской местностью. Данная ситуация порождает интенсивные миграционные потоки, приводя к перегрузке городской инфраструктуры и затрудняя деятельность местных органов управления. Меры правительства, направленные на решение данной проблемы, пока не привели к заметным положительным сдвигам.

8. Интеграция со странами ЕС достигала относительно высокого уровня развития. Более 50% от общего объема внешней торговли Турции приходится на страны Евросоюза. Значительный объем двусторонней торговли обеспечивается за счет внутриотраслевой специализации.

Итоговый вывод комиссии состоял в следующем: значительные сегменты турецкой экономики уже выдерживают конкуренцию в рамках таможенного союза Турции и ЕС. Тем не менее необходимо проведение ряда реформ, чтобы распространить конкурентоспособность на всю экономику страны. В частности, реструктуризация требуется банковскому сектору, сельскому хозяйству, государственным предприятиям. Таким образом, и решение проблемы конкурентоспособности считается возможным лишь в перспективе, точные временные границы которой не представляется возможным очертить.

В ноябре 2002 г. в Турции состоялись парламентские выборы. Их итогом стал приход к власти однопартийного правительства, сформированного получившей парламентское большинство происламской Партией справедливости и развития. И хотя сам характер партии порождал ожидания, связанные с пересмотром как экономического курса страны, так и взаимоотношений с ЕС, новое правительство смогло реалистично оценить предельную ограниченность поля для маневра в условиях сохранения крайней напряженности государственных финансов и их обремененности беспрецедентным по своей величине госдолгом, размер которого почти достигал валового внутреннего продукта. Практически сразу были определены такие приоритетные направления экономической политики, как продолжение сотрудничества с МВФ и развитие курса на вступление в ЕС. При этом и на официальном уровне, и неправительственными организациями признавалась взаимосвязь задач, сформулированных в рамках согласованной с МВФ экономической программы, и задач по достижению соответствия экономическим критериям ЕС. «Суть структурных реформ в Турции заключается в создании рыночной экономики со всеми ее правилами и институтами, в устранении механизмов извлечения политической ренты, достижении более эффективного использования ресурсов и повышении устойчивости экономики к шоковым потрясениям. Эта необратимая макроэкономическая политика, опирающаяся на программу МВФ, дает Турции возможность в среднесрочной и долгосрочной перспективе повысить свою продуктивность и конкуренто-

способность. Если Турция сможет придерживаться цели макроэкономической стабильности и курса на проведение структурных реформ, она, очевидно, сможет воспользоваться преимуществами от сближения с ЕС», – отмечалось в подготовленном Союзом турецких промышленников и предпринимателей¹⁶ исследовании «Европейский Союз и Турция: на пути к экономической интеграции»¹⁷.

На Копенгагенском саммите ЕС, состоявшемся в декабре 2002 г., вопреки ожиданиям Турции дата начала переговоров о ее вступлении не была назначена. Отчет комиссии ЕС по Турции за 2002 г. констатировал: «Турция добилась значительного прогресса в развитии рыночной экономики, что повышает ее способность конкурентному давлению и рыночным силам внутри Евросоюза, но она все еще находится под дестабилизирующим влиянием двух последних глубоких финансовых кризисов»¹⁸. Ныне турецкая сторона с осторожным оптимизмом ожидает декабря 2004 г., когда должен быть оценен ее прогресс на пути членства в ЕС и назначена дата начала соответствующих переговоров.

Следует обратить внимание еще на одно обстоятельство: сам Евросоюз также находится в процессе развития, новой стадией которого стал переход к единой валюте. Данное обстоятельство одновременно ужесточает требования к экономическому состоянию стран-кандидатов. Дело в том, что государства, которые образуют валютный союз, должны иметь очень близкие друг к другу макроэкономические показатели: величину бюджетного дефицита, уровень инфляции и процентных ставок, а также соотношение государственного долга и ВВП. Так, величина бюджетного дефицита не должна превосходить 3% ВВП, уровень инфляции не может более чем на 1,5% превосходить средний уровень инфляции для трех стран союза с ее наименьшими показателями, процентные ставки не должны более чем на 2% отклоняться от среднего соответствующего показателя для этих же стран. Названные основные критерии были закреплены Маастрихтским договором о создании ЕС. Вступление в Евросоюз не означает одновременного вступления в валютный союз, но предполагает его в обозримом будущем. Так что лишь относительно формализованные копенгагенские критерии сменяются для успешных кандидатов в ЕС жестко определенными показателями Маастрихтского соглашения. Таким образом, конкретизация экономических параметров, обеспечивающих членство в ЕС, означает для Турции не только большую определенность задач в сфере реструктуризации экономики и экономического роста, но одновременно и демонстрирует, сколь нелегким по затратам времени и сил будет их решение.

В согласованной сторонами в 2003 г. «Предвступительной» экономической программе для Турции указаны основные макроэкономические критерии, которые должны удерживаться Турцией в 2003–2006 г. для благоприятного решения вопроса о членстве в ЕС. В Таблице 2

они сопоставляются с показателями 2002 г. и предварительными показателями экономического развития Турции по итогам 2003 года.

Таблица 2

**Реальные и прогнозируемые показатели
экономического развития Турции**

Основные макроэкономические показатели	2002 г.	2003 г. (предварительные оценки)	2003–2006 г. (по материалам «Предвступительной» экономической программы для Турции)
Рост ВВП (%)	7,8	5,2	5,1
Инфляция (рост потребительских цен, %)	45,0	25,3	13,3
Процентная ставка (среднегодовая)	62,2	46,4	26,9
Дефицит бюджета/ВВП (%)	14,2	11,4	8,8
Государственный долг/ВВП (%)	96,3	88,5
Экспорт (fob)/ВВП (%)	23,3	17,2	29,6
Импорт(fob) /ВВП (%)	24,1	23,2	35,1

Составлено по: TÜSIAD. European Union and Turkey: Towards Economic Integration. İstanbul, 2003, с. 48; TÜSIAD. Türkiye ekonomisi 2003. İstanbul, 2003, с. 9–10.

Как следует из анализа данных таблицы 2, в 2003 г. Турции удалось добиться значительного прогресса с точки зрения снижения инфляции и снижения бюджетного дефицита, что дает основания предполагать и некоторое снижение госдолга относительно ВВП, и снижения процентных ставок. Тем не менее отрыв от программных показателей еще предстоит сделать», – так высказался о перспективах членства Турции в Евросоюзе Г.Верхейген¹⁹. Однако в силу четкости критериев членства решение вопроса о времени вступления представляется в значительной степени зависимым от усилий самой турецкой стороны.

¹ Кунаков В.В. Турция и ЕС: проблемы экономической интеграции. – М., 1999.

² TÜSIAD. European Union and Turkey: Towards Economic Integration. İstanbul, 2003, с.46.

³ Финансовые известия, 16.12.1997.

⁴ Türkiye Araştırma Merkezi. Turkey and the European Community. Opladen 1993, с.87.

⁵ Finansal Forum, 07.06.2000.

⁶ [http://europa.eu.int.](http://europa.eu.int;); European Council. 2000 Regular Report from the commission on Turkey. Progress towards accession. (08.12.2000) – <http://comm./enlargement/report-11-00>.

⁷ Oniş Z. The state and Economic development in contemporary Turkey: Etatism to Neoliberalism and Beyond. – Turkey between East and West. New challenges for a rising regional power. Oxford, 1996, с.163.

⁸ Kazgan G. Tanzimattan XXI yüzyıla Türkiye ekonomisi. Birinci Küreselleşmeden İkinci Küreselleşmeye. İst., 1999, с. 254–259.

⁹ Oniş Z. The state and Economic development in contemporary Turkey: Etatism to Neoliberalism and Beyond, с. 169–170.

¹⁰ Там же, с. 163.

¹¹ Там же, с. 171.

¹² <http://www.tcmb.gov.tr>

¹³ Verheugen G. Prospects for Turkey's accession to theEU. – Inside Turkey. Quarterly research and information journal on Turkey. April-June 2001, с. 60.

¹⁴ Отчет за 2000 г. представляется более репрезентативным, так как анализирует состояние турецкой экономики до кризиса 2001 г.

¹⁵ European Council. 2000 Regular Report from the commission on Turkey. Progress towards accession. (08.12.2000) – <http://comm./enlargement/report-11-2000>.

¹⁶ Союз турецких промышленников и предпринимателей – одна из самых влиятельных организаций бизнес-мира Турции.

¹⁷ European Union and Turkey: Towards Economic Integration, с.47.

¹⁸ Там же, с.46.

¹⁹ Verheugen G. Prospects for Turkey's accession to the EU, с. 59.

ИРАН И ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ
(К вопросу о нынешнем состоянии
и перспективах развития отношений)

Исламская Республика Иран (ИРИ) занимает важнейшее военно-стратегическое положение в Западной Азии. В этот обширный регион входят Ближний и Средний Восток, Кавказ, зона Каспийского моря, Центральная Азия. ИРИ является одновременно и средневосточной, и кавказской, и центральноазиатской, и каспийской страной, омываемой к тому же водами Персидского и Оманского заливов. Все, казалось бы, сугубо внутренние проблемы отдельных частей региона, будь то этнические и религиозные, военные и экономические, беженцев, наркобизнеса, терроризма и сепаратизма, могут эффективно решаться только при содействии ИРИ. Как источник углеводородных природных ископаемых, а также как территория транспортировки нефтегазопродуктов Иран обладает безусловной ценностью. 70-миллионная страна, имеющая одну из самых больших армий в мире (около 800 тыс. человек), является решающим фактором западно-азиатской региональной политики. В силу всего этого Иран привлекает к себе самое пристальное внимание мировых центров сил, прежде всего США, Западной Европы и России.

В этом треугольнике для России несомненный интерес представляют взаимоотношения между Ираном и Европейским союзом, их состояние и перспективы развития.

Ни для кого не секрет, что в последние годы одной из приоритетных задач политики США было создание сферы влияния на южном фланге России с опорой на некоторые кавказские и центральноазиатские страны. Средствами достижения этих стратегических целей стали, с одной стороны, минимизация роли Ирана и России в регионе, их устранение от крупных международных экономических проектов, а с другой, – недопущение сюда прочих государств, прежде всего западноевропейских. Не в последнюю очередь этим целям служили и антииранские экономические законы, принятые Конгрессом США, к примеру, так называемый закон Д'Амато, запрещающий иностранным компаниям заключать контракты по инвестированию средств в топливно-энергетический комплекс на сумму более 20 млн. долл. Де-факто эти законы распространены на американских союзников и

сдерживают выгодные для Западной Европы связи с ИРИ. По большому счету, за враждебной политикой США в отношении Ирана скрывается принцип «собаки на сене», то есть желание не допустить конкурентов на иранский рынок, пока туда не допускаются американцы.

Но, несмотря на давление из Вашингтона, связи Ирана со странами Западной Европы развиваются вполне позитивно.

Новый этап в ирано-западноевропейских отношениях начался в 1997 г. после прихода к власти президента Ирана Мохаммада Хатами. Италия, Германия, Франция, Великобритания ринулись на иранский рынок. По данным российского политолога А.Гушера, в начале нынешнего десятилетия товарооборот ИРИ с ФРГ оценивался в 3 млрд. долл. в год, с Италией – в 2,6 млрд. долл., с Францией – в млрд. долл. Кстати, в списке стран – экономических партнеров Ирана Россия занимает лишь 12-е место. Государства ЕС покупают в Иране сырую нефть, продукцию химической промышленности, природный газ, металлопродукт, кожсырьё, ковры ручной работы, фисташки. Основу иранского импорта составляют продовольствие, промышленное оборудование, средства транспорта, металлы.

Наиболее предпочтителен для западноевропейских компаний топливно-энергетический комплекс. Так, в работах на газовом месторождении Южный Парс вместе с российским «Газпромом» принимают участие французская компания «Тоталь» и малайзийская «Петронас». В свою очередь, норвежская компания «Статойл» объявила недавно, что промышленная добыча природного газа на фазах 6–8 проекта освоения иранского месторождения Южный Парс в Персидском заливе запланирована на начало 2005 г. В конце апреля поступило также сообщение, что «Тоталь» ведет переговоры с иранской стороной о подписании контракта на строительство в Иране предприятия по производству сжиженного газа. Данный контракт оценивается в 2 млрд. долларов.

Британская фирма «Премьер Ойл» с канадской «Боу Вэлли» заняты в проекте на шельфе Балал в Персидском заливе. Активизировались переговоры между французской компанией «Эльф Акитен» и Иранской национальной нефтяной компанией (ИННК) по проекту нефтяного месторождения Доруд на шельфе Персидского залива. Партнером французов выступает итальянская фирма «Аджип». Переговоры с ИННК ведут норвежская компания «Сага петролеум», французская «Газ де Франс», английская «Бритиш газ». Компания является оператором этих трех фаз, которые рассчитаны на освоение запасов общим объемом 650 млрд. кубометров газа. Добыча будет вестись на уровне 36,5 млрд. кубометров в год. Другая английская компания «Бритиш петролеум» открыла в Тегеране представительство.

Французская компания «Алькатель», которая считается вторым по значимости оператором связи в мире, создает в Иране сеть связи и оказывает Интернет-услуги.

Сотрудничество Ирана с западноевропейскими странами в области инвестиционной политики также имеет хорошие перспективы. Так, достигнута договоренность об открытии кредитных линий под иранские экспортные товары с Италией на 2,2 млрд. долл. В ФРГ для ИРИ действует специальная кредитная линия «Гермес». Британский инвестиционный банк предоставил кредит в 500 млн. долл. иранскому Банку содействия развитию экспорта, а также другим коммерческим банкам страны.

Усилия зарубежных компаний, в частности европейских, направленные на получение крупных контрактов, свидетельствуют о том, что в Иране безопасность инвестиций обеспечена на достаточно высоком уровне.

Активность европейского капитала в Иране – это показатель того, что европейцы не считают себя обязанными присоединяться к американскому эмбарго в отношении Ирана и прилагают максимум усилий к вложению своих капиталов в иранскую экономику.

2003 год был отмечен еще более тесным сближением ИРИ и ЕС. Летом Европейский союз вопреки «советам» США провел в Люксембурге заседание 15 государств на уровне министров иностранных дел, на котором было решено начать с Ираном переговоры по укреплению и дальнейшему развитию торговых и политических связей. Тегеран позитивно отреагировал на эту инициативу, заявив о готовности самостоятельно развивать отношения с ЕС, не обращая внимания на реакцию США, которые с упорством, достойным лучшего применения, пытаются окружить Иран «железным занавесом». США постоянно обвиняют Иран в стремлении совершенствовать оружие массового уничтожения, поддержке терроризма и так далее. Эти обвинения категорически отвергаются Тегераном, тем не менее они в значительной мере создают ему препятствия на пути развития связей с другими странами. Улучшение отношений с ЕС, играющим весомую роль в международных делах, помогает Ирану добиться существенного прорыва во всестороннем развитии связей с заграницей.

Можно предположить, что США и далее будут всячески мешать развитию отношений ИРИ с Европейским союзом (а также и с Россией). Но при современной расстановке сил в мире Иран заинтересован в самых тесных отношениях именно с ЕС и РФ. Однако при этом Тегеран не прочь «поиграть» с США, чтобы, несмотря на свой официальный антиамериканизм, получить определенные дивиденды. В условном треугольнике РФ – США – Западная Европа завязалась закулисная интрига.

Американцы в своей борьбе за изоляцию Тегерана в последние месяцы активно используют жупел иранской ядерной программы.

Стоит отметить, что ЕС развивает отношения с Тегераном не без определенных условий. Он связывает торговлю и сотрудничество с политическим диалогом, с прозрачностью иранской ядерной про-

граммы и с борьбой против терроризма. Европейский союз много сделал для того, чтобы убедить Иран согласиться с требованиями МАГАТЭ в ядерной сфере. В 2003 г. три основные страны ЕС – Франция, Великобритания и Германия – провели серию встреч с руководством Ирана. Они были достаточно плодотворны.

Так, в октябре состоялась встреча министров иностранных дел Франции, Германии и Великобритании с секретарем Высшего совета по национальной безопасности (ВСНБ) Ирана Хасаном Роухани.

Тогдашний министр иностранных дел Франции Доминик де Вильпен назвал эти встречи с иранским руководством важным шагом по пути установления доверия и создания прочных основ для дальнейшего развития отношений между ЕС и Ираном и расценил их как весьма полезные для Ирана, ЕС и всего мира и добавил: «Соглашение между Ираном и ЕС – прочный фундамент дальнейшего развития наших отношений. Европа уважает и чтит Иран, страну древней и богатой цивилизации и истории».

На этой встрече министр иностранных дел Великобритании Джек Струоу заявил: «Если бы у нас не было общих чаяний с иранским правительством, то мы не приехали бы в Тегеран. Мы решительно приветствуем новые решения правительства Исламской Республики Иран по открытости всей атомной деятельности этой страны, считаем, что решение атомных вопросов Ирана отвечает национальным интересам этой страны».

В свою очередь, секретарь Высшего совета по национальной безопасности Ирана, отметив важность диалога с министрами иностранных дел трех европейских стран в Тегеране, сказал: «Этот диалог и достигнутое в его ходе взаимопонимание говорят о том, что Иран и Европа могут играть ключевую роль в решении региональных и международных вопросов». Говоря о внешней политике Ирана в области разоружения, иранский руководитель подчеркнул: «Мы считаем, что попытки заполучить ОМУ подрывают мир и безопасность, дестабилизируют ситуацию в регионе и мире. Иран как инициатор идеи превращения региона в зону, свободную от ОМУ, уверен, что попытки получить оружие массового уничтожения, гонка вооружений в регионе приводят к дестабилизации ситуации в регионе».

Подчеркнув мирный характер иранской деятельности в ядерной сфере, секретарь ВСНБ сказал: «Если Иран и скрывал часть своей законной деятельности в атомной области, то это происходило в прошлом по причине незаконных санкций и их расширения против Ирана. У нас нет никаких проблем в деле увеличения открытости и доверия, это зависит только от уважения и обеспечения нашего права на использование мирных технологий». Он также сказал, что успешное выполнение соглашений между Ираном и Европой по атомным вопросам – прекрасный пример для решения остальных вопросов, имеющих место в отношениях между Ираном и Европой.

Здесь следует отметить, что по большому счету Иран сам дает козыри в «ядерной игре» в руки Белого дома. На протяжении года в Тегеране поддерживают атмосферу неопределенности вокруг своих атомных намерений. Иранцы открывают свою ядерную программу как бы нехотя, не спеша, можно сказать, шаг за шагом, внимательно следя за реакцией мирового сообщества. Даже подписав дополнительный протокол к Договору о нераспространении ядерного оружия, Иран продолжает нервировать международную общественность новыми ядерными планами. У аналитиков возникает вопрос: в чем причина такой непоследовательной (или целеустремленно последовательной?) политики Тегерана в ядерной сфере (например, решение о строительстве завода по производству урана в Исфагане)? Возможно, чтобы расширить поле для возможного дальнейшего торга, или же иранцы сами не знают, что им дальше делать? Второй вариант ответа, по мнению многих аналитиков, кажется более вероятным.

Такая позиция Тегерана в ядерной сфере вызывает явное недовольство Западной Европы. Министры иностранных дел Германии, Франции и Великобритании подвергли критике решение Ирана о строительстве завода по производству урана.

В целом, без сомнения, ядерная проблематика Ирана во многом будет определять позицию Объединенной Европы и отдельных ее стран в отношении ИРИ. В этом плане важную (если не первостепенную) роль играет МАГАТЭ как главный судья в долгом споре Тегерана с остальным миром по вопросу о степени милитаризации иранской ядерной программы. В марте-апреле специалисты МАГАТЭ инспектировали ядерные объекты ИРИ. В конце апреля в Иран прибыла новая группа инспекторов, которая будет заниматься проверкой достоверности объявленных иранских ядерных программ и получением ответов на поставленные МАГАТЭ перед иранским ядерным руководством вопросы. На предстоящем заседании Совета управляющих МАГАТЭ вновь будет рассматриваться «иранское атомное досье» и приниматься окончательное решение по вопросу ядерных программ и глубине сотрудничества Ирана с МАГАТЭ. Вне всякого сомнения, предстоящее решение МАГАТЭ повлияет на отношения Европейского союза с Ираном.

Но все же для Объединенной Европы гипотетическое иранское ядерное оружие – это, конечно, опасность, но вовсе не та угроза, которую нагнетают американцы. Как полагает большинство европейских государств, реальную угрозу для их интересов в Иране и в регионе может вызвать взрыв военно-политической обстановки на Ближнем и Среднем Востоке в случае любых односторонних действий США против Ирана, прежде всего, конечно, военной акции.

Так же как и по ядерной проблеме, ЕС более сдержано, чем США, относится к американским претензиям к ИРИ по поводу ее поддержки международных террористов. На вопрос, поддерживает ли Иран меж-

дународный терроризм, США отвечают утвердительно. В свою очередь, в Европе ссылаются на отсутствие соответствующих доказательств и подчеркивают важность сотрудничества в борьбе против терроризма, призывая Тегеран более активно действовать в этом направлении. Руководство Ирана упорно и постоянно напоминает об активной роли Тегерана в борьбе с террором (как пример приводится противодействие «Аль-Каиде» и движению «Талибан» в Афганистане). Свою же практически неоспариваемую связь с организацией «Хезболла» в Тегеране объясняют поддержкой освободительного движения «угнетенных мусульман», справедливо выступающих против израильской оккупации и «израильского государственного терроризма». Кстати, эти факты наглядно показывают, что различия в понимании и интерпретации таких терминов, как «международный терроризм» и «национально-освободительное движение», приводят не просто к схоластическим спорам, а к самым серьезным последствиям в практическом осуществлении политики. Поэтому еще и еще раз возникает настоятельная необходимость четкого юридического определения терминов «терроризм» и «международный терроризм». В связи с этим мировое сообщество в лице ООН должно как можно скорее законодательно принять документ, в котором этим опасным политическим явлениям давалось бы однозначное авторитетное юридическое определение, не позволяющее интерпретировать их в угоду узкополитическим интересам различных политических группировок или стран. Это позволило бы с достаточной точностью выявлять все случаи терроризма, более эффективно противодействовать ему и главное – избежать двойных стандартов в проведении всеобщей антитеррористической борьбы.

Возвращаясь к проблеме Иран – Европа, можно с полной уверенностью констатировать, что для Европы Иран не является враждебным государством, и с ним вполне можно сосуществовать при проведении соответствующей политики. Для многих же в США само существование Ирана в его нынешнем состоянии неприемлемо, и единственным выходом видится его трансформация.

Хотя и в Объединенной Европе желали бы большей либерализации шиитского режима в ИРИ. Именно поэтому негативную реакцию в ЕС вызвали итоги февральских парламентских выборов в Иране. Поражение реформаторов, то есть сторонников ослабления роли священнослужителей в политической и социально-экономической сфере, породило чувство разочарования в Европейском союзе, который, действуя в пике Соединенным Штатам, в последнее время приложил много сил, чтобы восстановить нормальные отношения с Ираном. Глава МИД Великобритании Джек Стро, который перед выборами побывал в Тегеране и провел там переговоры в надежде расчистить путь британским компаниям, желающим вложить капиталы в иранскую экономику, после выборов безапелляционно констатировал, что выборы «с самого начала были ущербными».

В опубликованном в Брюсселе заявлении глав МИД стран ЕС сказано, что выборы «нанесли удар по демократии в стране», в результате чего отношения Евросоюза с Тегераном могут оказаться под угрозой.

Однако, по всей вероятности, особых обострений в ирано-западноевропейских отношениях на почве итогов прошедших выборов не произошло и не произойдет. Об этом свидетельствуют и позитивные итоги многочисленных встреч, переговоров и бесед иранских высокопоставленных политиков со своими коллегами из стран ЕС, которые имели место в последнее время.

Состоявшийся в январе 2004 г. официальный визит в Иран верховного представителя ЕС по внешней политике и безопасности Хавьера Соланы дал мощный импульс развитию ирано-европейских отношений. Решение об этом визите было принято в ходе заседания лидеров стран-членов ЕС в Брюсселе в декабре 2003 г. В ходе этого важного для сторон визита Х.Солана обсудил с руководством Ирана возможности укрепления связей между этой страной и Европейским союзом. Х.Солана выразил надежду на то, что между Ираном и Европейским союзом установятся «прочные и крепкие отношения». «Для европейцев Иран является естественным партнером, с которым, надеюсь, у нас будут крепкие отношения», – заявил Х.Солана. Позитивную инерцию этого официального визита не смогли притормозить и парламентские выборы.

Уже после февральских парламентских выборов в Иране министр иностранных дел ИРИ Камаль Харрази посетил Италию, Бельгию, Ирландию, Францию, Великобританию. Как сообщает иранская сторона, встречи проходили в дружественной атмосфере.

Например, президент Франции Жак Ширак назвал Иран важным партнером Франции и высоко оценил атмосферу доверия ирано-французских отношений, способствующих укреплению региональной безопасности.

Премьер-министр Италии Сильвио Берлускони заявил, что Иран призван играть стабилизирующую роль в Ираке и во всем ближневосточном регионе. В отношениях ЕС – ИРИ итальянская позиция характеризуется «готовностью к конструктивному диалогу». Берлускони подтвердил намерение Италии способствовать сближению Ирана с Евросоюзом, в частности, в сфере торговых и экономических обменов. Премьер предложил кандидатуру Рима в качестве места проведения международной конференции доноров по Баму, иранскому городу, разрушенному недавним землетрясением. Берлускони также принял приглашение, переданное ему Харрази, посетить Иран с официальным визитом в текущем году.

Министр иностранных дел Италии Франко Фратини в ходе встречи с главой МИД Ирана заявил, что необходимо ускорить переговорный процесс между Ираном и ЕС по экономическим вопросам. По словам

итальянского министра, Иран и ЕС вышли на качественно новый уровень отношений. Он выразил надежду, что стороны используют весь имеющийся потенциал для достойного развития сотрудничества.

Позитивные оценки результатов поездки министра иностранных дел ИРИ были отмечены и в других европейских столицах.

В ходе визита Харрази в Европу были обсуждены проблемы иранских ядерных программ и ожидания Тегерана в этой области, в частности, перед заседанием Совета управляющих МАГАТЭ в Вене.

Как считают и в Тегеране, и в Брюсселе, достигнут прогресс в расширении торгово-экономического сотрудничества в рамках Иран – Евросоюз.

В последние дни апреля несколько омрачились ирано-германские отношения. Причиной послужило решение берлинских властей установить в районе Берлина – Шарлоттенбург памятную доску с именами четырех иранских курдов, которые были убиты в 1992 г. во время взрыва ресторана «Миконус». На доске написано: «Убитые правящим иранским режимом погибли за свободу и права человека».

Официальный Тегеран очень болезненно отреагировал на решение берлинских властей. Посол Германии в Иране Пауль фон Мальцан был вызван в иранское внешнеполитическое ведомство, где ему был выражен резкий протест. По некоторым данным, в Тегеране закрыт германский культурный центр, функционировавший с 1996 г.

Германия не стала усугублять ситуацию, и, как заявил в иранском МИД германский посол, «правительство Германии сожалеет об этом ошибочном шаге, который предпринят местными властями Берлина. Германия надеется на то, что случившееся не нанесет ущерба важному ирано-германскому сотрудничеству».

И, действительно, вряд ли данный казус сыграет разрушительную роль в ирано-германских отношениях. Выступая 15 апреля на конференции «Взаимоотношения и сотрудничество Ирана и Германии» посол ФРГ в ИРИ сказал: «Иран обладает огромным научно-техническим потенциалом, и сотрудничество по линии науки и образования между Ираном и Германией будет расширяться». Кроме того, посол отметил, что «согласившись на требования МАГАТЭ, выдвинутые во время визита министров иностранных дел трех активных членов ЕС – Великобритании, Германии и Франции – в июне 2003 г., Иран открыл дорогу для улучшения взаимоотношений с Европейским Союзом».

Таким образом, за последний год наблюдается активизация отношений между Ираном и Европейским союзом как единой структурой, а также явный прогресс в двусторонних связях Ирана со странами Западной Европы.

Отношения между ИРИ и ЕС базируются на взаимных экономических, а также, не в последнюю очередь, и политических интересах.

Иран, бюджет которого формируется в основном за счет валютных поступлений от экспорта сырой нефти, крайне нуждается в пере-

довых технологиях западноевропейских стран для форсированного развития несырьевых отраслей национальной экономики, что поможет ему освободиться от опасной нефтяной зависимости. Кроме того, Иран заинтересован в капиталовложениях в нефтеперерабатывающую и нефтехимическую отрасли, которые позволят экспортировать уже не сырье, а продукты его переработки. Немалое значение имеет и политический аспект. Укрепляя свои отношения с Европейским союзом, Иран все активнее выходит из изоляции. Его мировой авторитет растет прямо пропорционально успехам на «западноевропейском фронте».

Европейский союз также заинтересован в Иране и в экономическом, и в политическом плане. Как было отмечено выше, Иран обладает абсолютной геостратегической и экономической ценностью. В урегулировании практически всех сложнейших региональных проблем на Ближнем и Среднем Востоке (а если говорить об Ираке – то и глобальных проблем), участие ИРИ необходимо. Понятно, что ЕС не может упустить шанс решать эти проблемы в сотрудничестве с ИРИ, даже идя на риск конфронтации с США. Ведь успех совместных с Ираном действий, несомненно, повысит мировой рейтинг Евросоюза и усилит влияние европейцев в Западной Азии. Немаловажен и экономический фактор. Иран – огромный потенциальный рынок инвестиций и одновременно источник энергетического сырья. В Брюсселе и других столицах ЕС прекрасно осознают, что времени терять нельзя. Уже сегодня Иран – это поле конкурентной борьбы крупнейших финансово-экономических структур России, Японии, Китая, Южной Кореи, стран Юго-Восточной Азии, Южной Африки, Бразилии и так далее – до Австралии. Завтра ситуация обострится. Чтобы не быть аутсайдером в иранской конкурентной гонке надо уже сейчас готовить плацдармы для последующих бросков. В иранском контексте чрезвычайно актуально звучит поговорка: «Время – деньги».

Именно поэтому Объединенная Европа противопоставляет жестким методам США политику «мирной экспансии и диалога». Европа не поддается давлению Соединенных Штатов. Она за переговоры и торговые контакты с Ираном. В Европейском союзе понимают, что США, овладев энергетическими ресурсами Ближнего Востока (а Иран остается пока единственным неподконтрольным Вашингтону нефтегазовым источником в регионе), возьмут старый континент «за горло» и поставят его экономическое развитие в зависимость от желаний Соединенных Штатов. Поэтому повышение роли Объединенной Европы в нефтяных и газовых делах Ирана позволило бы европейцам создать противовес американскому доминированию практически во всем нефтеносном ареале Ближнего и Среднего Востока.

Конечно, нет никаких оснований говорить, что Европейский союз пойдет на серьезный конфликт с США из-за Ирана. Политика Брюсселя в отношении Тегерана осмотрительна и строится зачастую с учетом мнений Вашингтона. Но при этом вполне объективно можно

говорить о том, что Евросоюз решает в Иране свои задачи, руководствуясь прежде всего собственными интересами.

В итоге правомерно было бы упомянуть недавно сказанные Збигневом Бжезинским справедливые слова: «Соединенные Штаты стремятся изолировать Иран на мировой арене, однако мало чего достигли».

Информационные агентства: ИТАР-ТАСС; РИА Новости; Интерфакс; Regnum; Синьхуа; IRNA; Reuters; France Press (2003–2004 гг.).

Материалы радио «Голос России»; «Би-Би-Си»; «Немецкая волна» (2003 – 2004).

Информационные и аналитические интернет-сайты (2003 – 2004).

**К ИТОГАМ БЕРЛИНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
ПО АФГАНИСТАНУ**

31 марта – 1 апреля 2004 г. в жизни Афганистана произошло важное событие, в немалой степени способствующее повышению международного внимания к этой стране, – Берлинская международная конференция, посвященная широкому комплексу вопросов афганской проблематики. Средства массовой информации щедро освещали этот форум, не скупясь на теплые слова в адрес Переходной администрации Афганистана и ведущих доноров афганской реконструкции. В России эту конференцию рассматривают как важное мероприятие, нацеливающее международное сообщество на продвижение совместных усилий по развитию Боннского процесса, содействие становлению Афганистана в качестве мирного, независимого и нейтрального государства, свободного от терроризма и наркотиков, живущего в гармонии со своими соседями и остальным миром.

Вместе с тем некоторые нюансы и акценты, проявившиеся в Берлине, заставляют задуматься. Показательно, что большинство представителей западных государств старательно избегало упоминания слов «талибы» и «Аль-Каида», не говоря уже об угрозе с их стороны мирному процессу в Афганистане. Обязательства стран «восьмерки», будь то строительство афганской национальной армии (АНА) (США), создание полиции (Германия), борьба с наркоугрозой (Великобритания), восстановление органов юстиции (Италия), реализация программы разоружения, демобилизации и реинтеграции экс-комбатантов (РДР) (Япония), подавались исключительно через призму укрепления вертикали центральной власти и роста ее авторитета на местах. Согласно риторике участников конференции, основную угрозу этим процессам представляют «местные авторитеты» и подконтрольные им вооруженные формирования, причем главный камень, как откровенно давалось понять, бросался в адрес бывшего «Северного Альянса».

Примечателен упор, сделанный на программе РДР, под которой имеется в виду первоочередное разоружение военных структур «северян», при том что о разоружении многочисленных экстремистских бандформирований на юге речь пока не идет. В частности, в Берлине было объявлено, что завершить расформирование отрядов моджахедов планируется к июню 2005 г. (как откровенно давали понять в ку-

луарах афганские коллеги, в пропорции 7 бойцов на севере к 1 на юге). При этом имелось в виду, что военный вакуум будет заполнен т.н. провинциальными восстановительными командами (ПВК), общее число которых к концу этого года планируется довести с 15 до 22.

Такая постановка вопроса не может не тревожить на фоне роста претензий талибов и прочих экстремистов на власть под предлогом обеспечения этнического баланса в руководстве страны. Ведь не секрет, что пока создаваемая под международным патронажем Афганская национальная армия еще слишком слаба, чтобы самостоятельно противостоять внутренней и внешней угрозам. А талибы уже сейчас практически открыто хозяйничают на юге и юго-востоке страны, устанавливая в деревнях свои администрации и блокпосты на дорогах. К сожалению, слишком мало освещается тот факт, что экстремистские силы, по существу, окружают ряд таких важных южных и восточных городов, как Кандагар, Заболь, Асадабад и Хост, зато избыточно тиражируются сообщения о столкновениях на севере страны – в Герате и Меймене.

Все эти моменты нужно учитывать в анализе военно-политической обстановки в Афганистане и понимать, насколько хрупко относительное равновесие в этом государстве. Многие политические деятели в нашей стране любят сокрушаться по поводу того, что НАТО не только приблизилось к нашим западным границам, но и «угрожает южному подбрюшью СНГ». Однако все должны понимать, что на современном этапе наша задача – не противостоять американцам в Афганистане, а побуждать их к совместной работе во имя общей цели – устранения тех причин, по которым была начата антитеррористическая операция в этой стране, предупреждать их о возможных ошибках, основываясь на собственном прошлом афганском опыте. Главное для нас – не допустить развития ситуации в Афганистане за рамки нынешней относительной стабильности, с возвращением к хаосу и анархии начала 90-х годов, что, несомненно, нанесло бы куда больший удар интересам национальной безопасности России, чем присутствие американцев в регионе.

Россия в последнее время всерьез озабочена нарастанием подрывной активности перегруппировавшихся талибов и международных террористов, добивающихся реванша. Прежде всего тревожит обстановка в афгано-пакистанском приграничье, где интенсивность действий антиправительственных сил особенно высока. Деструктивные элементы широко используют для расширения своей политической опоры среди населения нынешнюю волну антиамериканских настроений и объективные трудности Переходной администрации. В этих условиях особую значимость приобретает обеспечение действенных гарантий невмешательства во внутренние дела суверенного Афганистана, неукоснительное соблюдение Декларации о добрососедстве 2002 г., о чем говорили многие участники Берлинского форума.

Известно, что Россия выступает за соблюдение этнического баланса во всех эшелонах власти, считая его достижение главным итогом Боннского соглашения, реальным фундаментом будущего демократического общества в Афганистане. Эта идея, безусловно, отвечает интересам национального примирения в Афганистане, способствует скорейшему установлению мира и согласия. Но эта постановка вопроса, конечно, не должна означать немедленной раздачи постов руководителям ДТ под предлогом обеспечения большего пуштунского представительства в государственном аппарате. И уж тем более, вчерашние попутчики террористического движения не должны вытеснять за рамки власти тех, кто действительно доказал свою способность отстаивать интересы афганского народа.

Берлин еще раз наглядно продемонстрировал, что в настоящее время у пользующегося серьезной поддержкой международного сообщества Х.Карзая нет реального соперника в борьбе за президентское кресло. Главный вопрос, который остается на повестке дня – возможность провести президентские выборы в сентябре 2004 г. и совместить их с парламентскими, как это было объявлено афганской стороной на конференции. Ведь не секрет, что интересам поддержания общей стабильности в Афганистане отвечает одновременное с избранием президента создание нового демократического института в стране – законодательного собрания. Это решение афганского руководства, озвученное в Берлине, заслуживает одобрения и поддержки. Необходимо лишить всяких шансов на интервенцию во власть тех, кто активно саботирует Боннский процесс и под разными искусственными предлогами пытается противодействовать позитивным переменам в афганском обществе. Именно одновременные выборы способны эффективно обеспечить необходимое доверие новой власти и необратимость нынешних преобразований в стране.

На Берлинской конференции в целом получил поддержку призыв к созданию антинаркотических «поясов безопасности» по периметру границ Афганистана, и его соседи подписали декларацию о борьбе с незаконным оборотом наркотиков. Вместе с тем до сих пор нет полной ясности относительно параметров реализации этой концепции. Вероятно, другим соседям было бы полезно использовать российский опыт охраны таджикско-афганской границы.

Особняком стоит тема экономического содействия Афганистану. Как известно, главный итог Берлинской конференции – объявление суммарного взноса международного сообщества на реконструкцию афганской экономики в размере 8,5 млрд. долл. на ближайшие три года. А что Россия? В свое время было сказано достаточно слов о необходимости более широкого российского участия в восстановлении хозяйственных и инфраструктурных объектов на территории Афганистана. Однако не секрет, что до сих пор такое участие было практически невозможно из-за нерешенности доставшегося нам по

наследству от Советского Союза вопроса о государственном долге Афганистана. Сейчас долговая проблема остро стоит на повестке дня, так как всерьез мешает нам наладить реальное донорское содействие, которое Москва может и должна оказывать Афганистану как полноправный член финансовой «восьмерки». Одним из важных итогов Берлина стали состоявшиеся контакты по линии министерств финансов двух стран. По их итогам сделан важный шаг вперед – диалог перешел из политической области в финансовую. Афганистан больше не требует полного списания долга, с пониманием относясь к тому, что Россия не может пойти на более мягкие, чем это принято в Парижском клубе, условия реструктуризации задолженности, так как это может негативно сказаться на аналогичных переговорах с другими дебиторами.

Скорейшее решение долговой проблемы послужит укреплению нашего авторитета в этой стране, пошатнувшегося ввиду определенного бездействия наших экономических структур в Афганистане на фоне впечатляющей активности развитых стран.

После выверки межгосударственных расчетов и проведения процедуры списания большей части афганского госдолга оставшиеся после применения всех скидок и реструктуризации задолженности средства можно было бы обратить в российские инвестиции на восстановление экономики этой страны, финансирование российских компаний, занимающихся реконструкцией жизненно важных промышленных и сельскохозяйственных объектов в Афганистане. А таких компаний немало – это и крупные государственные структуры, такие как «Роснефть» и «Машиноимпорт», и частные, как, например, «Итера-Холдинг». Российские фирмы способны эффективно работать на объектах нефтегазовой сферы, энергетики, в строительстве жилья, восстановлении промышленности, сельского хозяйства, ирригации. Особый интерес представляют нефтяные и газовые промыслы на севере страны, которые могут дать реальную и быструю отдачу для национального бюджета Афганистана. Причем это – пока единственный сектор афганской экономики, куда реально привлечь российские частные средства. Весьма многообещающим видится сотрудничество России в разработке медного рудника «Айнак» к юго-западу от Кабула и других месторождений полезных ископаемых, информацией о которых в изобилии обладают российские геологические организации. Немалая роль в развитии взаимовыгодного торгово-экономического сотрудничества и налаживании двусторонних хозяйственных связей может принадлежать афганской диаспоре. В России, по различным данным, проживает порядка 150 тыс. афганцев, которые преимущественно занимаются мелким бизнесом. Деловая активность этих людей в торговле между нашими странами способна стать одним из важнейших двигателей развития Афганистана.

Не последнее место в двусторонних связях имеет военнотехническая помощь Афганистану, которая оказывается по линии Министерства обороны России, несмотря ни на какие долговые и организационные трудности. На нужды новых вооруженных сил Афганистана безвозмездно поставляются средства связи, автомобили, мастерские по ремонту боевой техники, вещевое имущество, учебные пособия, различные запчасти. В настоящее время афганской стороне отремонтировано и передано несколько вертолетов и самолетов, которые составляют всю армейскую авиацию этой страны. Общая сумма наших поставок в настоящее время составляет порядка 78 млн. долл., а это – серьезный вклад в обеспечение обороноспособности афганского государства.

Важен еще один существенный момент. Пока Афганистан входит в безусловные приоритеты мировой политики, пользуется особым вниманием руководства ведущих государств и международной общестственности, есть надежда на то, что там не повторятся хаос и анархия начала 90-х годов, приведшие к власти обскурантистский режим талибов. Здесь уместно вспомнить о годах сопротивления здоровых сил афганского народа этому террористическому движению. Тогда Россия была в числе немногих, кто на весь мир говорил о реальной опасности международного террористического интернационала, оккупировавшего эту страну.

Настали новые времена, Афганистан делает первые шаги на пути преодоления наслоений трагического прошлого к национальному примирению, восстановлению государственности. России тоже далеко не безразлично, как сложатся судьбы этой страны в ближайшие годы. Поэтому они намерены делать все от нее зависящее, чтобы не допустить прежних ошибок, повторного скатывания Афганистана к кровавой междоусобной войне.

АФГАНСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В ЕВРОПЕ И США

Вопрос о судьбах афганской эмиграции в мире и на Западе, в частности, после создания переходного правительства во главе с Х.Карзаем, куда вошел и определенный круг эмигрантов, сегодня может представлять интерес главным образом с точки зрения того, какие силы из числа интеллектуально-политической элиты могут еще претендовать на вхождение в будущие органы власти.

Интерес к «западной» афганской эмиграции в первую очередь обусловлен тем, что основная масса политической, культурной и торговой элиты в силу разных причин, оказалась сконцентрированной в государствах Европы и США.

Что же представляет собой нынешняя афганская диаспора на Западе? Это – конгломерат самых различных политических, этнорелигиозных и социальных сил, образовавшийся в результате нескольких миграционных потоков: первый – начался после антимонархического переворота 1973 г., возглавленного М.Даудом; второй – наиболее мощный, возник после апрельского 1978 г. государственного переворота, возглавленного НДПА; третий – связан с падением в апреле 1992 г. режима М.Наджибуллы и приходом к власти лидеров моджахедов; и, наконец, последний поток миграции был вызван в 1994 г. эскалацией витка боевых действий между движением «Талибан» и «Северным альянсом» и продолжался до конца 2001 г.

Надо отметить, что каждый поток миграции имел на себе отпечаток той политической и социальной среды, в которой жили и работали будущие эмигранты.

Так, после свержения короля Мухаммада Захир-шаха страну покинули его ближайшие родственники и окружение, государственные чиновники высокого и среднего ранга, богатые предприниматели (типа М.Нашера, президента хлопковой компании «Спинзар»), представители интеллигенции, поддерживавшие королевскую династию.

Эта категория эмигрантов в силу своих традиционных связей с Западом (обучение в вузах, торговое партнерство, браки на иностранных землях) в основном направилась в страны Европы и США.

Второй поток миграции был вызван приходом к власти «коммунистического правительства» – Народно-демократической партии Афганистана, началом репрессий и гражданской войны, особенно усилившихся после ввода советских войск в Афганистан. На этот раз

страну покинули не только представители крупной буржуазии, интеллигенции, духовенства, племенные вожди и госчиновники, но и большая масса городского и сельского населения.

Третья волна миграции пришлась по времени на апрель 1992 г., когда после 14 лет войны пал режим последнего «коммунистического» президента Наджибуллы. На этот раз основную массу мигрантов составляли руководящие партийные функционеры НДПА – «Ватан», рядовые члены партии и их родственники, короче, все те, кто опасался расправы муджахедов.

Наконец, последний поток миграции наблюдался в 1994–1996 гг. в связи с обострением борьбы между движением «Талибан» и «Северным альянсом». Процесс исламизации, который вели талибы на захваченных ими территориях, сопровождавшийся при этом жестокими репрессиями, особенно в отношении непешунского населения, также вынудил значительную часть городских и сельских жителей северных, северо-восточных и западных районов покинуть родину.

Анализируя сегодняшнюю ситуацию в западной диаспоре, следует отметить одну ее особенность. Афганская диаспора на Западе была наиболее активной в политическом и культурном плане. Именно на Западе обосновался весь цвет афганского общества, некогда составлявший истеблишмент власти прежних режимов.

Не будет преувеличением отметить и то, что из нынешних политических эмигрантов на Западе можно было бы составить не один кабинет министров. Для иллюстрации сказанного назовем некоторые известные имена.

Например, в США проживают бывшие королевские министры Али Ахмад Попал, Сайид Шамсуддин Маджрух, Мухаммад Насер Кешаварз, Сабахуддин, Кушкаки, бывший премьер-министр при президенте Наджибулле Мухаммад Хасан Шарк (1988 г.). В Германии обосновались Абдуссатар Сират – министр без портфеля в правительстве М.Дауда, Салеха Фарук Эттемади – министр социального обеспечения при президенте Наджибулле, Сулейман Лаик – член Политбюро НДПА и в разные годы министр по телерадиовещанию (1978 г.) и по делам национальностей (1980).

В Швейцарию уехали бывший премьер-министр при Наджибулле Фазльульхак Халекийар (1990 г.) и последний министр иностранных дел ДРА Абдул Вакиль. В Нидерландах, по информации эмигрантской газеты «Аль-Бадр» собралась почти вся верхушка НДПА – партии «Ватан», в том числе такие партийные функционеры, как Нур Ахмад Нур, Барек Шафии, Карим Мисак, Асадулла Кештманд, генерал Хисамуддин Хисам¹.

Прошедшие годы (1973–2002) показали, что бывшие высокопоставленные чиновники не желали мириться с участью эмигрантов и постоянно вынашивали планы возвращения во власть.

Находясь в эмиграции, они время от времени объявляли о создании так называемых «правительств в изгнании». Для примера

приведем состав одного из таких правительств, опубликованный эмигрантской газетой «Муджахед вулус»: Абдуссамад Хамед, Али Ахмад Попал, Сайид Шамсуддин Маджрух, А.Г.Раван Фархади, Азизулла Васефи, Абдулла Малекйар, Мухаммад Хасан Вулусмаль².

На западе действовали многочисленные афганские политические партии, движения и группировки, каждая из которых старалась выпускать собственные печатные издания, через которые они вели пропаганду своих идейно-политических установок, стремясь привлечь как можно большее число сторонников. Среди таких организаций можно назвать «Движение за национальное единство Афганистана» (США), «Афганскую социал-демократическую партию» (США), «Движение афганских националистов», «Афганское национальное сопротивление» (Норвегия), «Центр афганцев» (США), «Общество просветителей Афганистана» (ФРГ), «Общество примирения и национально-го единства» и много других.

Наиболее известными на Западе и влиятельными в диаспоре были три политических центра эмиграции: в Риме, Вашингтоне и Бонне. Именно там концентрировались наиболее активные в политическом плане эмигранты, некоторые из них впоследствии вошли в состав переходного правительства Х.Карзая.

До боннской конференции (декабрь 2001 г.) особенно активным был римский центр, где под эгидой бывшего монарха собиравались представители эмигрантской элиты, рассчитывающие на участие в будущих постталибских органах власти. Для иллюстрации назовем имена некоторых из них: Хамид Карзай, Хедаят Амин Ареала, Исхак Надери, генерал Рахим Вардак, Исхак Шахрияр, Анвархакк Ахади, Расул Амин, Шахбаз Ахмадзай, Сайид Махдум Рахин, Касем Фазели, Рахим Ширзай, Шариф Насер-заде, Рахматулла Мусса Гази, Абдулхалек Фарахи, Залмай Расул, Аманулла Пачахан Дзадран, Абдул Карим Махдум, Мухаммад Амин Фарханг, Юсуф Нуристанни, Башир Ахмад Зикрийа и др.

В числе активных участников политической жизни были и женщины: Азиза Васефи, Рона Юсуф Мансури, Фатема Гилани, Салеха Фарук Эттемади, Шафика Зияй, Халина Малекйар и др.

В целом политическая колода была ограниченной, в чем нетрудно убедиться, обратившись к составу нынешней временной администрации, по существу, представляющей компромисс между теми, кто выступал сторонниками Мухаммада Захир-шаха, и лидерами военно-политических группировок, составлявших «Северный альянс».

Разумеется, в пределах группы, которую мы условно называем «промонархической», были и более мелкие группировки, которые имели своих лидеров и стремились протолкнуть в состав будущих властных органов как можно больше «своих» людей. Так, среди сторонников бывшего монарха наиболее активными были Абдуссамад Сират, претендовавший на роль главы правительства; Сайид Ахмад Гилани – конфидент бывшего монарха; сам Хамид Карзай.

Точно также лидеры «Северного альянса», формально отошедшие от власти, но по-прежнему сохраняющие большое влияние на внутривнутриполитическую ситуацию, такие как бывший президент Б.Раббани, С.Моджаддиди, А.Р.Сайаф, А.Р.Дустум, стремились поставить своих сторонников, в том числе и из числа эмигрантов, на ключевые посты в переходном правительстве. Единственным из числа лидеров муджахедов, кто на Боннской конференции оказался выключенным из борьбы за власть, был Г.Хекматъяр и его окружение.

Итак, кто же из эмигрантской элиты вошел в состав переходного правительства? Назовем некоторые имена. Например, из числа сторонников экс-короля министерские посты получили профессор Ашраф Гани Ахмадзай (министр финансов), сын одного из вождей пуштунского племени ахмадзаев, высшее образование получил в США, где жил более 20 лет, женат на американке; инженер Джума Мухаммад Мухаммади (министр горных дел и промышленности), в 1976 г. был министром водных ресурсов и энергетики в правительстве М.Дауда, учился в США, где проживал до назначения его министром в кабинет Х.Карзая; Залмай Расул – советник по национальной безопасности; Анвархакк Ахади – председатель центрального «Ды Афганистан банка», зять С.А.Гилани и лидер одной из фракций партии «Афган миллат».

Из числа эмигрантов – сторонников «Северного альянса» в состав кабинета, в частности, вошли: Сайид Махдум Рахин – министр информации и культуры; Мухаммад Амин Фарханг – министр по делам восстановления страны.

Большинство же постов заняли или бывшие лидеры джихада или их ставленники. Чтобы убедиться в этом, укажем на некоторых из них: министр обороны М.Касим Фахим, министр иностранных дел Абдулла Абдулла («Исламское общество Афганистана» – лидер Б.Раббани); заместитель Х.Карзая Мухаммад Карим Халили и Хаджи Мухаккак – министр планирования (оба из партии «Исламское единство Афганистана» – один из лидеров М.К.Халили); министр земледелия Сайид Хусейн Анвари («Движение исламской революции Афганистана» – лидер Мухаммад Наби Мухаммади); министр транспорта – Сайид Мухаммад Али Джавид («Исламское движение Афганистана» – лидер Мухаммад Асеф Мохсени); министр легкой промышленности Мухаммад Алям Разм («Национальное исламское движение Афганистана» – лидер А.Р. Дустум).

Возвращаясь к поставленному выше вопросу о перспективах интеллектуально-политической элиты, до сих пор остающейся в эмиграции, на участие в будущих властных структурах, следует учитывать следующие обстоятельства.

1. Большинство из эмигрантов первой и второй волн – люди преклонного возраста и вряд ли могут активно участвовать в политической жизни страны. Например, возраст известных в свое время поли-

тических деятелей, занимавших при короле или президенте М. Дауде министерские посты – таких как Абдул Каюм (1919 г. р.), Абдул Маджид (1914 г. р.), А.Г.Раван Фархади (1929 г. р.), Гулам Али Айин (1923 г. р.), Сайид Шамсуддин Маджрух (1904 г. р.), Мухаммад Хасан Шарк (1925 г. р.), Али Ахмад Попал (1917 г. р.), – давно перевалил за рубеж 70. Заметим, что и многие эмигранты, вошедшие в состав нынешнего правительства, – также немолодые люди. Так, заместителю Х.Карзая Ниматулле Шахрани – 64 г., другому заместителю Хедаяту Амину Ареала – 64; министру горных дел и промышленности Джума Мухаммаду Мухаммади – 66, М.Амину Фархангу – министру по делам восстановления страны – 65; а министру информации и культуры – Сайиду Махдуму Рахину – 57.

2. Большинство эмигрантов, особенно те, кто проживает на Западе по 20–30 лет, – люди весьма состоятельные. Многие, успевшие вывезти свои капиталы, открыли магазины, рестораны, казино и т.п. Так, в числе наиболее состоятельных эмигрантов журнал «Айнейи Афганистан» называл имена Хасана Нури, Азизуллы Васефи, Нура Делавари, Хамида Карзая³. Тот же журнал сообщал, также о том, что, например, уже упоминавшийся выше Хасан Шарк содержит магазин в США и недавно породнился с одним из богатейших афганских купцов Кари Аманом – владельцем известного супермаркета в Кабуле; а сын Абдушукура Решада, бывшего при талибах зам. президента академии «Пушту Толына», доктор Хамид Решад даже открыл собственную клинику в Японии. И подобных примеров немало. Такие люди, вряд ли вернутся в беспокойный Афганистан, не будучи уверенными в собственной безопасности и сохранности своих капиталов.

3. За бортом политической жизни по-прежнему остаются «коммунисты» – бывшие руководители и члены «Народно-демократической партии, кстати, наиболее молодые по возрасту среди других эмигрантов. Несмотря на то, что в новой конституции Афганистана декларируется право граждан на создание политических партий, «коммунисты» явно не подпадают под действие этой статьи, поскольку одним из условий создания партий является соответствие их программы «Священной религии ислама».

4. Оказались исключенными из участия во властных структурах и сторонники Г.Хекматьяра, которые еще до боннской конференции 2001 г. провели на о. Кипр встречу и создали так называемую «Кипрскую группу», куда входили, например, Хомаюн Джарир (зять Г.Хекматьяра), Сайид Исхак Гилани, Азизулла Шамс, Ихсанулла Майар, Азизулла Лодин и др., однако так и не были допущены в Бонн к дележу министерских портфелей.

5. По-прежнему в оппозиции правительству Х.Карзая остается значительная часть эмигрантов – этнических пуштунов. Особой активностью среди них отличаются идеологи пуштунских националистов, такие как Мухаммад Осман Рустар Тараки, Сайид Халилулла

Хашемиан, Хасан Какар, Сайид Абдулла Казем, Рахматраби Зиракйар, Абдуррасул Амин, Мухаммад Хасан Вулусмаль, которые через собственные или сочувствующие им печатные издания («Айиней Афганистан», «Муджахед вулус», «Даават» и др.) утверждали, что после разгрома талибов власть перешла в руки «Северного альянса», якобы узурпировавшего законные права пуштунского большинства.

Так, в одном из интервью, данных газете «Даават» в конце 2002 г., М.Осман Рустар Тараки от имени своих единомышленников заявил, что они не признают легитимность ни боннских соглашений, ни Лоя Джирги, поскольку рассматривают их как обман и вмешательство во внутренние дела Афганистана, и следовательно, не считают легитимным и правительство Х.Карзая, созданное на «фальшивой» Лоя Джирге⁴.

Завершая тему потенциальных политических возможностей афганской эмиграции на Западе, следует сказать следующее. После бурной и долгой дискуссии на Лоя Джирге в Кабуле была принята новая 2003 г. Конституция Афганистана, в основном сохранившая демократические принципы королевской Конституции 1964 г. и несколько расширившая права национальных меньшинств. В целом оценивая значение нового Основного закона, следует отметить его главное достижение – Конституция зафиксировала победу «унитаристов» над «федералистами» и сохранила сильную президентскую власть и унитарный характер афганского государства.

Вместе с тем сказанное отнюдь не дает повода считать, что с принятием Конституции битва на афганском политическом поле завершена. Основной закон страны пока что зафиксирован лишь на бумаге, чтобы его положения воплощались в реальность центральной власти, нужны сильные рычаги воздействия на лидеров военно-политических группировок времен «джихада» и на полевых командиров, которые по-прежнему обладают военной силой и реальной властью на местах и сохраняют свои позиции на политической арене. Поэтому основная борьба между различными политическими силами развернется на президентских выборах. Именно эти выборы должны окончательно определить и закрепить расстановку сил на ближайшее будущее. Главный вопрос: останутся ли во власти оппозиционно настроенные Х.Карзаю сторонники лидеров джихада, особенно из числа входящих в «Северный альянс», или в случае победы Х.Карзая на президентских выборах ряды его сторонников в органах власти пополнятся за счет лояльных ему представителей эмигрантской интеллигентно-политической элиты, ожидающей своего «звездного часа», находясь на Западе.

¹ Аль-Бадр, 31.10.1997.

² Муджахед вулус, 1996, № 225 (май), № 228 (август).

³ Айиней Афганистан, № 84, март 2001, с. 5.

⁴ Даават, № 144–145, декабрь 2002.

ПАКИСТАН И ЗАПАДНЫЕ СТРАНЫ

Отношения между Пакистаном и Западом имеют длительную и сложную историю. После образования в 1947 г. независимого Пакистана они были вписаны в контекст блокового противостояния в рамках «холодной войны». Кроме налаживания долгосрочных политических отношений с Западом Пакистан предусматривал активизацию торгово-экономических связей с западными державами и в особенности с США. По мнению ученых Пакистана, как во время холодной войны, так и после нее отношения Пакистана с Западом, и в первую очередь с США, «то поднимались, то опускались до неоправданно низкого уровня, были то излишне жаркими, то излишне холодными», в лучшем случае оставаясь «тактическими, а не стратегическими»¹.

Западный блок во главе с Соединенными Штатами первоначально стремился сделать своим союзником в Южной Азии Индию, однако она не приняла формы блоковых отношений и встала на позиции неприсоединения. Пакистан же развивал свои отношения с Западом по совершенно противоположному пути.

Активный поиск внешних союзников, особенно таких могущественных, как США, был в прямом смысле жизненно важен для молодого государства, сам факт образования и существования которого вызывал сомнения его соседей. Довольно размытые и неустоявшиеся в то время государственные границы как с Индией, так и с Афганистаном обостряли отношения Пакистана с соседями. Поэтому стремление «иметь друзей, могущественных друзей, заинтересованных в безопасности Пакистана», на многие годы сделалось ведущим принципом внешней политики этого государства².

Первоначально Пакистан ориентировался на Великобританию и Содружество, что объяснимо историческим английским влиянием в экономике, государственном аппарате, прочными связями пакистанской элиты с британскими правящими кругами, членством Пакистана в Содружестве наций. К тому же в конце 40-х годов мощнейшая держава США была отвлечена событиями на Дальнем Востоке и в Китае и не уделяла первоначально должного внимания Южной Азии.

Однако Англия, серьезно ослабленная после второй мировой войны, была не в состоянии предоставить Пакистану значительную экономическую и военную помощь, в которой молодое государство крайне нуждалось. Кроме того, она не собиралась терять свои пози-

ции в Индии и не намерена была занимать одностороннюю пропакистанскую позицию в Южной Азии. Это породило рост антианглийских настроений среди правящей элиты Пакистана³.

С начала 50-х годов Карачи всё больше во внешней политике ориентируется на США. В 1950 г. состоялся государственный визит премьер-министра Пакистана Лиакат Али Хана в США, который окончательно продемонстрировал намерения Пакистана к сближению с Америкой и обозначил приоритетное направление его внешней политики. США также с готовностью сделали ставку на Пакистан, однако, обе стороны преследовали при этом разные цели: США стремились подключить Пакистан к своей мировой антикоммунистической деятельности, а последний надеялся прежде всего на американскую помощь в противостоянии с Индией.

Особенностью пакистано-американских отношений является то, что они всегда определялись и находились в зависимости от международной обстановки и от ситуации в регионе, поэтому было бы ошибкой говорить о каком-то последовательном стратегическом партнерстве этих стран. Скорее эти отношения носили тактический характер и претерпевали изменения в зависимости от необходимости и внешнеполитической конъюнктуры.

Волнообразный характер отношений проявился в том, что интенсивное развитие связей в 50-е годы, когда был заключен ряд военных соглашений, в частности «О взаимной помощи в целях обороны» (1954 г.), и Пакистан вступил в созданные западными странами блоки СЕНТО и СЕАТО, привело к тому, что военная и экономическая помощь США Пакистану существенно возросла. Активно развивалось сотрудничество и в технической сфере.

Однако уже в 60-е и 70-е годы противоречия и разногласия, проявившиеся, в частности, в ходе вооруженных индо-пакистанских конфликтов 1965 г. и 1971 г., а также по вопросу пакистанской ядерной программы, привели к тому, что США приостановили оказание экономической помощи Пакистану и настояли на отсрочке выделения Пакистану средств со стороны государств Запада и международно-валютных учреждений, а вскоре ввели эмбарго и на поставки оружия.

Помимо сказанного выше, Вашингтон раздражали внешнеполитические акции Пакистана, направленные на укрепление своей самостоятельности. Исламабад же, в свою очередь, не устраивало внимание, которое США уделяли Индии.

Разумеется, Пакистан по-прежнему занимал важное место в системе приоритетов американской внешней политики в регионе как член СЕНТО, союзник Китая и как противовес Индии. Однако в целом 70-е годы характеризуются посредственным уровнем развития пакистано-американских отношений. Хотя США оставались основным экономическим партнером Пакистана, продолжалось уменьшение доли американской помощи в общем объеме иностранных по-

ступлений⁴. В целом на протяжении почти всего десятилетия США снижали объем и уровень сотрудничества с Исламабадом.

В это время правительство З.А.Бхутто проводило курс на диверсификацию внешнеполитических и внешнеэкономических связей со странами Запада. Получили дальнейшее развитие отношения Пакистана со странами Западной Европы, Канадой, Австралией и др. Характерным было активное расширение связей между Пакистаном и Францией практически во всех сферах, особенно в политической, военной и экономической. Активный обмен визитами как на государственном уровне, так и на уровне предпринимательских контактов принес немало выгод Исламабаду. Особенно важное значение для Пакистана имело сотрудничество с Францией в области осуществления ядерной программы. Ядерные проекты Пакистана и Франции вызвали крайнее недовольство США. Так, пакистано-французское соглашение 1976 г. о строительстве в Пакистане предприятия по обогащению урана было заключено в обход США и под их давлением было расторгнуто в 1978 г.

Несмотря на выход в 1972 г. из Содружества наций, Пакистан продолжал развивать разносторонние отношения и с Великобританией. Оставаясь одним из ведущих торгово-экономических партнеров Пакистана, Англия в 70-е годы несколько снизила свое влияние в Пакистане.

Пакистан расширял также военные связи с западными странами. В эти годы он закупал оружие в Англии, ФРГ, Италии, Франции. Это несколько ослабляло его зависимость от США. Так же действовало расширение разностороннего сотрудничества Пакистана с развивающимися и социалистическими странами. З.А.Бхутто совершил два визита в СССР (1972 г. и 1974 г.)

Однако с 1979 г. после ввода советских войск в Афганистан Пакистан вновь становится важнейшим партнером США. В 1980 г. Вашингтон, отбросив свою неуступчивость по защите режима ядерного нераспространения, снял введенное в 1979 г. эмбарго на поставки вооружения и поддержал просьбу Пакистана о льготах на погашение внешней задолженности и новых займах и субсидиях. Несмотря на то, что ядерные разработки велись в Пакистане и в 80-е годы, и уже тогда имелись веские подозрения о двойном характере пакистанской ядерной программы, в то время Вашингтон закрывал на это глаза. Тогда позиция Пакистана по Афганистану была важнее, чем проблема ядерного нераспространения. Исламабад же, в свою очередь, не упускал своего шанса и наращивал, пользуясь моментом, темпы ядерной программы. И хотя американцы не раз высказывались, что им все сложнее «прикрывать» ядерные разработки в Пакистане, тем не менее политическая обстановка в регионе в связи с афганскими событиями вынуждала Вашингтон не раз заявлять, что «опасения относительно ядерной программы Пакистана явно преувеличены»⁵.

В сентябре 1981 г. США и Пакистан подписали соглашение об американской военно-экономической помощи на сумму в 3,2 млрд. долл., договорившись о заключении в будущем еще одного аналогичного договора⁶. На всех этапах афганского конфликта Исламабад координировал свою политику с Вашингтоном. Вслед за США Пакистану шли большие средства из других западных стран и международных финансово-экономических организаций.

В связи с событиями в Афганистане активизировалось англопакистанское сотрудничество в политической и военной сферах. В 1989 г. Пакистан был восстановлен в Содружестве наций.

После вывода советских войск из Афганистана в 1989 г. приоритетными направлениями политики США в Южной Азии стали сдерживание Дели и Исламабада в их «ядерной гонке» и недопущение разгорания пакистано-индийского конфликта, предупреждение и прекращение вооруженных столкновений (1990 г. и 1999 г.). С конца 80-х годов отношение США к Пакистану вновь ужесточилось. В 1990 г. на основании так называемой «поправки Пресслера» Вашингтон резко ограничил с Пакистаном связи, особенно военные.

В начале 90-х годов из-за предполагаемого Вашингтоном военного характера ядерной программы Пакистана ему была приостановлена американская помощь, а в 1993 г. США ввели торгово-экономические санкции. Лишь позже их военные и торговые отношения несколько активизировались, но после пакистанских ядерных испытаний 1998 г. и военного переворота 1999 г. санкции были вновь ужесточены.

Одной из основных задач внешней политики новой администрации генерала П.Мушаррафа было провозглашено стремление, с одной стороны, закрепить за Пакистаном статус ядерного государства, а с другой, – выйти из международной изоляции, в которой страна оказалась в результате появления у нее ядерного оружия и происшедшего военного переворота. Как и прежде, развитие политических, экономических и военных связей с западными странами, и в первую очередь с США, для достижения вышеуказанных целей было крайне важно для Исламабада. К традиционным, занимающим центральное место в диалоге между Пакистаном и США вопросам пакистано-индийского противостояния и ядерного нераспространения добавились еще афганский вопрос и связанная с ним проблема международного терроризма.

Развитие Индией и Пакистаном ядерных программ поставило перед Вашингтоном ряд проблем, в частности: возможно ли использование ядерного оружия в пакистано-индийском конфликте; какова будет роль ядерного оружия в южноазиатском регионе; будут ли переданы ядерные технологии третьим странам, особенно странам Ближнего Востока. США не раз обсуждали эти вопросы с Пакистаном и Индией. Вашингтон также играл важную роль в урегулировании пакистано-индийских конфликтов в Кашмире в 1990 и 1999 гг.

Появление в Афганистане «Движения Талибан» в середине 90-х годов вызвало довольно положительное отношение официального Вашингтона к этому движению и стоящему за его спиной Пакистану. Американские власти возлагали на талибов большие надежды, полагая, что те наведут в Афганистане порядок и прекратят гражданскую войну. По словам представителя Госдепартамента, США не видели «ничего, что могло бы мешать талибам захватывать все новые и новые территории и вводить там законы ислама»⁷. Американцев, естественно, в подобной ситуации не смущала поддержка, которую оказывали пакистанские спецслужбы талибам. Однако к концу 90-х годов с приходом новой администрации президента США Б.Клинтона (1996) Вашингтон стал придерживаться линии, направленной на расширение связей и с Индией, и с Пакистаном, но при более благоприятном отношении к Нью-Дели. Исламабад настороженно воспринял такой курс Вашингтона.

В это время и американцы уже изменили свое прежнее благожелательное отношение к талибам, поскольку те предоставили полную свободу действий на своей территории Усама бен Ладену и его террористической организации «Аль-Каида», которая провела несколько терактов против США по всему миру. Вашингтон требовал от Пакистана «надавить» на талибов, чтобы те остановили «Аль-Каиду» и удалили из Афганистана У. бен Ладена. Однако в то время Пакистан, даже если бы и захотел, уже не имел возможности выполнить эти американские требования. В Афганистане все большую силу и влияние приобретал «арабский сегмент» экстремистов, роль и возможности Пакистана значительно уменьшились. Однако Вашингтон не принимал во внимание эти реалии, продолжал требовать от Исламабада невозможного и ужесточал свои отношения с Пакистаном, одновременно улучшая их с его главным противником – Индией.

Пакистан оказался в сложном и трудном положении. По инерции он поддерживал талибов, поведение которых становилось все более вызывающим и варварским (уничтожение древних скульптур Будды, расистский подход к иноверцам и «чужакам» и т.д.), что вызывало огромное недовольство цивилизованного мира и сказывалось, естественно, и на его отношении к Пакистану. Положение Исламабада было крайне тяжелым – от него отвернулись бывшие союзники, и в то же время он практически потерял контроль над деятельностью талибов. Решение дилеммы произошло довольно неожиданно и с той стороны, откуда этого меньше всего можно было ожидать.

После трагических событий в сентябре 2001 г. в Америке Вашингтон создал и возглавил антитеррористическую коалицию для уничтожения «Аль-Каиды» и Движения талибов в Афганистане. После некоторых колебаний Исламабад повернул свой «афганский» курс на 180 градусов. Он разорвал все связи с талибами и принял участие в борьбе с ними.

Необходимо отметить, что Пакистан не сразу во всем поддержал США в антитеррористической кампании, и первое время пытался занимать некую «среднюю» позицию. Так, он противился проведению «акций возмездия», выступал за их скорейшее прекращение, был против быстрого продвижения войск «Северного Альянса» и др. (во многом это диктовалось внутренней обстановкой в стране, где были сильны оппозиционные настроения).

Но в целом Исламабад оказывал Вашингтону довольно активную поддержку. Так, он блокировал доставку в Афганистан нефтепродуктов, прекратил транзитную торговлю, заморозил банковские счета талибских деятелей, военных командиров, духовных лиц. Была закрыта граница с Афганистаном. США получили возможность использовать некоторые военно-воздушные базы Пакистана, стали получать информацию от пакистанских спецслужб по ситуации в Афганистане, особенно тесными были связи спецслужб в ядерной области. Неоднократно руководители США заявляли, что Пакистан играет ключевую роль в решении афганского конфликта.

Естественно, отношение к Пакистану в западном мире сразу же изменилось. Уже в сентябре 2001 г. были сняты американские санкции, затем последовало предоставление экономической помощи, отсрочка выплаты процентов по внешнему долгу, обещание кредита в 1 млрд. долл. Такую же позицию заняли и другие спонсоры Пакистана – Япония, Германия, Англия, Франция и др. Япония, например, объявила о намерении реструктурировать пакистанский долг – 3,2 млрд. долл., а затем о выделении 1 млрд. долл. на реализацию проектов в социальной сфере Пакистана (здравоохранение, образование, водоснабжение). Всемирный банк принял решение об увеличении размеров ежегодной помощи Пакистану на 300 млн. долл. (в целом она составит около 1 млрд. долл.). На развитие сельского хозяйства заем в 550 млн. долл. выделил Азиатский банк развития. Важным политическим событием явилось избрание Пакистана 27 сентября 2002 г. непостоянным членом Совета Безопасности ООН. Исламабад стали активно посещать руководители этих стран, а недавний «узурпатор» – генерал П.Мушарраф сделался желанным гостем в США и многих других западных государствах.

Пакистан также был крайне заинтересован в улучшении отношений с Западом и прежде всего с США. Союзничество с США позволяло ему предпринять попытку выйти из международной изоляции, а также вернуть утраченные позиции в Афганистане. К тому же на фоне ухудшения отношений с Нью-Дели с конца 2001 г. заручиться поддержкой западных держав, в первую очередь США, было для Пакистана крайне важно. Идя на сближение с крупными западными государствами, Исламабад прежде всего стремился завязать долгосрочные стабильные политические связи и, в частности, установить «стратегические» отношения с Вашингтоном на различных уровнях.

В июне – июле 2003 г. президент Пакистана генерал Первез Мушарраф нанес визиты в Великобританию, Германию, Францию и США. Они были направлены на то, чтобы подчеркнуть важность для Исламабада развития отношений с ведущими странами западной Европы и, конечно, с США, поднять престиж Пакистана на мировой арене, а также для создания благоприятной международной обстановки в интересах безопасности и экономического развития страны. Вопросы укрепления торгово-экономических связей явились главной темой, поднимаемой пакистанской стороной в ходе двусторонних переговоров. П.Мушарраф не только обратился к западным странам с просьбой оказать Пакистану экономическую помощь, но и призвал западных предпринимателей вкладывать средства в экономику Пакистана. Со своей стороны, США объявили о намерении предоставить экономическую помощь Пакистану в общей сложности на сумму в 3 млрд. долл. на пять лет. Были подписаны несколько рамочных соглашений о торговле и инвестициях и научно-техническом сотрудничестве.

Помимо этого Пакистан стремится восстановить сотрудничество с Западом и в области обороны, надеясь на снятие им эмбарго на поставки в страну современного оружия. Выразив серьезную озабоченность в связи с безопасностью государства, П.Мушарраф обратился к США с просьбой возобновить военные поставки и предоставить заказанные Пакистаном еще в 80-е годы истребители Р-16. 1 июля 2003 г. Германия приняла решение о снятии с Пакистана эмбарго на поставки вооружения.

Западноевропейские страны оставались по-прежнему основными экономическими и торговыми партнерами Пакистана.

Еще в 1990 г. в ходе государственного визита президента Франции Ф.Миттерана в Пакистан был заключен ряд торгово-экономических соглашений, в частности и о предоставлении Пакистану займа в 172 млн. фр. К середине 90-х годов объем двустороннего торгового оборота между Пакистаном и Францией составил около 1 млрд. долл. В последующие годы выросло число совместных пакистано-французских предприятий, в основном расположенных в Карачи и Исламабаде. Крайне важным для Исламабада явилось Соглашение 1993 г., о научно-техническом сотрудничестве в сфере использования ядерных технологий, в сельском хозяйстве, медицине и охране окружающей среды⁸.

Пакистано-французский деловой союз (Pakistan – France Business Alliance), находящийся в Карачи, объединяет более 100 пакистанских торговых компаний, через которые идет большая часть торгово-экономического сотрудничества между двумя странами. Страны ЕС являются крупнейшими поставщиками товаров в Пакистан, на них же приходится 30% пакистанского экспорта (что превышает совокупную долю США и Японии). Пакистан достиг положитель-

ного сальдо торгового баланса в отношениях с ЕС, которое в 2001 г. составило 750 млн. евро⁹.

Основными рынками сбыта пакистанских товаров в странах ЕС являются Великобритания, Германия и Франция. Эти страны также лидируют по объему пакистанского импорта из Европы.

34% французского экспорта в Пакистан составляют средства производства (машины и оборудование, электроника и телекоммуникационное оборудование), а 25% – промежуточные продукты и полуфабрикаты (в основном химикаты, металлопрокат, узлы и компоненты для энергетического и электронного машиностроения) В последние годы возрос экспорт продукции агропромышленного комплекса из Франции¹⁰.

По объему инвестиций в пакистанскую промышленность среди европейских стран лидируют Великобритания, Германия и Франция. Последняя занимает по этому показателю 8-е место в мире. В Пакистане функционирует на сегодняшний день около 33 французских компаний. Наибольшую инвестиционную активность развернули «Алкатель» в сфере телекоммуникационного оборудования, «Алстом» – электронное оборудование, «Авентис» – европейский лидер в фармацевтической промышленности, «Данон» – продукты питания. За последние несколько лет было запланировано и осуществлено несколько совместных проектов в текстильной, нефтяной и химической промышленности. Французское участие в пакистанской экономике осуществляется в основном через совместные франко-пакистанские предприятия и компании, а также через участие Франции в приватизационных программах, осуществляемых пакистанским правительством¹¹.

Франция является одной из крупнейших в мире стран, оказывающих финансовую помощь Пакистану (за последние 5 лет этот показатель составил около 5 млн. долл.). В основном эти средства идут на развитие инфраструктуры, что крайне необходимо для пакистанской экономики¹².

Активно развивалось пакистано-французское сотрудничество и в военной сфере, в рамках которого Пакистан приобрел несколько подводных лодок, самолетов и др.

Пакистан и Франция успешно сотрудничают в области культуры, науки и техники. Налажены прочные научные контакты, осуществляется активный обмен между профессорами и студентами обеих стран. Ярким показателем сотрудничества в культурной сфере является то, что в Исламабаде, Карачи, Лахоре и Пешаваре успешно работают французские культурные центры¹³.

За последний год значительно увеличился объем товарооборота между Пакистаном и Германией. В 2002–2003 финансовом году стоимость пакистанского экспорта в Германию составила около 573 млн. евро, а стоимость импорта возросла до 562 млн. евро. Основные статьи пакистанского экспорта в ФРГ приходятся на продукцию текстильной

и сельскохозяйственной отраслей, а импортируются из Германии в первую очередь машинное и электронное оборудование и химикаты. В первой половине 2001 г. Германия импортировала из Пакистана товаров на общую сумму в 301 млн. евро, а экспортировала более чем на 220,5 млн. евро. В Карачи был основан германо-пакистанский форум с участием нескольких пакистанских компаний. В 2001 г. германское правительство выделило около 25,6 млн. евро на развитие с Пакистаном различных программ в рамках двустороннего сотрудничества, включая инвестиционные проекты в социальной сфере¹⁴.

Среди прочих двусторонних пакистано-германских соглашений наиболее важными являются Соглашение о воздушном транспорте, Соглашение об инвестиционном развитии, Рамочное соглашение о сотрудничестве в технической сфере и др.

За период с 1961 г. по 2000 г. Германия потратила более 5 млрд. марок на развитие связей с Пакистаном в различных областях. Так же как и другие западные страны, Германия приостанавливала темпы сотрудничества с Пакистаном, в частности, в связи с ядерными испытаниями 1998 г. и военным переворотом 1999 г., но на сегодняшний день отмечается подъем двусторонних отношений. Это не раз отмечалось в ходе государственных визитов представителей обеих стран и было подтверждено также и в ходе государственного визита П.Мушаррафа в июне 2003 г. по странам Западной Европы. Помимо торгово-экономического сотрудничества приоритетными направлениями являются сферы здравоохранения и образования. Германия выступает за развитие демократических принципов, совершенствование гражданского общества и соблюдение прав человека в Пакистане.

Пакистан и ФРГ имеют давнюю историю сотрудничества в области культуры, науки и техники. Об этом свидетельствуют многочисленные научные и культурные контакты между специалистами обеих стран. В Карачи осуществляется ряд проектов под эгидой Института Гёте, а при поддержке немецкого посольства в Пакистане и пакистано-германских обществ дружбы в Лахоре и Исламабаде проводятся различные культурные и научные программы¹⁵.

Однако по-прежнему в отношениях Пакистана с западным миром приоритетное направление занимает сотрудничество с США. После начала антитеррористической операции в Афганистане пакистанские и некоторые западные СМИ активно заговорили о той помощи, которую Пакистан оказал США и их союзникам в операции в Афганистане. Это также отмечалось в ходе официальных встреч представителей обеих стран. В феврале 2002 г. в ходе государственного визита П.Мушаррафа в США стороны заявили о начале новой фазы в истории пакистано-американских отношений, направленных на развитие долгосрочного партнерства в сфере политики, экономики и обороны¹⁶. Президент Дж. Буш отметил, что Первез Мушарраф – важнейший партнер международной коалиции в борьбе с терроризмом. Со-

трудничество с Пакистаном будет продолжаться, и Вашингтон выполнит все свои обещания¹⁷. В ходе этого же визита также обсуждались детали предоставления Пакистану экономической помощи на сумму 350 млн. долл., в том числе и 51 млн. на военные нужды.

В рамках активизации военного сотрудничества Пакистан осуществил закупки военной техники (самолетов, вертолетов, оборудования для ведения пограничного контроля), была возобновлена работа пакистано-американской консультативной группы по вопросам обороны, достигнута договоренность о восстановлении в прежних объемах программы подготовки военных технических специалистов и проведении совместных пакистано-американских маневров на суше, в море и в воздухе. В октябре 2002 г. эти маневры были проведены¹⁸.

Следует отметить, что активизировалось пакистано-американское сотрудничество по линии спецслужб. В ходе совместных спецопераций были арестованы многие члены организации «Аль-Каида» и Движения талибов, переместившихся на территорию Пакистана после проведения антитеррористической операции в Афганистане. К концу 2002 г. в Пакистане функционировало около 44 офисов ФБР, расположенных в основном в Пенджабе и Северо-Западной пограничной провинции¹⁹. Главными направлениями сотрудничества по линии спецслужб являются обмен информацией о месте нахождения преступников, организация и проведение арестов, осуществление совместных расследований, отслеживание каналов финансирования экстремистских группировок, обучение американскими специалистами пакистанских коллег методам борьбы с террористами. Однако несмотря на официальные заявления властей и на определенные успехи по уничтожению очагов терроризма на территории Пакистана, в последнее время все больше появляется фактов, свидетельствующих о том, что успехи антитеррористической борьбы сильно преувеличены. Бывшие талибы и их руководители предположительно спокойно находят убежище и помощь на территории Пакистана, террористические организации продолжают получать финансовую и моральную поддержку, а пойманные главарь экстремистов через какое-то время выпускаются на свободу.

Показав себя в ходе американской операции в Афганистане верным союзником США, Пакистан во многом выиграл во внешнеполитической сфере. Совместно они выступали со многими инициативами по обустройству мирной жизни Афганистана. Важно отметить, что с одной стороны, от сотрудничества с США в афганском вопросе Пакистан явно выигрывает, но с другой, это создает Исламабаду крупные внутрисполитические проблемы, особенно в приграничных с Афганистаном пуштунских районах, где сильны антиамериканские настроения.

Представляется, что возникшее в ходе антитеррористической кампании сотрудничество США с Пакистаном будет продолжено. Конечно, можно вспомнить, как США изменили свой курс в отношении

Пакистана в начале 90-х годов. Однако с учетом нынешней нестабильности в Афганистане США, вероятно, долго будут нуждаться в таком союзнике, как Пакистан. Кроме того, Вашингтон сможет использовать сотрудничество с Исламабадом и во взаимоотношениях с Индией для определенного давления на нее.

В отличие от прежних периодов в США сейчас нет веских доводов для прекращения отношений с Пакистаном. Однако представляется, что сотрудничество это не перейдет в разряд «стратегического» и будет в дальнейшем сильно зависеть от внешних обстоятельств.

Одним из самых существенных ограничителей на пути американо-пакистанских взаимоотношений является индийский фактор. США в силу многих причин заинтересованы в тесном сотрудничестве с Индией. Но последняя находится в конфронтации с Пакистаном, что и будет препятствовать развитию американо-пакистанских отношений. Это, в частности, проявилось и в отношении Нью-Дели к самому участию Пакистана в антитеррористической кампании. Союз Америки и Пакистана вызвал возмущение и недоумение со стороны Индии, министр внутренних дел которой Л.К.Адвани резко высказался по поводу того, что «террористическое государство, которое причиняло Индии беспокойство на протяжении десятилетий, стало главным союзником США в борьбе с терроризмом»²⁰.

В данной статье было показано непостоянное, меняющееся отношение США к Пакистану в зависимости от внутренних и внешних проблем, сопровождающих этот процесс. Существенную роль в нем играл «индийский фактор», конфронтация между Пакистаном и Индией. Вашингтону все время приходилось оценивать степень и характер взаимоотношений этих стран и соответственно определять свой подход к каждому государству. В 50-е годы США были целиком на стороне Пакистана, игравшего важную роль в создании их глобальной блоковой структуры, в то время как Индия раздражала Вашингтон своей политикой неприсоединения. В дальнейшем, особенно во время пакистано-индийских вооруженных конфликтов, у США был примерно равный подход к его участникам. В период афганских событий 80-х годов США безусловно поддерживали Пакистан. Десятилетием позже это отношение ухудшилось и соответствующим образом улучшился подход США к Индии. В настоящее время американская позиция в отношении Нью-Дели и Исламабада сбалансирована, хотя в целом предпочтение отдается Индии.

Это предпочтение особенно проявляется в наиболее болезненной для Пакистана проблеме – военном сотрудничестве. После снятия санкций с Индии и Пакистана в 2001 г. США сразу же восстановили военное сотрудничество с Нью-Дели, включая поставки оружия и сотрудничество в области высоких технологий (развитие ядерной энергетики, мирное освоение космического пространства, модернизация ряда высокотехнологических отраслей производства).

Что касается Пакистана, то в первое время отмена американских санкций практически не коснулась военной сферы. Впоследствии началась медленная эволюция военного сотрудничества, которое вначале сводилось к взаимным визитам высших военных чинов обеих стран, обсуждению перспектив и планов такого сотрудничества. Восстановила свою работу пакистано-американская консультативная группа по вопросам обороны (не действовала с 1997 г.). В ее рамках были созданы рабочие группы по военному сотрудничеству, содействию безопасности, а также антитеррористической деятельности. Были проведены пакистано-американские военные маневры.

Лишь в последнее время состоялись небольшие поставки техники «двойного назначения» – грузовиков, джипов, машин скорой помощи, вертолетов, аппаратуры ближней и дальней связи, оборудования для укрепления пакистано-афганской границы, мониторинга положения на «линии контроля» в Кашмире. В январе 2003 г. США передали силовым структурам Белуджистана технических средств на 30 млн. долл. для усиления охраны границы с Афганистаном и Ираном (2400 км), борьбы с агентурой «Аль-Каиды», противодействия производству и провозу наркотиков²¹. Таким образом, американо-пакистанское военное сотрудничество и соответствующие поставки техники определяются главным образом потребностями борьбы с терроризмом и сложностью положения на границах. В конце 2003 г. Пакистану была передана партия в 60 боевых вертолетов, что объяснялось американской администрацией «необходимостью борьбы пакистанских вооруженных сил с отрядами талибов и «Аль-Каидой».

При этом Вашингтон внимательно следил за положением ракетно-ядерного потенциала Пакистана, особенно опасаясь каких-либо его контактов со «странами-изгоями» и возможностей попадания оружия массового уничтожения в руки террористов. В апреле 2003 г. власти США объявили о введении санкций против пакистанского Института ядерных исследований, где ведутся также работы по ракетостроению, который был обвинен в закупке у Северной Кореи партии ракет среднего радиуса действия «Нодон», способных нести ядерные боеголовки. Тогда президент Первез Мушарраф лично заверил американское руководство в том, что он не будет помогать Северной Корее получить ядерную бомбу. Несмотря на то, что экономического урона эти санкции нанести Пакистану не могли, они имели важное психологическое значение: Вашингтон впервые пошел на серьезные ограничения торговли с Пакистаном с тех пор, как после 11 сентября 2001 г. Исламабад был объявлен важнейшим союзником Вашингтона в антитеррористической борьбе.

Однако военно-техническое сотрудничество с Пакистаном США не свернули. Более того, уже в сентябре 2003 г. обсуждался вопрос о поставках в Пакистан современной военной техники и вооружений на сумму 9 млрд. долл. Исламабад выразил также пожелание получить

40 истребителей Ф-16, современное радарное и другое оборудование для сухопутных и военно-морских сил. Продолжало развиваться сотрудничество Пакистана и США по линии спецслужб, пакистанские военные специалисты проходили обучение и стажировку в Америке.

Более того, на позицию США не повлияли ставшие известными факты поставок Пакистаном в течение длительного времени ядерных технологий и ноу-хау Ирану, Ливии и Северной Корее. Вашингтон удовлетворил объяснения Исламабада, что к этим поставкам руководство не имело никакого отношения, а осуществлялись они ведущими специалистами-ядерщиками в интересах личной наживы.

Важным фактором, влияющим на сотрудничество между США и Пакистаном, является состояние индийско-пакистанских отношений. Существующая напряженность в них не соответствует интересам США, как и других великих держав – России и КНР, поскольку препятствует развитию их связей с обоими участниками конфликта, мешает установлению выгодного баланса в отношениях с ними, в какой-то мере негативно сказывается и на взаимоотношениях самих великих держав. Поэтому они настойчиво выступают за урегулирование индийско-пакистанских проблем, за установление на субконтиненте нормальных добрососедских отношений. Великие державы заинтересованы в прекращении террористической деятельности в этом регионе, представляющей серьезную опасность. Значительна была роль США, России и КНР в недопущении перерастания кризисного состояния отношений Индии и Пакистана в начале нового тысячелетия в широкомасштабный вооруженный конфликт, возможно, с применением ядерного оружия. В дальнейшем великие державы последовательно выступали за преодоление последствий этого кризиса, улучшение взаимоотношений двух соседних государств. Примерно с середины 2003 г. «процесс пошел» в нужном направлении: войска обеих стран, находившиеся в непосредственной близости, были отведены на определенное расстояние, прекратился огонь на межгосударственной границе и «линии контроля» в Кашмире, возобновлены транспортные связи между Индией и Пакистаном, была восстановлена численность их дипломатических миссий, сокращенная в период кризиса, разработана система мер доверия, способствующих нормализации двусторонних отношений. Возникла возможность возобновления политического диалога между Пакистаном и Индией, на чем настаивают США. Таким образом, без преувеличения можно сказать, что отношения между Исламабадом и Вашингтоном будут во многом зависеть от пакистано-индийских отношений.

Определенным ограничителем американо-пакистанских взаимоотношений может стать конфессиональный характер Пакистана. Он является частью мировой мусульманской общины (уммы), и его внешнеполитические действия существенно зависят от положения в мусульманском мире и от настроений внутри страны, где сильны про-

исламские чувства. В силу этих обстоятельств Пакистан не сможет безусловно поддерживать США в их проводимых (Ирак) и предполагаемых акциях против других мусульманских стран. Это, с одной стороны, будет вызывать недовольство США, а с другой, постоянно ставить пакистанское руководство перед сложнейшим выбором, для осуществления которого необходима как политическая воля, так и объективные возможности. Последние события в Пакистане (особенно в приграничных с Афганистаном районах) свидетельствуют о нарастающем недовольстве населения «прозападной» политикой властей. Несомненно, это осложняет американо-пакистанские отношения.

В целом можно сказать, что прочные отношения с Западом, в первую очередь с США, крайне важны для Исламабада, они укрепляют его международные позиции, способствуют его экономическому развитию. Однако часто он становится заложником своей зависимости от западных стран. Стремясь играть лидирующую роль в мусульманском мире, с учетом нынешней сложной глобальной политической обстановки Пакистан вынужден действовать крайне осторожно и взвешенно в своих внешнеполитических акциях. Очень многое будет зависеть от этого и в дальнейшем. Если страна не будет выходить за рамки американских интересов, будет согласовывать свою политику с устремлениями Вашингтона, то это будет содействовать развитию их контактов. Если же Исламабад будет проявлять самостоятельность и «своевольничать», то это негативно скажется на американо-пакистанских отношениях. Думается все же, что в будущем эти отношения станут более стабилизированы, не возникнет, как в прошлом, резких падений и подъемов, в целом они смогут держаться на устойчивом среднем уровне, с тенденцией к повышению. Доказательством тому стал следующий факт. В середине марта 2004 г. Пакистан посетил с визитом госсекретарь США Колин Пауэлл, который по итогам своего пребывания в стране заявил, что США включают Пакистан в список ближайших стран-союзниц США, не являющихся членами НАТО. К числу таких государств относятся также такие страны, как Египет, Израиль, Япония, Южная Корея и некоторые другие. Включение Пакистана в этот список является, по словам госсекретаря, признанием заслуг Исламабада в борьбе против терроризма. Этот шаг Вашингтона означает снятие последних американских санкций, наложенных на Пакистан в 1999 г. в связи с военным переворотом. Включение Пакистана в этот «эксклюзивный клуб» принесет ему ощутимую экономическую и военную помощь и получение вооружений и, возможно, откроет путь к тесному и долгосрочному сотрудничеству. Видимо, таким же будет и отношение к Пакистану ведущих европейских государств.

¹ Аналитический обзор: зачем Пакистан стремится улучшить отношения с западными странами? // www.russian.xinhuanet.com/htm/07071506041.htm

² См. книгу: Москаленко В.Н. Внешняя политика Пакистана (формирование и основные этапы эволюции). – М., 1984, с. 5.

³ Там же, с. 30.

⁴ Там же, с. 226.

⁵ Pakistan-US Relations. // Defense Journal, Nov 2003.

⁶ Американо-пакистанские отношения // Энциклопедия Пакистана. – М., 1998, с. 296.

⁷ Dennis Kux. The United States and Pakistan 1947–2000: Disenchanted Allies. 2001, с. 336.

⁸ Американо-пакистанские отношения // Энциклопедия Пакистана. – М., 1998, с. 296.

⁹ Pak-France economic relations: an overview // www.iang.com.pk/thenews/iul2003-weeklv/busrev-28-07-2003/p6.htm

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ www.german-embassy.org.pk/en/home/news13.html

¹⁵ www.german-embassy.org.pk/en/home/news13.html

¹⁶ Pervez Musharraf visits US //

www.pakistaneconomicist.com/issue2002/issue7/etc3.htm

¹⁷ Пульс планеты, 14.02.2002.

¹⁸ ИТАР-ТАСС, 18.10.2002.

¹⁹ ИТАР-ТАСС 26.09.2002.

²⁰ Коммерсант. М., 17.10.2001.

²¹ Военное обозрение. М., 2003, № 3, с. 57.

**ПАКИСТАНО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ (1990–2004 годы)**

Конец 80-х – начало 90-х годов характеризовались кардинальными изменениями структуры международных отношений и расстановки политических сил в мире, что оказало непосредственное влияние на формирование соответствующего новым реалиям внешнеполитического курса Соединенных Штатов и повлекло за собой перестройку внешнеполитической концепции Пакистана.

С окончанием «холодной войны» у США появились новые возможности и одновременно весьма серьезные проблемы. С одной стороны, прекращение глобальной конфронтации означало исчезновение реальной военной угрозы Соединенным Штатам и превращение их в единственную военную сверхдержаву. США приобрели гораздо большую свободу стратегического маневра и получили широкие возможности для сотрудничества с государствами, входившими ранее в социалистическое содружество, и новыми государствами на пространстве бывшего СССР. С другой стороны, крах биполярного миропорядка обернулся усилением дестабилизирующих тенденций в мире, что выразилось в увеличении числа этнорелигиозных конфликтов, распространении ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения, росте международного терроризма и преступности.

После вывода советских войск из Афганистана и особенно после распада биполярной системы международных отношений акценты в повестке дня пакистано-американских отношений сместились в сторону очевидных противоречий между двумя странами, что было в большей степени обусловлено падением значимости Пакистана в стратегии Вашингтона и выдвиганием новых приоритетов во внешней политике США. Целеполагающими установками внешнеполитической стратегии стали обеспечение безопасности и процветания страны, укрепление режимов нераспространения и контроля за ракетной технологией, борьба с международным терроризмом и преступностью, продвижение демократии в мире¹. Впервые «стратегия расширения мирового свободного сообщества рыночных демократий»² была сформулирована Белым домом в 1993 г. в качестве замены стратегии «сдерживания». С выдвиганием новых приоритетов внешней политики США стало очевидно, что ситуация в Пакистане не отвечает принципам и интересам американской администрации.

В 90-е годы в центре пакистано-американского диалога находились следующие вопросы: ядерное нераспространение и нераспространение ракетных технологий, поддержание стабильности в южноазиатском регионе, демократизация и права человека, экономическое развитие Пакистана. В конце 90-х годов в общую повестку дня пакистано-американских отношений была включена проблема борьбы с терроризмом.

**Начало 90-х годов:
прекращение военной и экономической помощи США
Пакистану и ужесточение позиции Вашингтона**

В мае 1990 г. спецслужбы США предоставили президенту Дж.Бушу информацию о том, что Пакистан, несмотря на неоднократные предупреждения Вашингтона о недопустимости продолжения ядерной программы, перешел к последней стадии создания ядерного оружия. 1 октября 1990 г. Дж.Буш не выступил перед Конгрессом с подтверждением отсутствия у Пакистана ядерного оружия, чего требовала поправка Пресслера³. Это привело к замораживанию поставок в Пакистан вооружений на общую сумму в 1,3 млрд. долларов⁴ (включая самолеты F-16, которые Пакистан уже частично оплатил) и прекращению экономической и военной помощи на сумму 564 млн. долларов⁵, запланированной на 1991 г. Предоставление помощи продолжалось только по линии уже действовавших в тот момент программ.

Эта акция Вашингтона стала тяжелым ударом для пакистанского руководства, особенно в свете того, что 13 августа 1990 г. правительство Пакистана, несмотря на широкие демонстрации в стране в поддержку Саддама Хусейна, объявило о своем решении выступить на стороне Соединенных Штатов в Кувейтском кризисе. Кроме того, прекращение экономической помощи отрицательно сказалось на экономическом положении страны.

Пакистанское правительство незамедлительно заявило о несправедливом отношении к Пакистану и его дискриминации, поскольку поправка Пресслера не предусматривала аналогичных мер в отношении других государств.

В середине октября 1990 г. в Вашингтоне состоялись переговоры министра иностранных дел Пакистана Мухаммада Якуб-хана с государственным секретарем США Джеймсом Бейкером. Предметом переговоров стал вопрос об отмене ограничений, введенных в соответствии с поправкой Пресслера. М.Якуб-хан предложил заморозить ядерную программу Пакистана в обмен на снятие санкций. Однако американская администрация считала, что подобной меры недостаточно: Пакистан должен был уничтожить ядерные материалы и свернуть свою программу. Якуб-хан отверг возможность подобного хода событий. Введение санкций и провал переговоров знаменовали переломный момент в пакистано-американских отношениях: начался период постепенного охлаждения в отношениях между двумя странами.

Пакистано-американский диалог по ядерной проблеме продолжился на переговорах в Исламабаде в ноябре 1991 г. (в ходе визита помощника государственного секретаря по вопросам безопасности Реджинальда Бартоломью), а также в рамках визита первого заместителя министра иностранных дел Пакистана Шахрияр Хана в Вашингтон в начале 1992 г. Последний визит примечателен тем, что в ходе него Пакистан на официальном уровне признал, что обладает всеми возможностями для создания ядерного оружия⁶. Однако попытка Исламабада установить более доверительный контакт с американской администрацией ни к чему не привела.

Ситуацию усугубляло то, что в сентябре 1991 г. Соединенные Штаты и Советский Союз объявили о решении прекратить оказание военной помощи противоборствующим группировкам в Афганистане. Таким образом, Афганистан оказался на периферии внешнеполитических интересов американской администрации, а Пакистан, лишенный экономической и военной помощи, столкнулся с необходимостью самостоятельно решать острые внутренние проблемы, ставшие результатом его вовлеченности в афганскую эпопею. Пакистану по-прежнему приходилось нести большие расходы по содержанию афганских беженцев, которые не хотели возвращаться на объятую гражданской войной родину, а также на поддержку различных афганских группировок⁷.

В конце 1991 г. позиция пакистанских правящих кругов относительно борьбы с терроризмом стала еще одной причиной дальнейшего ухудшения пакистано-американских отношений. В начале 1992 г. помощник госсекретаря США по политическим делам Арнольд Кантер, опираясь на сведения, предоставленные разведывательными службами США, выступил с предостережением в адрес пакистанского правительства о том, что если Пакистан продолжит оказывать помощь кашмирским боевикам, он будет внесен в список стран, официально поддерживающих терроризм (что влекло за собой введение очередного пакета санкций).

Вместе с тем следует отметить, что администрация Дж.Буша стремилась сохранить военное сотрудничество с Пакистаном на достаточно высоком уровне. Как считают некоторые американские исследователи⁸, такая политика Вашингтона объяснялась, с одной стороны, выгодным геостратегическим положением Пакистана в непосредственной близости к региону Персидского залива и в этом контексте особой заинтересованностью американского руководства в прочных дружественных связях с пакистанской правящей верхушкой, а с другой стороны, стремлением американского правительства иметь рычаги воздействия на пакистанских военных, игравших ключевую роль в принятии решений, касавшихся ядерной программы Пакистана. Так, в феврале 1992 г. государственный департамент США выдал лицензии на продажу Пакистану запасных частей для самолета-

тов F-16, которые были переданы пакистанским ВВС до введения санкций⁹. Сумма сделки составила 120 млн. долларов.

В ноябре 1992 г. в США состоялись президентские выборы. Победу одержал кандидат от Демократической партии Билл Клинтон. Новая американская администрация¹⁰ заняла более жесткую позицию в вопросах ядерного нераспространения и прав человека. 16 января 1993 г., выступая перед Сенатом США, новый государственный секретарь Уоррен Кристофер обрушился с резкой критикой на Пакистан, поставив его в один ряд с Бирмой как страной, где отсутствует практика проведения свободных демократических выборов и соблюдения прав человека¹¹.

В июле 1993 г. пакистано-китайское сотрудничество в ракетной сфере оказалось в центре внимания Вашингтона. Государственный департамент, получив информацию о продаже Китаем Пакистану ракет средней дальности (М-11) и пусковых установок, предупредил руководство КНР о возможности введения санкций против стран – нарушительниц Режимы контроля над ракетной технологией (РКРТ)¹². Несмотря на то, что китайская сторона отвергла обвинения подобного рода, государственный департамент США счел необходимым объявить 25 августа 1993 г. о введении санкций против Пакистана и КНР. Соединенные Штаты ввели ограничения на экспорт высокотехнологичной продукции в Пакистан и запрет на экспорт товаров в Китай в течение двух лет. По существу, данный инцидент в большей степени отразился на китайско-американских отношениях, чем на отношениях между Пакистаном и США. Однако сам факт грубого вмешательства в двусторонние пакистано-китайские отношения и попытка давления на КНР со стороны США были крайне отрицательно восприняты пакистанским руководством.

Жесткость позиции Вашингтона, однако, не означала полного прекращения политического диалога и сотрудничества с Исламабадом. Пытаясь наладить политический диалог между двумя странами, президент Билл Клинтон выступил в марте 1994 г. с инициативой, касающейся проблемы ядерного нераспространения. Б.Клинтон заявил о готовности американской администрации добиться одобрения Конгрессом отмены эмбарго на поставки самолетов F-16 в случае, если Пакистан заморозит свою ядерную программу и согласится на проведение инспекций своих ядерных объектов, а также на установление камер наружного наблюдения и использование других технических средств проверки недееспособности пакистанской ядерной программы. Премьер-министр Пакистана Беназир Бхутто назвала предложение американской администрации проявлением дискриминации в отношении Пакистана. Таким образом, попытки американских властей решить ядерную проблему Пакистана путем переговоров и одновременно ликвидировать создавшуюся некоторую напряженность в отношениях между двумя странами на данном этапе не увенчались

успехом. Однако стремление наладить политический диалог и вывести двустороннее сотрудничество на более высокий уровень наблюдалось как в Вашингтоне, так и в Исламабаде.

Несмотря на отсутствие прогресса в вопросе пакистанской ядерной программы, являвшейся ключевым пунктом в пакистано-американской повестке дня для государственного департамента, министерство же обороны США было заинтересовано в улучшении отношений с Пакистаном, рассматривая последний в качестве потенциально значимого союзника Соединенных Штатов и проводника американских интересов в мусульманском мире. Так, в январе 1995 г. министр обороны США Вильям Перри совершил визит в Исламабад. Он предложил возобновить работу пакистано-американской консультативной группы, созданной в период афганской войны как механизм, в работе которого участвовали представители военных ведомств двух стран. В.Перри признал обоснованными претензии Пакистана, касающиеся самолетов F-16.

Стремясь завоевать расположение Соединенных Штатов, в феврале 1995 г. правительство Б.Бхутто приняло решение об экстрадиции в США Рамси Юсуфа, подозреваемого в подготовке террористического акта во Всемирном торговом центре в Нью-Йорке (26 февраля 1993 года в ВТЦ произошел взрыв).

В апреле 1995 г. в ходе визита в США Б.Бхутто добилась значительных уступок американской стороны в урегулировании проблемы приостановки поставок Пакистану самолетов F-16. Б.Клинтон обещал вплотную заняться решением этой проблемы и признал, что политику удерживания и самолетов, и денежных средств, уже переведенных Пакистану в счет будущих поставок¹³, необходимо пересмотреть. 21 сентября 1995 г. Сенат США принял поправку, смягчающую ограничения на предоставление помощи Пакистану (т.н. поправка Брауна). Поправка предусматривала возобновление экономической помощи Пакистану, осуществление поставок вооружений и военной техники на сумму более 350 млн. долл.¹⁴, о которых стороны имели договоренность до применения поправки Пресслера (за исключением поставок самолетов F-16). Было возобновлено обучение личного состава ВС Пакистана американскими специалистами. Конгресс принял решение продать самолеты F-16 другому государству и за счет полученных средств возместить расходы Пакистана.

Исламабад воспринял принятие поправки Брауна как признак улучшения пакистано-американских отношений. Вместе с тем новая поправка не затронула ключевую проблему для пакистанского правительства – восстановление прежнего уровня военной помощи и государственных поставок вооружений. Одновременно администрация Клинтона, несмотря на отмену ограничений на предоставление экономической помощи, воздержалась от учреждения двусторонних программ помощи и ограничилась лишь выделением субсидии в размере

2 млн. долл. пакистанским неправительственным организациям¹⁵. Таким образом, смягчение позиции Вашингтона не оказало значительного влияния на уровень пакистано-американского сотрудничества. Главной движущей силой некоторой корректировки курса США в отношении Пакистана было стремление сохранить возможность влиять на позицию пакистанского руководства через «дозирование» взаимодействия. Вашингтон продолжал проводить довольно жесткую политику в отношении Пакистана.

Вторая половина 90-х годов: низшая отметка уровня пакистано-американских отношений

В начале 1996 г. государственный департамент заявил о том, что правительство Б.Бхутто не предпринимает активных мер для борьбы с наркоторговлей, и впервые за последние 15 лет отказался подтвердить факт сотрудничества Пакистана с США в этой сфере (необходимость подтверждения государственным департаментом подобного сотрудничества была предусмотрена американским законодательством). Согласно законодательству Соединенных Штатов, отказ американского внешнеполитического ведомства должен был повлечь за собой введение санкций против Пакистана, однако президент Клинтон воспользовался правом изъятия, и введение санкций было приостановлено.

Решение Клинтона, вероятно, было обусловлено изменившейся ситуацией в Афганистане и новой политикой Пакистана на афганском направлении. В 1994 г. на афганской политической арене появилась новая сила – Движение талибов (ДТ). Его костяк составляли учащиеся (талибы) религиозных школ для афганских беженцев в Пакистане. Военные формирования ДТ в конвое на грузовиках в буквальном смысле с пакистанской территории проследовали через пограничный пункт Чаман и обосновались в г. Кандагаре. Кроме Пакистана, талибов поддержали Саудовская Аравия, которую привлекал исламский фундаментализм этого движения, а также ОАЭ. Соединенные Штаты держались в тени, но почерк Вашингтона читался за позицией Исламабада и Эр-Рияда; для США, в частности, было важно поддержать противников своего давнего врага – Ирана. Кроме того, американское правительство с помощью новой силы рассчитывало обеспечить благоприятные условия для своих нефтегазовых компаний (например, ЮНОКАЛ), задействованных в планах прокладки трубопроводов из Центральной Азии через Афганистан к пакистанскому побережью Индийского океана¹⁶. В геостратегическом смысле планы Вашингтона предусматривали обеспечить выход бывшим азиатским республикам СССР в южном направлении к портам Индийского океана и таким образом ослабить их экономическую привязку к России.

С момента появления талибов на политической арене Афганистана им удалось достичь крупных военных успехов. В сентябре 1996 г. талибы захватили г. Кабул. Реакция Белого дома на события в Афга-

нистане была положительной. Государственный департамент США призвал талибов как можно скорее установить законность и порядок в подконтрольных им районах и сформировать переходное представительство¹⁷. Однако когда стали очевидны цели и принципы политики ДТ по строительству теократического государства, отношение американских властей к талибам стало меняться на диаметрально противоположное.

В сентябре 1997 г. состоялась первая встреча президента США Клинтона и нового премьер-министра Пакистана Миана Мухаммада Наваза Шарифа¹⁸, находившегося с визитом в Нью-Йорке. Б.Клинтон подчеркнул стремление американского правительства укреплять двусторонние отношения с Исламабадом и выразил желание посетить Пакистан. Премьер-министр заявил, что Пакистан заинтересован в улучшении отношений между двумя странами, и призвал Соединенные Штаты активизировать свои усилия в разрешении проблемы Кашмира.

Вместе с тем визит госсекретаря США М.Олбрайт в Исламабад в ноябре 1997 г. не выявил серьезных изменений в подходах Вашингтона к разрешению противоречий с Исламабадом. В центре переговоров с пакистанскими руководителями вновь оказались проблемы ядерного нераспространения, деятельность террористов в Кашмире и торговля наркотиками. Об этом свидетельствует введение Соединенными Штатами очередного пакета санкций в апреле 1998 г. против КНДР и пакистанского Центра ядерных исследований им. Кадир-хана, Северная Корея обвинялась в передаче ракетной технологии Пакистану.

11 и 13 мая 1998 года Индия произвела серию из пяти ядерных испытаний, после которых провозгласила себя государством, обладающим ядерным оружием. Испытания вызвали резкий резонанс в мире и поставили мировое сообщество перед рядом сложных проблем. Соединенные Штаты незамедлительно объявили о введении полномасштабных санкций в отношении Индии: было прекращено предоставление всех видов помощи индийской стороне, представители США во Всемирном Банке и Банке азиатского развития стали голосовать против выдачи кредитов индийскому правительству, Белый дом призвал остальные страны мира принять столь же жесткие меры в отношении Дели.

В такой ситуации, безусловно, в центре внимания Вашингтона оказался Пакистан. Заместитель госсекретаря США Строб Тэлботт срочно вылетел в Исламабад, где пытался убедить Пакистан не проводить «ответные» ядерные испытания, обещал, что США возобновляет поставки самолетов F-16 и восстановят экономическую и военную помощь в полном объеме. С целью подчеркнуть серьезность намерений Вашингтона президент Клинтон четыре раза проводил переговоры с Н.Шарифом по телефону.

Пакистанский премьер-министр оказался перед сложным выбором. С одной стороны, у Исламабада возникла реальная возможность

восстановить высокий уровень пакистано-американского сотрудничества, чего пакистанское руководство добивалось с 1990 г. после введения в действие поправки Пресслера. С другой стороны, пакистанские официальные лица скептически отнеслись к неподкрепленным конкретными действиями словам американского президента. Кроме того, пакистанский премьер-министр испытывал на себе огромное давление со стороны пакистанской общественности, требующей восстановить силовой баланс на Индийском субконтиненте и ответить на индийский вызов¹⁹.

Не решаясь идти на прямой конфликт с США, Н.Шариф сделал последнюю попытку предотвратить «ядерный ответ» Пакистана и обратился к американской администрации с требованием предоставить гарантии безопасности Пакистану в обмен на отказ от проведения ядерных взрывов. Соединенные Штаты не пошли на столь решительный шаг.

28 и 31 мая 1998 г. Пакистан произвел серию ядерных испытаний, получивших наименования «Покхран II» и «Чагай I», официально заявив таким образом об обладании ядерными взрывными устройствами²⁰.

Соединенные Штаты отреагировали незамедлительно: было объявлено о распространении санкций, введенных против Индии, на Пакистан. Одновременно американские дипломаты продолжили политический диалог с двумя странами для разрешения возникших противоречий. В 1998 г. прошли семь раундов переговоров с Индией и Пакистаном по вопросу о ядерном нераспространении и снижении напряженности в южноазиатском регионе.

В этот же период (1998 г.) в реестре пакистано-американских противоречий вновь появился афганский вопрос. Поддержка Пакистаном Движения талибов вызывала все большую озабоченность Белого дома. К тому же в середине августа 1998 г. спецслужбы США получили информацию о том, что террористические акты против американских посольств в Кении и Танзании были спланированы Усамой бен Ладеном, главой международной исламистской террористической сети, находившимся с 1996 г. в Афганистане. 21 августа 1998 г. военно-морские силы США открыли огонь крылатыми ракетами по тренировочным лагерям бен Ладена в Афганистане. Подобные действия американских ВМС вызвали крайнее раздражение пакистанского руководства, особенно в свете того, что США заранее не предупредили правительство Пакистана о планируемой акции (около сотни крылатых ракет «Тамагавков» нарушили пакистанское воздушное пространство, а несколько ракет упали вблизи от пакистанских населенных пунктов; МИД Пакистана выступил с заявлением протеста по этому поводу²¹).

Не заинтересованный в дальнейшем ухудшении отношений с Пакистаном и возлагая большую ответственность за разжигание гонки вооружений в Южной Азии на Индию, президент Клинтон пригласил премьер-министра Н.Шарифа посетить Вашингтон.

2 декабря 1998 г. премьер-министр Пакистана прибыл с визитом в США. В ходе переговоров в Вашингтоне американская сторона согласилась перечислить Пакистану 470 млн. долл. в счет погашения суммы, переданной пакистанским правительством в качестве оплаты за самолеты F-16, и поставить Пакистану пшеницу и ряд других товаров на оставшуюся сумму 140 млн. долл. в течение последующих двух лет.

Параллельно американская администрация продолжала наступление на ядерную программу Пакистана. В начале 1999 г. заместитель госсекретаря США Строб Тэлботт прибыл с визитом в Пакистан и выдвинул требования к пакистанскому правительству, выполнение которых обеспечило бы снятие всех санкций, включая введенные в соответствии с поправкой Пресслера. Требования, в частности, включали подписание Исламабадом Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, прекращение сотрудничества с КНДР в ракетной сфере, участие в многосторонних переговорах о запрещении производства расщепляющих материалов, полноформатное сотрудничество с США в области экспортного контроля. Пакистанское руководство отказалось взять на себя односторонние обязательства по выполнению требований США и потребовало подключить Индию к переговорам по американским предложениям. Вашингтон, стремившийся в тот момент к нормализации индийско-американских отношений, резкое ухудшение в которых произошло после ядерных испытаний Индии в 1998 г., вынужден был отказаться от своей инициативы²².

Некоторые исследователи²³ объясняют такой дискриминирующий подход к ядерной программе Пакистана следующими факторами: 1) в отличие от Индии, программа которой в основном развивалась самостоятельно, Пакистан вынужден был приобретать ядерные технологии за рубежом (то же касается и ракетной технологии); 2) заявления, в частности, Б.Бхутто о создании так называемой «Исламской ядерной бомбы» вызывали серьезную озабоченность США в связи с возможностью передачи ядерной технологии радикальным режимам Ближнего Востока; 3) кроме того, в отличие от Индии, где уровень ядерной безопасности традиционно высок, в Пакистане существует риск несанкционированного доступа к его ядерной инфраструктуре со стороны «негосударственных игроков», прежде всего экстремистских террористических групп. Борьба за власть и внутренние противоречия в Пакистане также ставят под угрозу безопасность его ядерных объектов.

В конце 1999 г. пакистано-американские отношения достигли своего низшего уровня в 90-е годы. 12 октября 1999 г. в Пакистане произошел военный переворот. После смещения правительства Н.Шарифа, введения чрезвычайного положения с приостановкой работы законодательных органов федерального и провинциального уровней руководство страной взял на себя генерал Мухаммад Первез

Мушарраф, провозгласивший себя главой исполнительной власти Пакистана. В 2000 г. Верховный суд страны подтвердил легитимность военной администрации П.Мушаррафа, установив трехлетний срок переходного периода для передачи власти гражданскому правительству (до 12 октября 2002 г.).

После установления в Пакистане военного режима Вашингтон занял в отношении Исламабада весьма жесткую позицию: прежде всего в том, что касается ключевых вопросов двусторонней повестки дня (проблема терроризма, ракетно-ядерное нераспространение, нормализация отношений с Индией, восстановление в Пакистане демократических норм, соблюдение прав человека). Были введены дополнительные санкции против Пакистана в связи с нарушением демократического пути развития страны. Одновременно интенсивно развивались связи США с Индией, что воспринималось в пакистанских правящих кругах с нескрываемой озабоченностью.

Официальные пакистано-американские контакты в 2000 г. (визиты в Исламабад Б.Клинтона в марте, старшего замгоссекретаря Томаса Пикеринга в мае, посещение Вашингтона министром иностранных дел Пакистана Абдул Саттаром в июне) не привели к существенным позитивным подвижкам в двусторонних отношениях.

Определенные надежды на их потепление пакистанское руководство связывало с новой американской администрацией Джорджа Уокера Буша, который в отличие от своего предшественника тяготеет к более глобалистским подходам и склонен учитывать пакистанский фактор как в региональном аспекте, так и на мировом уровне. В Исламабаде с удовлетворением восприняли назначение на должность заместителя госсекретаря США по проблемам Южной Азии Кристины Рокка, известную своими выступлениями за отмену санкций, введенных против Пакистана. Однако новое руководство в Вашингтоне ясно дало понять, что реанимации широкомасштабного взаимодействия, характерного для 80-х годов, не предвидится, а снятию санкций должно предшествовать достижение реального взаимопонимания по всем важнейшим вопросам двусторонних отношений.

В Исламабаде с раздражением восприняли очередной доклад государственного департамента США о борьбе с терроризмом (от 30 апреля 2000 г.), в котором пакистанские власти обвинялись в поддержке боевиков в Джамму и Кашмире, в попустительстве экстремистским группировкам на территории Пакистана (включая «Харакат-уль-Муджахедин», внесенную в США в список террористических организаций), в поддержке финансовыми и другими средствами талибов.

Определенные трения в пакистано-американских отношениях усилились в связи с попытками Исламабада активизировать сближение с КНР, в том числе в военной сфере. В частности, это относится к планам строительства при китайском содействии порта Гвадар, который, по мнению американской администрации, в перспек-

тиве может использоваться как база пакистанских и китайских ВМС в Индийском океане.

Визит А.Саттара в США 19–22 июня 2001 г. не стал отправным пунктом улучшения пакистано-американских отношений, как на то надеялось руководство Пакистана. Саттар провел переговоры с представителями госдепартамента, министерства обороны США, советником президента по национальной безопасности, с руководством Конгресса. Позиция США осталась неизменной: общему прогрессу в отношениях должно предшествовать реальное сближение позиций по конкретным пунктам двусторонней повестки дня.

Неудача визита Саттара стала совершенно очевидна, когда 20 июня П.Мушарраф провозгласил себя президентом Пакистана. В США это было воспринято как дальнейший отход от демократии, полностью противоречащий заверениям министра иностранных дел Пакистана.

11 сентября 2001 г. – поворотный момент в пакистано-американских отношениях

События 11 сентября 2001 г. оказали неоспоримое влияние на ситуацию в мире и привели к изменению политики Соединенных Штатов в отношении Пакистана на 180 градусов. Пакистан во внешнеполитической стратегии США вновь стал «прифронтовым государством». В течение месяца Соединенные Штаты сняли большую часть ограничений на предоставление помощи Пакистану. «Стабильный, демократический, экономически процветающий Пакистан» стал «ключом к осуществлению интересов США в Южной и Центральной Азии, а также на Ближнем Востоке»²⁴.

Уже 11 сентября 2001 г. президент Пакистана П.Мушарраф выступил с резким осуждением террористических актов в США и заявил, что Пакистан не приемлет терроризма в любых формах и проявлениях.

12 сентября состоялся телефонный разговор П.Мушаррафа с государственным секретарем США Колином Пауэллом. Лидер Пакистана заявил о поддержке Соединенных Штатов в борьбе с международным терроризмом.

19 сентября П.Мушарраф выступил с телеобращением к нации. Суть выступления пакистанского президента сводилась к тому, что Исламабад поддержал мировое сообщество в борьбе с международным терроризмом, поскольку это отвечает интересам страны. Пакистанское руководство согласилось предоставить воздушное пространство для нанесения ударов по Афганистану, на передвижение американских войск через свою территорию и на обмен информацией. Таким образом, Пакистан изменил свой внешнеполитический курс, отказался от союза с талибами и принял участие в международной антитеррористической кампании.

29 октября официальный представитель государственного департамента США Ричард Ваучер заявил, что американская админи-

страция решила предоставить Пакистану помощь в размере более 1 млрд. долл. и содействовать выделению ему еще нескольких миллиардов долларов по линии международных финансовых организаций с целью укрепления безопасности Пакистана как «ключевого члена антитеррористической коалиции, возглавляемой Соединенными Штатами»²⁵.

Под давлением США П.Мушарраф начал кампанию по борьбе с экстремизмом в Пакистане. 12 января 2002 г. пакистанский президент объявил о запрещении пяти экстремистских организаций («Джайш-и-Мохаммад», «Лакшкар-и-Тойба», «Сипах-и-Сахаба», «Техрик-и-Джафрия Пакистан», «Техрик-и-шариат-и-Мохаммади»), о введении контроля за деятельностью медресе. В январе 2002 г. было арестовано около 2100 экстремистов (хотя впоследствии большинство из них было выпущено на свободу), закрыто более 600 отделений экстремистских организаций, заморожены их банковские счета²⁶.

12–15 февраля 2002 г. состоялся визит президента П.Мушаррафа в США. Пакистанский руководитель провел переговоры с Дж.Бушем и государственным секретарем К.Пауэллом. Были достигнуты договоренности о восстановлении пакистано-американской консультативной группы по оборонным вопросам, о выделении 73 млн. долл. на усиление охраны пакистано-афганской границы, о компенсации Пакистану затрат на тыловое обеспечение группировки ВС США в Афганистане (около 60 млн. долл. в месяц)²⁷.

В марте 2002 г. государственный департамент США подтвердил, что Пакистан предпринимает эффективные меры по ликвидации торговли наркотиками и активно сотрудничает с США в этой сфере. Это позволило Белому дому выделить в 2002 г. 2,5 млн. долл. Пакистану на борьбу с наркоугрозой²⁸.

В июле 2002 г. на одобрение Конгресса США были переданы два соглашения о военных поставках США Пакистану на сумму 230 млн. долл.²⁹ В соответствии с этими соглашениями Пакистан должен был получить 7 транспортных самолетов C-1 ЗОЕ и 6 радиолокационных станций кругового обзора Aerostat. Это стало первым шагом к восстановлению военных поставок США в Пакистан. 18 декабря 2002 г. в рамках программы по обеспечению надлежащей охраны пограничных рубежей США передали Пакистану средства слежения и коммуникационное оборудование на сумму 4,5 млн. долл.³⁰ 30 июня 2002 года США объявили о своем решении поставить на вооружение Пакистана пять боевых вертолетов, три разведывательных самолета и другое военное оборудование на сумму 10 млн. долл. для усиления борьбы пакистанского правительства против терроризма³¹.

Белый дом менее критически стал оценивать соблюдение прав человека в Пакистане. Так, в докладе о ситуации с правами человека за 2001 г., подготовленном государственным департаментом и обнародованном 4 марта 2002 г., говорится, что пакистанское правитель-

ство добилось существенного прогресса в обеспечении соблюдения прав человека, включая свободу прессы³².

Новый этап тесного сотрудничества между Исламабадом и Вашингтоном не означал, однако, полного исключения проблемных вопросов из двусторонней повестки дня. После событий сентября 2001 г. США и Пакистан провели несколько раундов переговоров относительно повышения уровня безопасности и укрепления физической защиты ядерных объектов Пакистана.

В декабре 2002 г. во время визита помощника госсекретаря США по делам Южной Азии К.Рокки был поднят вопрос о возможном предоставлении Пакистаном ядерной технологии КНДР. К.Рокка также выразила озабоченность администрации США в связи с сотрудничеством между Пакистаном и КНДР в ракетной сфере. 18 декабря президент Пакистана П.Мушарраф заверил в телефонном разговоре госсекретаря США К.Пазулла в том, что Исламабад не оказывает помощи Пхеньяну в ядерной области. По итогам переговоров в Исламабаде К.Рокка подчеркнула, что США полностью удовлетворены заявлениями пакистанской стороны об отсутствии какого-либо сотрудничества или обменов с КНДР в ядерной области³³.

В конце января 2003 г. в американской прессе появились сообщения о том, что Пакистан в 1997–2002 гг. тайно поставлял Северной Корее центрифуги для обогащения урана и сведения о технологии создания ядерного оружия. Государственный департамент США заявил, что данный вопрос будет тщательно изучен, и если подобная деятельность Пакистана подтвердится, администрация США приостановит предоставление всех видов помощи (за исключением гуманитарной) этой стране³⁴.

Нажим на Мушаррафа усилился после того, как Ливия в декабре 2003 г. показала инспекторам МАГАТЭ сотни неоткрытых ящиков с деталями центрифуг, многие из которых, по некоторым сведениям, поступили сюда из Пакистана через Малайзию³⁵.

В попытке сгладить нарастающий конфликт между Исламабадом и Вашингтоном из-за возможной утечки ядерной технологии из Пакистана пакистанское руководство начало демонстративное расследование деятельности ряда своих ядерных центров. В январе 2004 г. были арестованы четверо сотрудников одного из пакистанских ядерных объектов. Они подозреваются в продаже в третьи страны технологий для обогащения урана и создания оружия массового поражения. По сведениям пакистанских спецслужб, продажа осуществлялась преимущественно в Ливию и Иран.

Параллельно продолжается сотрудничество между Пакистаном и США в проведении военной операции в Афганистане. В марте 2004 г. госсекретарь США Колин Пауэлл совершил визит в Пакистан, в ходе которого он заявил, что Соединенные Штаты готовы объявить Пакистан своим главным союзником вне НАТО³⁶. По информации сайта

ВВС News³⁷, новый статус должен прежде всего расширить сотрудничество в области безопасности между двумя странами. По этому поводу госсекретарь США провел переговоры с министром иностранных дел Пакистана Махмудом Касури.

Однако последние заявления ряда чиновников американского внешнеполитического ведомства привели к новому росту напряженности в двусторонних отношениях. По сообщению русской службы ВВС³⁸, 18 апреля 2004 г. государственный департамент США выступил с заявлением о том, что Вашингтон не планирует размещение американских войск на территории Пакистана с целью поимки боевиков «Аль-Каиды». Представитель госдепа заявил об этом в ответ на выступление американского посла в Афганистане Залмая Халилзада. Американский дипломат заявил, что если Пакистану не удастся поймать боевиков, то США придется вмешаться. Пакистан гневно отреагировал на слова посла, назвав их непозволительными.

Таким образом, все 90-е годы 20 в. характеризовались постепенным ухудшением пакистано-американских отношений и сужением сфер сотрудничества. С выводом советских войск из Афганистана, а затем и с окончанием «холодной войны» и распадом биполярной системы произошел коренной поворот в политике США в отношении Пакистана. На первый план в пакистано-американских отношениях вышли проблемы ядерного нераспространения, соблюдения прав человека, борьбы с терроризмом и строительством демократии в Пакистане. Соединенные Штаты на протяжении этих лет проводили жесткий курс в отношениях с Пакистаном по всем этим вопросам. В начале 90-х годов было введено эмбарго на предоставление военной помощи Исламабаду. После ядерных испытаний 1998 г., а затем после военного переворота 1999 г. против Пакистана были введены полномасштабные санкции. В конце 1999 г. пакистано-американские отношения достигли своей низшей отметки в 90-е годы.

Ситуация круто изменилась после террористических актов в Вашингтоне и Нью-Йорке 11 сентября 2001 г. В глазах американской администрации Пакистан вернул себе статус «прифронтового государства» и стал ключевым союзником США в борьбе с международным терроризмом. С Пакистана были сняты практически все санкции, и восстановлена экономическая, а также частично военная помощь.

Несмотря на общее потепление в американо-пакистанских отношениях, на сегодняшний день обе стороны отмечают наличие серьезных противоречий, требующих пристального внимания. Американская администрация, понимая и учитывая роль, которую играет сегодня Пакистан в ее антитеррористической кампании, вместе с тем продолжает проводить достаточно жесткий курс в отношении пакистанской ядерно-ракетной программы, сотрудничества Пакистана со «страной-изгоем» в ядерной сфере, а также усиливает нажим на пакистанское руководство в вопросе борьбы с терроризмом.

Исламабад, выражая заинтересованность в укреплении отношений с Вашингтоном, понимает временность и недолговечность сегодняшнего тесного сотрудничества с США. Как видно из событий последних нескольких месяцев, старые противоречия между двумя странами вновь выходят на первый план. Понимая неустойчивость своего положения, Пакистан стремится к диверсификации своих внешних связей и укреплению отношений со странами мусульманского Востока, Китаем, который на сегодняшний день является стратегическим партнером Исламабада, и с Россией, о чем свидетельствует визит президента Пакистана Первеза Мушаррафа в Москву в феврале 2003 года. Исламабад также взял курс на расширение сотрудничества со странами Юго-Восточной Азии, в том числе и в рамках Регионального Форума АСЕАН.

Таким образом, пакистано-американские отношения сохраняют неустойчивую динамику развития. При этом сохранение разногласий по ряду принципиальных проблем препятствует восстановлению былого стратегического партнерства, к чему декларативно призывает Пакистан, и на данном этапе позволяет ему в практическом плане рассчитывать только на придание стабильного характера политическому диалогу с США.

¹ Подробнее о Стратегии национальной безопасности США 1991 г. см.: National Security Strategy 1991 (www.fas.org/rnan/docs/918Q15-nss.htm)

² Она включала в себя укрепление сообщества зрелых рыночных демократий, возвращение и консолидацию молодых демократий и противодействие антидемократическим режимам с одновременной поддержкой их либерализации.

³ Поправка Пресслера, принятая в 1985 г., требовала от президента США в начале каждого финансового года подтверждать перед Конгрессом, что Пакистан не имеет ядерного оружия и помощь, предоставляемая со стороны США, существенно уменьшает риск того, что Пакистан такое оружие приобретет. В противном случае поставки вооружений из США в Пакистан должны быть прекращены.

⁴ Ядерное нераспространение. – М., 2002. Т. 1, с. 194.

⁵ Dennis Kux. The United States and Pakistan, 1947–2000. Washington, D.C., 2001. с. 308.

⁶ Ibid, с. 315.

⁷ Следует, однако, отметить, что Пакистан не прекратил оказание поддержки афганской оппозиции. С выводом советских войск из Афганистана был достигнут важный рубеж в выполнении основной стратегической задачи Пакистана. Следующей целью стал приход к власти в Афганистане дружественного Пакистану режима. Поэтому последующие пакистанские правительства (Б.Бхутто, 1988–1990 гг., и Н.Шарифа, 1990–1993 гг.) продолжали оказывать помощь афганской оппозиции.

⁸ См., например: Congressional Research Service Issue Brief. Order Code 93243. Richard P.Cronin, Barbara Leitch LePoer. South Asia: U.S. Interests and Policy Issues.

⁹ Администрация Буша воспользовалась тем, что в поправке Пресслера не оговаривались коммерческие сделки.

¹⁰ В ноябре 1992 г. в США состоялись президентские выборы. Победу одержал кандидат от Демократической партии – Билл Клинтон.

¹¹ Dennis Kux. *The United States and Pakistan, 1947–2000*. Washington, D.C., 2001. с. 321.

¹² КНР официально не является участником РКРТ. Однако Китай обязался соблюдать Руководящие принципы РКРТ. Вместе с тем законодательством США как страны-участницы РКРТ предусмотрено введение санкций против государства, нарушающего этот режим.

¹³ На тот момент Пакистан уже перечислил 658 млн. долларов. (Congressional Research Service Report. Order Code 95149. Richard P.Cronin. *Pakistan-U.S. Relations and Bilateral Issues*).

¹⁴ Ian Talbot. *Pakistan: A Modern History*. Lahore, 1999. с. 336.

¹⁵ Dennis Kux. *The United States and Pakistan, 1947–2000*. Washington, D.C., 2001. с. 331.

¹⁶ Подробнее см.: Dr. James Ingalls. *U.S. Foreign Policy in Afghanistan*.

¹⁷ Dennis Kux. *The United States and Pakistan, 1947–2000*. Washington, D.C., 2001. с. 336.

¹⁸ 5 ноября 1996 г. президент Пакистана Фарук Ахмад-хан Легхари отправил в отставку правительство Б.Бхутто и распустил Национальное собрание. 3 февраля 1997 года состоялись досрочные парламентские выборы. Пакистанская мусульманская лига завоевала почти две трети мест в Национальную ассамблею. Созданное по итогам выборов правительство Пакистана возглавил Миан Мухаммад Наваз Шариф.

¹⁹ Ibid, с. 345.

²⁰ Ядерное нераспространение. – М., 2002. Т. 1. с. 191.

²¹ Dennis Kux. *The United States and Pakistan, 1947–2000*. Washington, D.C., 2001. с. 349.

²² Ibidem.

²³ См., например: Congressional Research Service Issue Brief. Order Code 93243. Richard P.Cronin, Barbara Leitch LePoer. *South Asia: U.S. Interests and Policy Issues*.

²⁴ CRS Issue Brief for Congress. Order Code IB94041. K.Alan Kronstadt. *Pakistan-U.S. Relations*. Updated January 23, 2003.

²⁵ CRS Issue Brief for Congress. Order Code IB94041. Peter R.Blood. *Pakistan-U.S. Relations*. Updated March 10, 2002.

²⁶ Москаленко В.Н. Пакистан и Афганистан // Афганистан на переходном этапе (сентябрь 2001 -июнь 2002). – М., 2002. с. 143.

²⁷ CRS Issue Brief for Congress. Order Code IB94041. K.Alan Kronstadt. *Pakistan-U.S. Relations*. Updated January 23, 2003.

²⁸ Ibidem.

²⁹ Ibidem.

³⁰ Сообщение ИТАР-ТАСС от 18 декабря 2002 г.

³¹ Сообщение ИТАР-ТАСС от 30 июня 2002 г.

³² Pakistan Country Report on Human Rights Practices for 2001.

³³ Сообщение ИТАР-ТАСС от 18 декабря 2002 г.

³⁴ CRS Issue Brief for Congress. Order Code IB94041. K.Alan Kronstadt.
Pakistan-U.S. Relations. Updated January 23, 2003.

³⁵ Norm Dixon. Pakistan. How Washington helped create a nuclear rogue state
(<http://www.zmag.org/content/showarticle.cfm?SectionID=32&ItemID=4995>)

³⁶ <http://lenta.ru/world/2004/03/18/allv/>

³⁷ http://news.bbc.co.uk/go/pr/fr/-/2/hi/south_asia/3522174.stm

³⁸ <http://news.gala.net/?cat=23&id=145755>

ПАКИСТАН ВО ВСЕМИРНОЙ ТОРГОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

В 1947 г. в рамках ООН была создана Международная торговая организация (МТО). Ее созданию предшествовало предложение 50 стран о разработке Хартии МТО, но еще до ее принятия 23 страны из 50 участников переговоров, в т.ч. 11 развивающихся, среди которых был и Пакистан, начали переговоры о снижении и ликвидации таможенных тарифов и протекционистских мер. Всего было решено снизить около 45 тыс. тарифов, распространившихся на международную торговлю¹. Этот пакет договоренностей стал известен как Генеральное соглашение о тарифах и торговле (ГАТТ). И хотя по уставу оно носило временный характер, однако, оставалось единственным многосторонним инструментом, регламентирующим международную торговлю вплоть до 1995 г., когда была создана Всемирная торговая организация (ВТО), основанная на договоренностях ГАТТ.

За 40 лет до создания ВТО, в которую ныне входят 146 государств, многие развивающиеся страны рассчитывали на получение для себя особых условий, учитывая специфику своего колониального прошлого. Главным направлением деятельности ГАТТ, а ныне ВТО, является сочетание требования либерализации экономики, с одной стороны, и устойчивое социально-экономическое развитие, с другой. Сочетание одного требования с другим вызывало разногласия между развитыми и развивающимися странами и вынудило ГАТТ еще в 1957 г. разрешить введение временных ограничений для стран, нуждающихся в оформлении своих финансовых и экономических ресурсов. Несмотря на использование этих ограничений, развивающиеся страны, в т.ч. и Пакистан, так и не добились существенного роста экономики и повышения благосостояния народа. За чертой бедности в Пакистане продолжает жить более 1/3 населения.

Промышленно развитые страны, пользуясь своим преимущественным положением, устанавливали свой контроль над количественными ограничениями импорта, определенными ГАТТ, увязывая эти ограничения с фискальными мерами и валютным контролем. Более того, Запад, занимая главенствующие позиции в МВФ, навязывал количественные ограничения на импорт не столько подконтрольным правительствам развивающихся стран, сколько экспертам МВФ.

Еще в период существования ГАТТ Пакистан нес ущерб от навязываний ему ограничений на экспорт своих товаров на мировой ры-

нок, особенно в ЕС и США, поскольку введенная система квот ухудшала его экспортное положение. Пакистанские деловые круги вели многочисленные напряженные переговоры с ЕС, США, Канадой об увеличении квот на ввоз в них текстильных и ряда других товаров. Большим успехом считалось подписание в 1978 г. соглашения с США об экспорте пакистанского текстиля сроком на 4,5 года (с января 1978 г.). Предполагалось, что квота на 1978 г. составит 150 млн. кв. ярдов, а в последующие годы она должна была увеличиваться на 7% в год².

Введение квот повлияло на сокращение экспорта пакистанских товаров в Канаду, который за 1977 г. сократился на 33%³. Квотирование отрицательно сказывалось на торговых отношениях Пакистана со странами ЕС и особенно с Англией. Так, в 1977 г. Пакистан получил увеличенные квоты на обувь, спорттовары и некоторые виды сельскохозяйственной продукции. Однако регламентация ввоза серьезно влияла на структуру экспорта в страны ЕС и вызывала постоянное недовольство пакистанских деловых кругов.

В 80-е годы Пакистан заключал, как было предписано документами ГАТТ, как многосторонние, так и двусторонние соглашения, а также соглашения по отдельным видам продукции с ЕС, особенно по текстилю.

Вместе с тем после подписания Брюссельского соглашения 1976 г., Пакистан стал пользоваться наряду со странами Африки, некоторыми государствами Азии, бассейна Карибского моря и Тихого Океана системой преференций⁴. Однако в силу ряда технических обстоятельств он не всегда использовал выделяемые квоты. Особенно это касалось малых стран-членов ЕС, рынки которых были недостаточно изучены и освоены пакистанскими экспортёрами.

Таким образом, к моменту образования ВТО Пакистан испытывал на себе все положительные и отрицательные (коих было больше!) последствия вырабатываемых ГАТТ ограничений для развивающихся стран и, в частности, пытался преодолеть многочисленные торговые барьеры, которые Запад воздвигал перед экспортом традиционных и промышленных товаров.

В 1995 г. в ходе Уругвайского раунда переговоров была создана Всемирная торговая организация (ВТО), цель которой заключалась в построении интегрированной мировой экономики, налаживании организованного производства и обмена товарами и услугами. Новая организация унаследовала задачи, стоявшие перед ГАТТ, а именно: «повышение уровня жизни, обеспечение полной занятости и неуклонный рост доходов, более эффективное использование ресурсов планеты в процессе устойчивого роста, обеспечивающего сохранение природной среды обитания и жизнедеятельности человечества»⁵.

Эти вполне благородные цели сразу столкнулись с политикой развитых стран в отношении допуска на рынок развивающихся государств, которая определяется принципами протекционизма и дискриминации. Испытал это на себе и Пакистан.

По структуре экспорт из Пакистана носит ограниченный характер. Так, в 2001–02 гг. 5 главных товаров – хлопок и изделия из него, кожа, рис, синтетический текстиль и спорттовары составляли 79% всего экспорта, при этом хлопковая группа давала 59,4% всего объема экспорта, кожа – 6,8%, рис – 4,9%, синтетический текстиль – 4,5%. По стоимости вывоз 4 товарных групп (без спорттоваров) составляет 75,6% всех экспортных поступлений⁶.

Столь ограниченная номенклатура главных экспортных товаров, а именно эти товары подпадают под действие западных ограничений – снижение субсидий, квотирование, различного рода торговые барьеры, – крайне негативно сказывается на доходах от экспорта и на общем экономическом положении страны. Еще до создания ВТО западные страны и США ввели протекционистские нормативы в торговле тканями и одеждой, которые противоречили идее свободной торговли. Впоследствии ГАТТ, по существу, стала практически полностью игнорировать принцип наибольшего благоприятствования как основной принцип либерализации торговли.

Почти 40 лет мировая текстильная промышленность и экспорт ее продукции регулировались различными торговыми соглашениями: в 1961 г. было принято Краткосрочное соглашение по хлопку, затем с 1962 по 1973 гг. Долгосрочное соглашение, а с 1974 по 1994 гг. Соглашение по изделиям из различных видов волокон (МФА). В течение всего этого периода экспорт сначала изделий из хлопка, а позже из синтетического волокна и шерсти, а с 1986 г. – изделий практически из любых волокон был ограничен квотами, вводимыми на двусторонней основе. Развитые страны сосредоточили максимальный контроль за производством текстиля в своих руках. До мая 2003 г. распределение 92% квот в США и 76% ЕС находилось в их руках⁷.

С 1 января 2005 г. намечаются значительные льготы в системе квотирования, а по существу, наступает эра свободной конкуренции на мировом рынке текстиля. Пакистанские экспортеры и производители не выработали еще четкого отношения к этому событию. Одни считают, что Пакистан выиграет, завоевав новые рынки сбыта и увеличив вывоз текстиля. Другие, наоборот, полагают, что свободная конкуренция потребует выработки новой стратегии, увеличения номенклатуры, а главное – улучшения качества продукции. Ведь по подсчетам пакистанских экономистов, из-за низкого качества продукции и различного рода потерь страна недополучает ежегодно около 450 млрд. рупий⁸.

Как изменится ситуация для пакистанской текстильной промышленности после 1 января 2005 г.? Исторически сложилось так, что эта отрасль была достаточно прочно и на длительные периоды защищена от конкуренции. Это приводило к тому, что качество продукции улучшалось крайне медленно. Основным потребителем низкосортной продукции был емкий внутренний рынок. Торговая политика правящих

режимов косвенно защищала неэффективных и слабых производителей, выделяя им квоты на экспорт, и не способствовала их стремлению увеличивать добавленную стоимость в структуре цен. Экспортеры боролись не столько за улучшение качества, сколько за размеры квот.

В то же время пакистанские производители и экспортеры практически никогда не использовали полностью выделенные им квоты. В среднем 25% квот оставались неиспользованными. В 2001–2002 гг. процент использования квот составил для США 84 и 85%, ЕС – 78 и 76%, а в среднем – 75 и 74%. Объем неиспользованных квот составил 1147 млн. кв. м, а по стоимости – 600 млн. долл.⁹

Еще одним инструментом, который применяют развитые страны, являются антидемпинговые меры, блокирующие экспорт развивающихся государств. Пакистанские ткани для постельного белья неоднократно попадали под антидемпинговые меры. Вот и в декабре 2003 г. министр торговли Пакистана ездил в Брюссель для выяснения, будут ли введены с марта 2004 г. антидемпинговые пошлины в размере 14,1% на ткани для постельного белья, о которых заявил европейский комиссар по торговле в ноябре 2003 г.

Представители бизнеса и Всепакистанской ассоциации текстильных фабрик предложили привлечь самых авторитетных лиц, вплоть до президента П.Мушаррафа, для проведения переговоров с ЕС о снятии пошлин с тканей на постельное белье и рис басмати, ибо очевидной целью введения этих пошлин является «вытеснение средних и мелких экспортеров с рынков ЕС»¹⁰. Однако ряд стран – Италия, Франция, Испания, Португалия и некоторые другие – выступают за введение пошлин на пакистанские ткани для постельного белья. В случае же отказа от введения пошлин Пакистан получит возможность экспортировать до 60 тыс. т текстиля¹¹.

Представители названной ассоциации заявляют, что «региональные и двусторонние торговые соглашения могут стать еще одним барьером для пакистанских экспортеров, поскольку члены торгового соглашения имеют доступ на эти рынки с более низкими пошлинами. Пакистан входит в четверку стран мира (Афганистан, Монголия и Исландия), которые не заключали каких-либо соглашений о свободной торговле. Любое такое соглашение потребует 5–7 подготовительных лет, прежде чем начнет действовать. Предполагаемое соглашение о свободной торговле между Шри Ланка и Пакистаном начнет действовать в 2007 г. в случае его заключения сейчас (в 2003 г.)»¹².

Пакистан сделал свою экономику открытой в соответствии с требованиями ВТО, а текстильный сектор готов увеличить свою рыночную долю, когда режим текстильных квот перестанет действовать¹³.

Пакистанские власти настолько серьезно относятся к ВТО, что решили создать отряд особого назначения (Task Force) из числа парламентариев для исследования политики ВТО и представления рекомендаций по вопросам сельского хозяйства, несельскохозяйственно-

го сектора и сферы услуг, что позволило бы «идти в ногу с требованиями ВТО»¹⁴.

Ведь Пакистан – страна аграрно-индустриальная, где роль сельского хозяйства достаточно велика. В сельском хозяйстве занято 48,4% всей рабочей силы, и из 149 млн. человек всех жителей 67,5% составляет сельское население. Доля сельского хозяйства в ВВП превышает 24%¹⁵. В связи с этим очень важным кажется устранение протекционистской практики промышленно развитых стран и облегчение доступа на рынок Пакистана продукции сельского хозяйства, с одной стороны, и вывоза его продукции, с другой.

Еще в период действия ГАТТ, а затем и ВТО, сельское производство пользовалось рядом льгот, включавших субсидирование и квотирование экспорта. Однако еще в 1958 г. ГАТТ признало, что «протекционистские меры – высокие импортные пошлины и экспортные субсидии – оказывают серьезное влияние на сельскохозяйственный сектор, деформируя международную торговлю его продукцией, порождая перепроизводство и демпинг»¹⁶.

В 1995 г., в преддверии Уругвайского раунда, 15 стран создали комиссию по проблемам сельского хозяйства, целью работы которой было уменьшение субсидирования сельскохозяйственного производства и экспорта развитых стран и принятие соглашения по сельскому хозяйству с шестилетним переходным периодом для развитых и десятилетним для развивающихся стран, начиная с 1995 г., и доведение ставки пошлин для первых до 36% и до 24% для вторых за указанные периоды. И хотя в соглашении намечались крайне важные для развивающихся стран меры, как то: поддержка внутреннего производства, допуск на рынок, продовольственная безопасность и т.д., их реализация оказалась далека от выполнения. Ставки пошлин на ряд сельскохозяйственных товаров развитых стран остаются выше тарифного эквивалента всех таможенных мер, которые применялись в 1986–1988 гг. По рису наивысший уровень пошлин для некоторых стран-экспортеров составлял до 207%. Пакистан и ныне испытывает давление со стороны ВТО и МВФ при поставках основных сельскохозяйственных продуктов на экспорт. Ноябрьское заявление (2003 г.) ЕС о введении антидемпинговых пошлин на пакистанский текстиль для постельного белья и рис басмати вызвало недоумение у деловых кругов, которые считают, что эти меры имеют целью внести сумятицу в экономику Пакистана, основанную на экспорте текстиля и сельскохозяйственных товаров¹⁷.

Ранее принятое решение ЕС, начавшее действовать с 1 января 2004 г., предполагало введение импортной пошлины в размере 250 евро за 1 т высшего сорта риса – басмати, что делает пакистанский рис менее конкурентоспособным по сравнению с рисом, поступающим из других стран. А ведь именно в страны ЕС в 2002–2003 г. экспортировалось риса на 53 млн. долл.¹⁸

Помимо антидемпинговых мер, ЕС проводит протекционистскую политику в отношении своего сельскохозяйственного сектора и вводит ограничения вплоть до запрета на импорт ряда продуктов. Так, ЕС запретил ввоз пакистанских морепродуктов, т.к. экспортеры просили правительство предоставить им субсидии, против которых выступает ЕС¹⁹.

ВТО проводит политику сокращения субсидий на сельхозпродукты, но делает это гораздо активнее в отношении развивающихся стран. Пакистану потребовалось много усилий, чтобы постепенно сокращать субсидии на удобрения, а ныне и на пшеницу. Наивно полагать, чтобы правительства повсеместно и сразу отказались от сельскохозяйственных субсидий. Либерализация аграрного сектора развивающихся стран сама по себе не обеспечивает улучшения жизни населения, особенно занятого в этом секторе. Поэтому необходимо принять радикальные меры, которые обеспечивали бы продовольственную безопасность многих развивающихся стран. Но ее обеспечение – вопрос открытый, ибо даже при избытке сельхозпродукции на рынках многие страны просто не имеют средств на их закупку.

В основополагающих документах ВТО вступление в нее и практика деятельности государств-членов обусловлены рядом требований, таких как внедрение международных стандартов качества экспортных товаров, что позволило бы не только облегчить их выход на мировой рынок, но и сохранить здоровье и жизнь обитателей планеты.

В рамках ВТО и на фоне усиливающейся глобализации большое внимание уделяется свободе переноса технологий, капиталов и квалифицированной рабочей силы. Эти проблемы нашли свое отражение в Генеральном соглашении о торговле услугами (ГАТС), заключенном во время Уругвайского раунда переговоров. Многие развивающиеся страны, в т.ч. и Пакистан, присоединились к этому соглашению, ибо оно дает возможность облегчить право на открытие конкретных рынков услуг.

Провал Канкунской конференции (Мексика), основной причиной которого явился неурегулированный вопрос о сельскохозяйственных субсидиях, а также проблема конкуренции, инвестиций и обеспечения прозрачности торговли, сильно затруднил достижение соглашения между развитыми и развивающимися странами и создал серьезные трудности в мировой торговле.

Пакистан готовится к новым правилам деятельности ВТО с 2005 г. Чтобы упрочить положение с текстильной продукцией, особое внимание уделяется качеству хлопка-сырца и ввозу и производству современного текстильного оборудования, чтобы, когда будут отменены квоты, Пакистан повысил свою конкурентоспособность. В других областях страна также предпринимает соответствующие усилия, поскольку до сих пор «пакистанский экспорт все больше и больше зависит от некачественных технологий. Эту тенденцию необходимо преодолеть»²⁰.

- ¹ Pakistan Observer, 3.10.2003; The Herald, February 2004.
- ² Pakistan Times, 15.10.1977.
- ³ Pakistan Economist, 14.03.1978.
- ⁴ Pakistan Development Review, 1976, № 1.
- ⁵ МЭ и МО. 2003, № 6, с. 5.
- ⁶ Pakistan Economic Survey 2002–03, с. 132.
- ⁷ The News, 2003, September.
- ⁸ The News, 3.10.2003; Dawn. 22–28.09.2003.
- ⁹ Dawn, 22–28.09.2003.
- ¹⁰ The News, 18.12.2003.
- ¹¹ Dawn, 21.12.2003, The News, 18.12.2003; 5.12.2003.
- ¹² The Nation, 11.02.2003.
- ¹³ The Nation, 19.09.2003; 11.02.2003.
- ¹⁴ The Nation, 19.09.2003.
- ¹⁵ Pakistan Economic Survey 2002–03, с. 13.
- ¹⁶ МЭ и МО, 2003, № 6, с. 8.
- ¹⁷ Pakistan Observer, 16.12.2003.
- ¹⁸ Dawn, 18.12.2003.
- ¹⁹ The News, 15.12.2003.
- ²⁰ The Herald, February 2004.

**СЕЛЬСКОЕ РАЗВИТИЕ ПАКИСТАНА:
МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОМОЩЬ И ГЛАВНЫЕ ДОНОРЫ**

В качестве суверенного государства на политической карте мира Пакистан существует с августа 1947 г. Однако, получив политическую независимость от Британской Индии, государство так и не смогло добиться полной экономической независимости от Запада, несмотря на четко обозначенные цели стратегического развития и социально-экономические реформы, проводимые всеми пакистанскими правительствами. На протяжении почти шести десятилетий пакистанская экономика развивалась и продолжает развиваться при широкой поддержке ведущих международных организаций и западных стран – в форме продовольственной помощи, финансовых займов, равно как и даров, грантов и безвозмездных субсидий, в том числе и со стороны неправительственных организаций. Главными финансовыми донорами Пакистана традиционно выступают МБРР, МАР, МВФ, США и страны ЕС. Кроме того, большое значение для социально-экономического развития Пакистана имеет помощь, оказываемая Азиатским банком развития (АБР), Японией и Кувейтом.

В целом на протяжении всего периода независимого существования Пакистана происходил неуклонный рост международной помощи этой развивающейся стране, и в то же время наблюдалось видоизменение ее форм, методов и целевых направлений¹. Особенно четко динамика иностранной помощи прослеживается по пятилетним планам, начиная с 1955 г., поскольку в первое десятилетие независимого развития Пакистан получал в основном помощь продовольствием со стороны США (с 1954 г. – в рамках Закона 480 о сельскохозяйственной помощи развивающимся странам).

Одновременно происходило постепенное увеличение доли займов при сокращении удельного веса даров и, как следствие, неуклонный рост внешнего долга Пакистана. Так, доля даров и грантов в общей структуре помощи в первом пятилетнем плане (1955–1960 гг.) составляла 80%, однако в течение второй пятилетки (1960–1965 гг.) она сократилась до 46% и продолжала падать до 31% в третьей пятилетке (1965–1970 гг.) и до 10% в четвертой пятилетке (1970–1975 гг.). В последующие годы доля даров возросла более чем вдвое – до 22% в течение пятой пятилетки (1978–1983 гг.) и оставалась примерно такой же в годы шестой пятилетки (1983–1988 гг.).

Широко известно, что подобный рост был связан в основном с войной в Афганистане и, как следствие, с массовой помощью афганским беженцам, размещенным на пакистанской территории. Естественно, что после вывода советских войск из Афганистана в 1989 г. доля даров вновь стала падать, составив 16% в течение седьмой пятилетки (1988–1993 гг.) и лишь 9% в последующие годы (1993–1998 гг.). Затем она вновь поднялась до 15% в 1998–99 финансовом году и далее до 18% в 1999–2000 ф.г.² Данная тенденция была обусловлена не столько увеличением безвозмездной помощи, сколько резким сокращением всей финансовой подпитки после ядерных испытаний, произведенных Пакистаном весной 1998 г.

Позже вследствие экономических санкций против Пакистана вновь начала прослеживаться тенденция сокращения доли даров – до 4% в 2000–01 ф.г. Однако наступило 11 сентября 2001 г., после которого Пакистан сумел выступить в качестве активного члена антиталибской коалиции, переменяя тем самым отношение к себе со стороны главных финансовых доноров и инвесторов. В 2001–02 ф.г. доля даров составила 31%, в 2002–03 – 15%³, вернувшись на уровень относительно стабильных 90-х годов.

Параллельно наблюдались изменения в целевой направленности выделяемой Пакистану помощи – от прямых поставок продовольствия в 50-е годы к широкой технико-экономической помощи в 60-е, поддержке сельского хозяйства в рамках внедрения достижений «зеленой революции» в 70-е, военному сотрудничеству и помощи афганским беженцам в 80-е годы, повышенному вниманию к промышленной и транспортной инфраструктуре в 90-е годы и, наконец, начиная со второй половины 90-х – к социальной сфере (медицина, образование, борьба с бедностью) и проблемам экологии в рамках глобальной концепции устойчивого развития.

Пожалуй, единственными сферами пакистанской экономики, получавшими финансовую помощь со стороны Запада на протяжении всего независимого развития страны, были (и по-прежнему являются) лишь два направления – это энергетика и так называемое сельское развитие. Анализ энергетики, самостоятельной и наиболее динамично развивающейся в последние годы отрасли экономики, не входит в рамки данной работы. Отметим лишь, что начиная с 80-х годов она традиционно является сферой вложения государственных и частных инвестиций, нацеленных в основном на разработку проектов и строительство гидротехнических сооружений. В настоящее время главными иностранными инвесторами в энергетическом секторе выступают Великобритания, Китай и Япония, однако в этой стратегической отрасли имеются перспективы для дальнейшего расширения взаимовыгодного сотрудничества, в частности с российской гидроэнергетикой.

Что же касается помощи сельскому развитию Пакистана, то здесь можно проследить другие тенденции – от широкомасштабных

программ при финансовой поддержке Запада, охватывавших весь Пакистан в 60–70-е годы, к целевым программам по развитию транспортной системы и социальной инфраструктуры в сельской местности в 80–90-е, которые в конце 90-х сменились включением сельского развития в программы борьбы с бедностью.

В последние годы все большее внимание со стороны иностранных доноров отводится конкретным программам локального развития отдельных отсталых сельских районов, в то время как помощь сельскому Пакистану на макроэкономическом уровне постепенно сокращается. Причина связана с неэффективностью экономической политики государства и массовой коррупцией (по этим показателям Пакистан не является уникальным государством) – далеко не вся выделяемая спонсорами помощь может дойти непосредственно до сельских жителей. В этой связи все большее значение для сельского развития приобретают относительно небольшие по своему объему спонсорские подпитки отдельных стран (например, Японии, Кувейта и Канады), а также частных благотворительных организаций (в первую очередь, со стороны Фонда Ага-хана), в то время как доля международных спонсоров постепенно сокращается. Как правило, функции последних все больше ограничиваются теоретическими рекомендациями (по аналогии с началом 60-х гг.) и критическим анализом экономического развития Пакистана (в основном в зеркале изменений в региональной и глобальной политике).

Как уже было отмечено, первые крупные вливания в сельское развитие Пакистана начались в годы первых пятилеток, причем все они разрабатывались и проводились в основном по инициативе и рекомендациям самих западных доноров. Вскоре после обретения Пакистаном независимости была разработана и в 1953 г. принята к реализации программа «Сельскохозяйственное и промышленное развитие деревни» (Village – Agricultural and Industrial Development, V-AID), опиравшаяся на традиции в общинном развитии деревни. Основание для V-AID было заложено еще в 20–30-е годы деятельностью чиновника британской колониальной службы Р.Л.Брайана, подготовившего программу по повышению занятости, улучшению бытовых условий, поднятию культурного уровня сельского населения⁴. Целями программы V-AID стали: увеличение занятости и доходов сельского населения путем развития кустарных промыслов; строительство в сельской местности школ, больниц, ветеринарных станций; расширение системы водоснабжения; развитие сельскохозяйственной кооперации. Программа в определенной мере выполнялась только в первые годы после ее провозглашения. К концу 50-х годов всякая деятельность в этом направлении в большинстве сельских районов была приостановлена, и в 1962 г. она была официально отменена администрацией М.Айюб-хана. К 1962 г., согласно программе V-AID, были проведены лишь мероприятия, ограниченные в основном строитель-

ными работами в ряде районов Панджаба и Синда. Это было вызвано отсутствием координации между различными административными звеньями и плановыми организациями, ответственными за ее реализацию, а также нехваткой финансовых средств, в том числе и в виде иностранной помощи.

Однако правительство ощущало необходимость в реализации подобных мероприятий, и в 1963–64 ф.г. была разработана Программа сельских работ (Rural Works Programme, RWP) для Западного Пакистана. Первоначально, в 1962–63 ф.г. аналогичная программа была введена в Восточном Пакистане.

Программа сельских работ унаследовала основные направления своей предшественницы; но центральное место в процессе ее осуществления заняло, безусловно, сооружение объектов инфраструктуры. Строились ирригационные объекты, дороги, мосты, рыночные и складские помещения, в меньшей степени – больницы и школы. Опыт реализации программы в Восточном Пакистане наглядно показал, что в ходе эксперимента в округе Комилла больше других выиграли те хозяйства, которые и до введения программы уже имели товарные излишки и работали на рынок. Правда, вследствие общей отсталости и бедности бенгальской деревни этот результат проявлялся постепенно и стал особенно заметен уже после образования Бангладеш⁵.

В Западном Пакистане программа, с точки зрения ее авторов, имела менее важное значение и получила соответственно меньшее распространение. Это подтверждается данными о финансовом обеспечении программы: по второму пятилетнему плану на нее было ассигновано 800 млн. рупий, из них 550 млн. рупий приходилось на долю Восточного Пакистана и только 250 млн. рупий – Западного; из 1800 млн. рупий, ассигнованных по третьему плану, Восточному Пакистану выделялось 1200 млн. рупий, в то время как Западному – вдвое меньше⁶. Подобные диспропорции в финансировании объяснялись тем, что в Восточном Пакистане программа должна была помочь «вырасти» средним фермерам; на западе страны, где на роль лидеров товарного производства проектировались крупные собственники, получавшие помощь от государства в виде поставок субсидируемой техники, программа становилась чем-то второстепенным. Характерна в этом отношении и динамика реализации программы. В рамках второго пятилетнего плана она выполнялась довольно интенсивно. В годы третьего пятилетнего плана, совпавшего с развертыванием «зеленой революции», RWP все больше теряла свое значение для властей; в итоге из ассигнованных на нее 600 млн. рупий было освоено менее половины – 280 млн.⁷ По четвертому плану программу вообще намечалось фактически свернуть – ассигнования на нее за 1970–1975 гг. должны были составить только 100 млн. рупий. Помимо падения интереса режима к программе следует в этой связи отметить и внешнеполитический фактор – политику свертывания иностранной помо-

щи, поскольку с самого начала основная часть ассигнований на осуществление программы выделялась США, согласно Закону 480.

На смену Программе сельских работ, проводимой в основном в Восточном Пакистане, в 1972 г. правительством З.А.Бхутто были выдвинуты две аналогичные программы, нацеленные на расширение социальной базы «зеленой революции» – Комплексная программа развития деревни (Integrated Rural Development Programme, IRDP) и Программа народных работ (Peoples Works Programme).

Целью IRDP провозглашалось «улучшение условий жизни и социального статуса сельского населения путем объединения усилий жителей деревни с усилиями правительства и частных предпринимателей»⁸. Программа намечала предпочтительное развитие трудоемких отраслей, внедрение современных технологий, развитие в сельской местности мелкой и кустарной промышленности, транспортной сети. Финансирование программы осуществлялось за счет привлечения ресурсов частного сектора, а также финансовой помощи государства, которая была направлена на ключевые проекты. Чтобы избежать распыления средств, отпускаемых на развитие деревни, и в то же время максимально использовать местные ресурсы, программа предусматривала создание особых центров развития – «марказов» (обычно мелкий населенный пункт городского типа или большое село). К июню 1978 г. в Пакистане было создано 137 из 700 намеченных «марказов». Общие запланированные ассигнования за 1972–1978 гг. должны были составить 194,2 млн. рупий, из них к началу 1977 г. было реализовано 145,6 млн.⁹ Но только 34 «марказа» проявили некоторую активность по тем направлениям, которые были предписаны Комплексной программой, и лишь три из них добились подлинно значительных успехов в реализации положений программы¹⁰.

Как уже было отмечено, в 1972 г. была принята Программа народных работ (PWP). За ее выполнение также отвечали «марказы», и в этой деятельности они добились, пожалуй, наибольших успехов. Преследуя во многом те же задачи, что и аналогичная программа 60-х годов, она заметно отличалась от своей предшественницы. Основной акцент делался на развитии производственной инфраструктуры, почвенной реclamation. Работы велись по принципу трехстороннего сотрудничества: государство выделяло средства, «марказы» – технику и специалистов для руководства, деревня – незанятую рабочую силу, получавшую вознаграждение за труд. Всего в рамках программы за 1972–1978 гг. было намечено освоить 1046 млн. рупий. К 1979 г. было израсходовано 979,9 млн. рупий (более 93%), из них в Панджабе – 64,3%, в Синде – 15,2%, в Северо-Западной пограничной провинции – 6,7%, в Белуджистане – 5% и примерно по 4% в Азад Кашмире и районе племен¹¹. Следовательно, традиционно основные ассигнования доставались наиболее развитым сельским районам.

Основными международными донорами, оказывавшими помощь сельскому развитию Пакистана (в частности, программам RWP, IRDP и PWP) в 1965–1985 гг. выступали МБРР и его филиал Международная Ассоциация развития (МАР), выделившие на льготных условиях специально для Банка сельскохозяйственного развития Пакистана соответственно один и пять кредитов на общую сумму 155 млн. долларов¹².

В целом во время правления М.Зия-уль-Хака (1977–1988) целевые программы сельского развития касались транспортной инфраструктуры и ирригационной системы – именно они получали основную международную помощь со стороны ведущих доноров. И именно в эти годы значительно активизировал свою деятельность Азиатский банк развития (АБР).

Первый льготный кредит со стороны АБР был выделен Банку сельскохозяйственного развития Пакистана еще в 1970 г., однако он был направлен не на сельское развитие, а на становление морского рыболовства. Первый кредит на сельское развитие, точнее – на развитие пакистанского агропромышленного комплекса, АБР выделил в 1982 г. – 50 млн. долларов¹³.

В середине 80-х годов АБР провел большие исследовательские работы в Пакистане, в результате которых был опубликован доклад «Стратегии экономического роста и развития: роль Банка в Пакистане», определивший главные направления работы Банка в сельском Пакистане¹⁴. Стратегия АБР предполагала помощь в увеличении продуктивности земледелия, повышении урожая основных продовольственных культур наряду с диверсификацией и поддержкой второстепенных культур в более отдаленной перспективе. Доклад также включал такие направления поддержки, как модернизация и эксплуатация существующей ирригационной системы, управление водным хозяйством в сельской местности, развитие рыночной сети, сельскохозяйственные исследования и проблемы кредитования фермеров, агропромышленный комплекс и налаживание транспортной инфраструктуры (развитие системы дорог по принципу farm-to-market или «от поля к рынку»). К 31 декабря 1985 г. АБР выделил Пакистану 2684 млн. долл. – 57% из специальных концессионных резервных фондов и 47% из основных фондов Банка¹⁵.

С середины 80-х годов главным направлением финансовой помощи АБР Пакистану все больше становится транспортная инфраструктура в сельской местности. В январе 1986 г. Банк подписал соглашение с правительством Пакистана о выделении льготных кредитов на строительство 800 км дорог по системе «от поля к рынку» в 12 округах Пакистана, в основном в СЗПП и Белуджистане. Общая стоимость проекта оценивалась в 704 млн. рупий, включая вклад АБР в размере 480 млн. рупий в форме беспроцентного кредита. Проект стартовал в начале 1987 г. и был практически завершен к июню 1991 г.¹⁶

Вторая стадия проекта АБР включала реконструкцию и строительство 2000 км дорог в 20 округах Синда, СЗПП и Белуджистана. Новые дороги должны были присоединиться к 800 км уже построенным в течение первой стадии. Реализация проекта была рассчитана на 60 месяцев и должна была быть завершена к декабрю 1993 г.¹⁷

Параллельно АБР с середины 80-х годов активно участвовал в различных совместных проектах по развитию сельского Пакистана. Так, например, совместно с МБРР и Международным Фондом сельскохозяйственного развития (МФСР) он оказывал поддержку проекту по развитию скважинной ирригации в засушливых районах Синда (так называемые земли *бараны*), проекту по управлению водным хозяйством в сельском Пакистане, а также в локальном проекте по сельскому развитию округа Гуджранвала в Панджабе. Последний проект был нацелен на развитие системы финансовой помощи мелким фермерам посредством создания институтов кредитования по линии Банка сельскохозяйственного развития Пакистана.

МФСР, со своей стороны, параллельно разрабатывал проект сельского развития округа Читрал в СЗПП. В своих рекомендациях Банку сельскохозяйственного развития Пакистана организация отмечала необходимость направления основных потоков финансовой помощи «в самые бедные районы, где проживает сельское население страны»¹⁸.

В апреле 1988 г. при поддержке МБРР и МАР была разработана комплексная программа сельского водоснабжения, охватывавшая весь Пакистан, а также специальные программы, подготовленные провинциями по Синду, Белуджистану и Азад Кашмиру. Общая стоимость ассигнований оценивалась в 4530 млн. рупий, МАР выделял заем на 132,0 млн. долл. Проект планировалось осуществить в течение 1990–1998 гг., в цели реализации входило развитие водных ресурсов, создание усовершенствованной системы водоснабжения и дренажа, восстановление и модификация существующих систем водоснабжения и канализации¹⁹.

Аналогичной проблеме (водоснабжение и канализация в сельской местности) был посвящен проект ЮНИСЕФ, который был рассчитан на 1988–1992 гг., должен был охватить более 40 тысяч сельских домовладений и оценивался в 15,56 млн. долл.²⁰

При поддержке Дании в 1988 г. была разработана программа по строительству системы водоснабжения в сельских районах Белуджистана. Общая стоимость проекта оценивалась в 76,09 млн. рупий, из которых дар датского правительства составил 68,01 млн. рупий, а 8,08 млн. выделялось правительством Белуджистана²¹.

В июне 1987 г. было подписано соглашение с ЮСАИД о строительстве и реконструкции существующих дорог во всех округах Синда. Протяженность дорог составляла 1300 км. Стоимость проекта оценивалась в 995,59 млн. рупий. Из этой суммы 731 млн. (43 млн. долл.)

выделялось ЮСАИД в качестве дара, остальные 264,59 млн. рупий (15,56 млн. долларов) финансировались пакистанским правительством. Реализация стартовала в феврале 1988 г., завершение планировалось на декабрь 1994 г.²²

В целом в 80-е годы в международной помощи сельскому развитию наметились четкие тенденции: при увеличении общего объема финансовой поддержки, как в форме даров, так и льготных кредитов, усиленная направленность на развитие инфраструктуры. Что касается адресности выделяемой Пакистану помощи, то от высокоразвитых районов Панджаба и Синда, где преобладало орошаемое земледелие и где в 70-е годы делалась ставка на успехи «зеленой революции», помощь все больше перемещалась в отсталые районы СЗПП и Белуджистана. Естественно, что все совместные программы, равно как и стратегические проекты и рекомендации международных организаций выдвигались на основе концепций о необходимости подъема отсталых районов и сокращения региональных диспропорций в экономике страны. Вместе с тем нельзя забывать и о геополитической стратегии этих программ, ибо развитие транспортной инфраструктуры (а по сути, начало ее строительства) все больше подтягивалось к пакистанским границам с Афганистаном и Ираном.

В этой связи, на наш взгляд, особый интерес представляет Специальный план развития Белуджистана, разработанный правительством М.Зия-уль-Хака в августе 1980 г., который был рассчитан в основном на финансовую и экономическую помощь извне. В целом программа, осуществление которой планировалось на 4 года, оценивалась в 111392 млн. рупий. Из общей суммы иностранные инвестиции должны были составить 4658 млн. рупий или 24%. Наибольшие ассигнования, как государственные, так и иностранные, направлялись в транспортную структуру (9634,74 млн. рупий), добывающую промышленность (5550,0 млн.), водное хозяйство (1590,1 млн.) и энергетику (1209,23 млн. рупий)²³.

Главными инвесторами программы предполагались МБРР и США. В декабре 1980 г. во время своего визита в США Зия-уль-Хак представил Специальный план на рассмотрение комиссии МБРР, однако перспективы основных предусмотренных планом проектов оставались неопределенными и не фигурировали в бюджетах Исламабада вплоть до лета 1982 г. На специальном заседании комиссии МБРР и МВФ в декабре 1980 г. необходимость поддержки Плана была подчеркнута представителями США, однако они при этом акцентировали в основном необходимость помощи афганским беженцам.

В 1981 г. были достигнуты определенные успехи по привлечению иностранной помощи для осуществления Специального плана из Кувейта, Великобритании, ФРГ и Японии. Так, Кувейт постановил выделить 130,2 млн. рупий на программу сельской электрификации в Белуджистане, согласно которой электричеством должны были быть

охлажены 300 деревень, а также 140,3 млн. рупий на строительство водохозяйственных объектов. Великобритания согласилась ассигновать 80 млн. рупий на строительство ирригационной системы в округах Зхоб, Суй и Заарат²⁴.

В марте 1982 г. было заключено соглашение с МБРР и МАР о выделении Пакистану беспроцентного кредита на 85 млн. долл. (40 млн. – МАР и 45 млн. – МБРР) для развития ирригационной системы во всех провинциях, в том числе и малой ирригации и разведки подземных водных запасов в Белуджистане. На практике специальные ассигнования для развития Белуджистана выделены не были, а общие инвестиции МАР на ирригационную систему всего Пакистана не превысили 15 млн. долл.²⁵

Одновременно была разработана специальная программа, направленная на развитие животноводства в Белуджистане, общей стоимостью в 184,4 млн. рупий. Программа предусматривала строительство животноводческих комплексов в Кветте, Пишине, Зхобе и Лоралаи. Внешняя финансовая помощь должна была поступать со стороны ЕЭС (87 млн. рупий) и АБР (75 млн. рупий), остальная часть обеспечивалась провинциальным правительством²⁶.

В июне 1982 г. при утверждении годового плана развития Белуджистана на 1982–83 ф.г. был впервые официально упомянут Специальный план развития провинции. Общие ассигнования федерального правительства на реализацию Специального плана должны были составить 860 млн. рупий (в дополнение к 600 млн. рупий из провинциального бюджета), из которых 710 млн. рупий или 82,5% планировалось получить за счет международной помощи²⁷.

Общая сумма международной помощи пакистанскому Белуджистану по упомянутым выше соглашениям составила около 750 млн. рупий, но она должна была предоставляться поэтапно в течение четырех лет, а за этот период Пакистан намеревался получить уже 4658 млн. рупий (в рамках Специального плана). Однако, видимо, Пакистан несколько переоценил свое стратегическое значение для зарубежных доноров, а потому их вложения в социально-экономическое развитие Белуджистана оказались значительно ниже.

В период нахождения у власти гражданских правительств Б.Бхутто и Н.Шарифа был взят курс на крупные займы и инвестиции при условии выполнения рекомендаций со стороны МБРР и МВФ (по сути, на увеличение внешнего долга). В то же время значение сельского развития страны заметно снизилось – это касалось как экономической стратегии государства, так и позиции главных международных доноров. В рамках выполнения восьмого пятилетнего плана (1993–1998 гг.) на смену программам сельского развития пришли так называемые Программы социального действия (Social Action Programmes, SAP). Первая из них – SAP-I, была рассчитана на 1993–1996 гг., вторая – SAP-II на 1996–2000 гг.²⁸ Финансирование программ планировалось за

счет федерального бюджета, провинциальных правительств и международной помощи. Однако именно вследствие трудностей в получении иностранной помощи (особенно после ядерных испытаний Пакистана в мае 1998 г.) практическое осуществление программ значительно отставало от запланированных рубежей и фактически не было доведено до конца.

Так, например, общие ассигнования на SAP-I составили 106,4 млрд. рупий (83,4% от запланированных); помощь иностранных доноров оценивалась в 13 млрд. рупий по сравнению с 28 млрд. рупий, включенными в план²⁹. Общие расходы на SAP-II за 1997–2002 гг. должны были составить 498,8 млрд. рупий, включая помощь доноров в размере 101,0 млрд. рупий (20,2%). Однако размер внешней помощи вновь оказался значительно ниже запланированного уровня. По официальным данным, в 1999–2000 ф.г. государством было выделено 59,4 млрд. рупий (83,3%), донорская подпитка составила лишь 7,9 млрд. рупий (11,7%)³⁰. Главными донорами этих программ выступали МАР, Великобритания, Нидерланды, ЮНИСЕФ, ЕС. В отличие от проектов 80-х годов, нацеленных на развитие отсталых районов Белуджистана и СЗПП, основная часть средств по программам SAP-I и SAP-II направлялась на развитие Панджаба и Синда³¹.

Пришедший к власти в октябре 1999 г. генерал П.Мушарраф должен был, по идее, завершить программу SAP-II, однако в связи с большими проблемами в получении иностранной помощи он избрал иной и, пожалуй, более дальновидный курс. По сути, новый военный администратор Пакистана оказался перед выбором: проводить политику согласно рекомендациям МБРР (сократить расходы на оборону) или окончательно лишить государство внешней помощи. Мушарраф избрал первый вариант, но с главной ориентацией и опорой на внутренние ресурсы страны (как государственные, так и частные).

В декабре 1999 г. была провозглашена Программа экономических реформ, которая, как и реформы прежних лет, была составлена в рамках требований МБРР и МВФ. Основным аспектом политической части программы стала борьба с бедностью за счет расширения государственных субсидий и инвестиций в социальный сектор, а также введение широкой программы общественных работ. Показательно, что именно увеличение бюджетных ассигнований на борьбу с бедностью правительство Мушаррафа провозгласило своей главной стратегией – за счет сокращения прочих статей расходов (в частности, на оборону) и повышения налогообложения. В начале 2000 г. была принята Стратегия Пакистана по сокращению бедности (Pakistan's Poverty Reduction Strategy), рассчитанная на 2001–2004 гг.³², которая вначале была поддержана лишь МБРР. Главный международный донор согласился выделить 35 млрд. рупий для реализации этой Стратегии, из которых 15 млрд. рупий Пакистан получил уже в 1999–2000 ф.г.³³

После 11 сентября 2001 г. и вступления Пакистана в антиталибскую коалицию все вопросы об экономических санкциях против этой страны оказались забыты. В 2002–03 ф.г. Пакистан получил от МБРР 238 млн. долл. на борьбу с бедностью и 200 млн. долл. на дорожное строительство в сельской местности. В январе 2004 г. МБРР дал официальное согласие выделить Пакистану в качестве донорской помощи 800 млн. долл. непосредственно на борьбу с бедностью, а в случае строго целенаправленного использования выделенных средств увеличить оказываемую помощь в 2004–2005 гг. до 1 млрд. долл. В целом пакистанскую программу по борьбе с бедностью, помимо МБРР, высказали желание поддержать Япония, Германия, Франция, США, Великобритания, а также международные организации ЮНДП, МОТ, ЮНИСЕФ и др.³⁴

Параллельно с реализацией Стратегической программы по борьбе с бедностью правительство Мушаррафа продолжало осуществление программы сельского развития, нацеленной, как и в прежние годы, на улучшение социальной инфраструктуры (транспортная сеть, электрификация деревень, система образования и здравоохранения). В отличие от Стратегии борьбы с бедностью, сельское развитие осуществлялось в не столь крупных масштабах, однако целиком за счет внешней помощи. В 1999–2000 ф.г. на сельское развитие было выделено 3370 млн. рупий, из которых иностранная помощь составила 3348 млн. или 99%. Из этой суммы большая часть (3220 млн. рупий, включая 3210 млн. внешней помощи) была израсходована на дорожное строительство в сельской местности. Кроме того, 145,3 млн. рупий (138,6 млн. внешней помощи) было выделено на Комплексную программу развития округа Дир в СЗПП под руководством Управления по наркотическому контролю³⁵.

Аналогично в 2000–2001 ф.г. ассигнования непосредственно на сельское развитие должны были составить 2419,8 млн. рупий (включая 2387,6 млн. иностранной помощи), основным целевым направлением выделяемых ассигнований по-прежнему являлись сельские дороги. Ассигнования, выделяемые Управлению по наркотическому контролю для надзора за полями опийного мака в СЗПП, были увеличены до 182,9 млн. рупий (включая 173,6 млн. рупий иностранной помощи). Главными донорами сельского развития Пакистана в рамках этих целевых программ выступали АБР и Япония.

Особое значение в последние годы пакистанское правительство придавало Сельской программе социального развития северных территорий и Читрала, проводимой в 1991–2001 исключительно при благотворительной поддержке Фонда Ага-хана (Aga Khan Rural Support Program). Большие финансовые средства, выделяемые общественной организацией исмаилитов, позволили уже в течение 1991–1997 гг. поднять среднедушевой доход в этих отсталых горных районах на 55% и снизить черту бедности с 49 до 32%³⁶. (Напомним, что анало-

гичная благотворительная программа проводится Фондом Ага-хана в Горно-Бадахшанской АО Республики Таджикистан).

Показательно, однако, что в Экономическом Обзоре за 2002–03 ф.г. уже нет упоминания ни о Фонде Ага-хана, ни о программах сельского развития, спонсируемых АБР и Японией. Видимо, определенное развитие этих целевых программ продолжается в инерционном режиме, в то время как основное внимание в нынешней социально-экономической концепции пакистанского правительства уделяется исключительно широкомасштабной стратегии по борьбе с бедностью. Тем более, что главные международные доноры, в первую очередь МБРР, согласились ее активно поддержать.

Показательно также, что еще в ноябре 1991 г. лондонский «Экономист» отметил интересную закономерность: внешняя помощь, выделяемая Пакистану различными организациями и донорами, стремительно возрастает, как только к власти в этой стране приходят военные³⁷. Так было при М.Айюб-хане, точно так же произошло в годы правления М.Зия-уль-Хака; это касалось как общих объемов иностранной помощи, нацеленных на экономический рост Пакистана, так и абсолютного объема ассигнований, выделяемых непосредственно на развитие его сельских районов.

Прослеженные выше тенденции в изменениях объема, целевой ориентации и географической направленности международной помощи (равно как и современная геополитическая обстановка на Среднем Востоке) дают основания полагать, что Первез Мушарраф по праву становится третьим военным администратором, который сможет добиться значительного расширения финансовой и экономической помощи со стороны Запада для своего государства, в том числе и для его сельского развития.

¹ Подробное освещение динамики иностранной помощи Пакистану содержится в работах И.В.Жмуйды: *Внешнеэкономические связи Пакистана*. М., 1981; *Пакистан: Внутренние и внешние факторы экономического развития (70–80-е годы)*. М., 1988; *Иностранная помощь*. // *Энциклопедия Пакистана*. М., 1998, с. 430–434.

² *Economic Survey 2000–2001*. Government of Pakistan. Islamabad, 2001, с. 141–142.

³ *Economic Survey 2002–2003*. Government of Pakistan. Islamabad, 2003, с. 158.

⁴ Akhtar S.M. *Economic Development of Pakistan*. Vol. 2. Lahore, 1979, с. 573.

⁵ См.: Akhtar S.M. *Economic Development of Pakistan*. Vol.2., с. 578–579.

⁶ Там же, с. 578.

⁷ Там же, с. 579.

⁸ Qadeer M.A. *Evaluation of the Integrated Rural Development Programme*. – *Monographs in the Economics of Development*. Islamabad, 1977, № 19, с. 6–7.

- ⁹ Pakistan Economic Survey 1979–1980. Islamabad, 1980, с. 235, 242.
- ¹⁰ Weinbaum M.G. Food, Development and Politics hi the Middle East. Boulder, 1982. с. 140.
- ¹¹ Akhtar S.M. Economic Development of Pakistan, с. 584.
- ¹² Pakistan Agriculture. Karachi. Vol. VIII, N 2, February 1986, с. 16.
- ¹³ Pakistan Agriculture. Karachi, February 1986, с. 16, 19.
- ¹⁴ Strategies for Economic Growth and Development: the Bank's Role hi Pakistan. Manila, 1985.
- ¹⁵ Pakistan Agriculture. February 1986, с. 19.
- ¹⁶ Pakistan 1991. An Official Handbook, с. 121.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Pakistan Agriculture. February 1986, с. 24.
- ¹⁹ Pakistan 1991. An Official Handbook. Islamabad, 1991, с. 120.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же, с. 121.
- ²³ Special Development Plan for Baluchistan. Government of Pakistan. Islamabad, 1980; New Baluchistan. – The Muslim Special. Islamabad, 31.05.1981; Dawn, Karachi, 20.06.1982.
- ²⁴ The Muslim Special. 31.05.1981.
- ²⁵ The Muslim, 26.03.1982.
- ²⁶ The Muslim, 28.03.1982.
- ²⁷ Dawn, 20.06.1982.
- ²⁸ Подробнее см.: Жмуйда И.В. Региональные аспекты экономической политики в Пакистане. – М., 2001 (Рук. депонирована в ИНИОН), с. 37–42.
- ²⁹ Economic Survey 1999–2000. Government of Pakistan. Islamabad, 2000. с. 170.
- ³⁰ Economic Survey 1999–2000, с. 171, 173.
- ³¹ Dawn, 27.04.1998; 4.08.1998.
- ³² Подробнее см.: Жмуйда И.В., Морозова М.Ю. Борьба с бедностью в Пакистане: мифы и реальность // Ближний Восток и современность. Вып. 20. – М., 2004.
- ³³ One Year of the Government. October 1999 – October 2000. Report to the Nation. Islamabad, 2000. с. 21.
- ³⁴ Dawn, 13.01.2004.
- ³⁵ Economic Survey 1999–2000, с. 179.
- ³⁶ Economic Survey 1999–2000, с. 181.
- ³⁷ The Economist, vol. 321, № 7734, November 23d, 1991, с. 25–26.

**«ВЕСТЕРНИЗАЦИЯ», «ИСЛАМИЗАЦИЯ» ИЛИ ТРЕТИЙ ПУТЬ
РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В ПАКИСТАНЕ?**

Взаимозависимость, взаимовлияние государств мира находит проявление в различных областях, включая образование. Как показывает опыт Пакистана, становление и развитие его национальной системы просвещения сопровождалось рядом модификационных преобразований, включая ее «вестернизацию» и «исламизацию».

Следует отметить, что рождение здесь традиционной мусульманской системы образования, представленной теологическими учебными заведениями (мактаба, мадраса и дар ул-улум), связано с проникновением в VII–VIII вв. ислама на покоренные арабскими завоевателями северные территории Южной Азии (вошедшие впоследствии частично в состав современного Пакистана). Влияние на эту систему персо-исламской культуры, местного этноконфессионального плюрализма и индуистского просветительства способствовало приобретению образованием отдельных региональных особенностей в содержании и методах обучения. При этом система образования основывалась на педагогических традициях исламской культуры, на всеобщем социальном осознании значения просвещения как одного из главных инструментов распространения религиозных взглядов. Овладение знаниями и их распространение считалось одной из важнейших обязанностей правоверного мусульманина, поэтому каждый член мусульманской общины старался оказать посильную помощь, покровительство и поддержку развитию мусульманского просвещения. Такая концепция образования реализовывалась через сеть мечетей, выполнявших не только социологическую функцию единения мусульманской общины, но и просветительскую. Именно при мечетях стали возникать первые мусульманские учебные заведения. Они были доступны и бесплатны для всех мусульман независимо от их социального статуса, хотя и были ориентированы на мужское население, т.к. женщины традиционно из-за общественной изоляции получали образование на дому. И у мечетей, и у созданных при них конфессиональных школ имелась общая цель: воспитание членов мусульманской уммы, особенно подрастающего поколения, в духе ислама посредством вовлечения молодежи в систему исламских этических и правовых норм.

Включение индийских мусульман в систему отношений с индустриальным Западом в период колониального господства британцев (вторая половина XVII века – первая половина XX века) способствовало распространению характерных для Запада демократических институтов, «вестернизации» просвещения и ослаблению позиций традиционной мусульманской системы образования. Британцы, стоявшие на более высокой ступени развития по сравнению с коренным населением, способствовали изменению социокультурной жизни индийских мусульман и распространению среди них современных научных знаний в той степени, которая не расходилась с интересами колонизаторов, нуждавшихся в подготовке служащих местного управленческого аппарата, доступ в который был открыт в основном для знати. Их образовательная политика 1835 г. была обусловлена тем, что «великой целью британского правительства должно быть распространение европейской литературы и науки среди народов Индии, и все денежные средства, выделяемые на цели просвещения, должны использоваться только на образование английского типа»¹. Данной реформой просвещения был положен конец продолжительным дискуссиям, развернувшимся в 20-х – 30-х годах XIX века между двумя направлениями британских чиновников, ведавших вопросами просвещения в колониальной Индии: «англицистами», отстаивавшими распространение европейского образования посредством английского, и «ориенталистами», стремившимися сохранить обучение на персидском, санскрите или других местных языках. В докладной записке президента Главного комитета по просвещению Т.Б.Маколея, возглавлявшего группу «англицистов», традиционная индийская школа подвергалась резкой критике и указывалось на необходимость введения западно-европейской модели образования для укрепления британских порядков в Индии и создания прослойки посредников между англичанами и миллионами местных жителей, находившихся в их подчинении, «прослойки – индийской по крови и цвету кожи, но английской по вкусам, взглядам, морали и интеллекту»².

Колониальные власти в определенной степени преуспели в создании узкой прослойки «вестернизированной», европейски образованной элиты из числа местной знати через систему открывавшихся по образцу метрополии школ. Преподавание в них велось на английском языке, учебные программы не отражали ни истории, ни культуры, ни быта коренного населения, а акцент в них делался на изучении истории, географии и литературы Англии. Содержание образования как в средней, так и в высшей школе было гуманитарным, оторванным от жизни. Естественным и точным дисциплинам не уделялось должного внимания. В 1936 г. лишь 5% ассигнований на просвещение расходовалось на профессиональные и технические школы³.

«Вестернизация» просвещения, насаждаемая британскими властями, носила ограниченный характер и не затрагивала широких слоев

местного населения, которое из-за закрытия и исчезновения собственных школ оказалось фактически отчужденным от образования. Привнесенная извне школа европейского типа была чужеродной для индийских мусульман, не отвечала их религиозным, социально-культурным традициям и потребностям, нуждалась в серьезной адаптации к местным реалиям, учете традиционного педагогического опыта.

В какой-то мере это нашло отражение в Законе о народном образовании, принятом британскими властями в 1854 г., где указывалось на необходимость реорганизации туземных школ для ознакомления широких слоев населения с европейскими знаниями посредством местных языков. Вносилось предложение о развитии женского образования, создании сети высших учебных заведений, провозглашался курс на секуляризацию образования путем запрета преподавания религии в правительственных учебных заведениях и невмешательства в религиозное обучение и воспитание в частных школах⁴.

Сложившаяся в результате образовательных реформ британских властей (1835–1854 гг.) частично видоизмененная английская система образования включала школы разных типов, неравноценные между собой: 1) начальная школа (1–4 классы) с обучением на местном языке и 2) неполная средняя школа (5–8 классы) с обучением на местном языке; 3) неполная средняя школа (1–8 классы) с обучением на английском языке, полная средняя школа (9–10 классы) с обучением на английском языке; 4) высшие учебные заведения с обучением на английском языке. Она не претерпела в дальнейшем значительных структурных изменений и продолжает функционировать в современном Пакистане.

Во многом это обусловлено тем, что с обретением независимости в 1947 г. Пакистан в силу ряда внешних и внутренних обстоятельств, связанных с необходимостью укрепления своих экономических и оборонных позиций, избрал геополитическую ориентацию на западные страны, на стратегический союз с США, ожидая от них всесторонней помощи и гарантий защищенности от соседней Индии, с которой Пакистан пребывал в постоянном конфликте. В связи с этим инерция «вестернизации» всех сфер жизнедеятельности пакистанского общества, включая и просвещение, сохранилась вплоть до второй половины 70-х годов XX столетия. Хотя содержание обучения подверглось значительному обновлению путем включения в него этнонациональных и религиозно-культурных компонентов с тем, чтобы «привести образовательную политику в соответствие с духом ... народа, его историей и культурой, а также с современными процессами ускоренного развития стран мира»⁵

С приходом в стране к власти военных во главе с генералом Зия уль-Хаком (1977–1988) и усилением в мире фактора солидарности исламских государств модернистские подходы, заложенные еще исламскими реформаторами С.А.Ханом (1817–1898) и М.Ик-

балом (1877–1938), в разработке концепции национальной школы уступили место традиционалистским, отражавшим идейные взгляды А.А.Маудуди (1903–1979), который выступал за отказ от западного педагогического опыта, за возврат к мусульманским корням и распространение исламских ценностей. Показательно, например, что современная трактовка джихада как войны с неверными во имя торжества ислама напрямую связана с его книгой «Джихад в исламе» (1930), где джихад рассматривается в качестве одной из главных обязанностей каждого мусульманина, стремящегося к духовному самосовершенствованию, и решение об участии в нем принимается самим правоверным, а не государством.

Идеи исламского вероучения в их жесткой ортодоксальной интерпретации были положены в основу политики «исламизации» системы образования в Пакистане, предпринятой правительством Зия уль-Хака. На основе одобренной в 1978 г. новой национальной политики в области образования в стране был создан государственный Комитет по исламизации просвещения с целью развития и формирования у молодого поколения в соответствии с положениями Корана и Сунны характера, поведения и образа жизни, достойных правоверного мусульманина⁶. Данная образовательная реформа предусматривала пересмотр учебников и учебных планов общеобразовательной и высших школ на основе исламской идеологии, а также возрождение традиционной мусульманской системы просвещения⁷. «Исламизация» образования сопровождалась резким ростом количества теологических учебных заведений. Так, если в 1974 г. религиозные школы составляли 18% от общего числа учебных заведений, функционировавших в стране, то к концу 1983 г. их количество возросло до 40%, а в Северо-Западной пограничной провинции – до 70% от общего числа школ⁸.

При этом в результате учреждения многочисленными религиозно-политическими партиями и группировками подконтрольных им теологических учебных заведений произошла политизация традиционной мусульманской системы образования, что привело к распространению среди учащихся идей религиозной нетерпимости, насилия, к превознесению культа «джихада», как основного средства достижения торжества ислама в мире. Большинство религиозных семинарий, приобретающих экстремистскую направленность, превратилось в питомники по воспитанию солдат джихада, выступивших первоначально против советских войск в Афганистане и их афганских сторонников, затем против индусов в Кашмире, а также против мусульман других мазхабов и немусульманских меньшинств в самом Пакистане. Таким образом, была заложена основа современной индустрии «джихада», где основное место отводилось молодежи. Так, по данным индийских источников, около 40% боевиков, действующих на территории Кашмира, – это пакистанцы и афганцы, из которых молодежь подростко-

вого и юношеского возраста составляет 80%⁹. Теологические учебные заведения экстремистской направленности поставляли необходимые кадры, которые кроме ремесла джихада больше ничего не умели и ничего не знали. Эта непрерывно продолжающаяся почти 30 лет война с неверными стала для многих из них единственным смыслом жизни и источником существования. По признанию руководства джихадистских группировок, месячный доход боевика составляет до 15 тыс. рупий, что в семь раз превышает среднюю заработную плату пакистанца¹⁰. Помимо этого выплачиваются денежные вознаграждения за удачно выполненные операции, а также материальные компенсации семьям погибших в них боевиков. Например, джихадистские группировки получают до 60 тыс. рупий за каждого убитого в Кашмире боевика. Из них 15–20 тыс. рупий передается семье погибшего мученика за веру, а остальные оседают в карманах их руководителей¹¹.

Следует отметить, что эта джихадистская индустрия никогда не ощущала нехватки в инвесторах. Так, на поддержку сопротивления советским войскам в Афганистане США и Саудовская Аравия направили в 1986–1989 гг. в Пакистан и Афганистан до 3,5 млрд. долл.¹² Крупные инвестиции поступают также из стран Персидского залива, от самих преуспевающих пакистанцев и пакистанской диаспоры, проживающей за рубежом. Без перекрытия каналов этих денежных вливаний приостановить ее работу в ближайшем будущем будет невозможно.

После событий 11 сентября 2001 г. и начала антитеррористической операции в Афганистане руководство США было вынуждено вкладывать инвестиции теперь уже на погашение когда-то подпитываемого им самим очага джихадистской индустрии, представленного пакистанскими религиозными учебными заведениями экстремистского толка. По разным оценкам, в стране в настоящее время функционирует по меньшей мере 40–50 тыс. религиозных школ, в которых обучается до 2 млн. учащихся. Из них около 200 тыс. учеников наряду с религиозным обучением получили и военную подготовку. Практически их количество составляет одну треть вооруженных сил пакистанской армии, насчитывающих до 600 тыс. солдат и офицеров¹³. Создание и неконтролируемый рост подобной параллельной военизированной структуры может привести к опасным последствиям не только для самого Пакистана, но и для всего южноазиатского региона и мира в целом.

Неудивительно поэтому, что предпринятая в стране реформа традиционной мусульманской системы образования (2001) направлена на осуществление контроля со стороны государства за учебной и финансовой деятельностью религиозных учебных заведений, на их плавную интеграцию в общий круг школ. Она рассматривается в качестве составной части антитеррористической борьбы пакистанского государства, осуществляемой под руководством США. О приоритет-

ной роли образования в этом направлении свидетельствует недавний визит в Вашингтон (ноябрь 2003 г.) министра просвещения Пакистана З.Джалал, в ходе которого состоялись ее знаковые встречи с помощником президента США по национальной безопасности К.Раис, заместителем госсекретаря по обороне П.Вульфовитцем, помощником госсекретаря по Южноазиатскому региону К.Рокка и членами Конгресса США. Говоря о результатах проводимой в Пакистане реформы религиозного образования, она, в частности, отметила, что за прошедшие два года в стране прошли государственную регистрацию около 1200 религиозных школ. Помимо этого государством планируется в течение последующих трех лет включить в общеобразовательный поток до 3 тыс. религиозных учебных заведений начального, среднего и высшего звеньев обучения. На эти цели выделяется 100 млн. долл. Одновременно З.Джалал пыталась заверить американскую сторону в том, что только 2–3% религиозных школ используются в качестве центров по подготовке и рекрутированию добровольцев для пополнения рядов различных военизированных группировок, на чьи средства они и содержатся. При их выявлении подобные учебные заведения подлежат закрытию¹⁴. Между тем афганское руководство в лице президента страны Х.Карзая и министра иностранных дел А.Абдуллы призывают Пакистан к более решительным и эффективным мерам в этом направлении, т.к., по их данным, в западных приграничных районах Пакистана полным ходом идет перегруппировка талибских сил и их пополнение за счет учащихся подобных религиозных школ с целью проведения военных операций против Афганистана¹⁵.

Обеспокоенность по этому поводу выражается также со стороны США и их западных союзников по антитеррористической коалиции, рассматривающих необходимость модернизации национальной системы образования Пакистана, включая и ее традиционные просветительские институты как неотъемлемую часть борьбы с религиозным экстремизмом и исламским радикализмом. Только за истекший 2003 г. Пакистаном были заключены 15 соглашений с 9 зарубежными государствами об оказании стране финансовой помощи в развитии образования на общую сумму в 1,3 млрд. долларов, что составляет 76% от государственных ассигнований в этой области (1,7 млрд. долларов), заложенных в бюджете страны на 2003–2004 финансовый год. Но даже такое удвоение финансирования вряд ли сможет привести к радикальному и скорому улучшению ситуации в образовательной сфере, оказавшейся под давлением многочисленных внутренних и внешних факторов в глубоком кризисе. По уровню развития образования Пакистан занимает 160-е место из 175 стран мира и 144-е – по уровню развития человеческих ресурсов¹⁶.

Кроме того, помощь внешних доноров вызывает неоднозначную реакцию в пакистанском обществе, где исламистски настроенные силы

видят в этой кампании попытку идеологической экспансии Запада, направленной против ислама и исламского мира в целом. Они подвергают резкой критике «проамериканский курс» президента П.Мушаррафа, который в своем обращении к парламенту страны провозгласил «джихад» экстремизму с целью создания «умеренного, процветающего исламского государства»¹⁷.

Существующая сегодня в стране система образования не способствует построению государства подобного типа, т.к. она закрепляет социальное неравенство пакистанских граждан, ведет к поляризации общества, конфликтности и напряженности между «вестернизированной» модернизированной элитой и широкими массами ортодоксально настроенных пакистанцев при отсутствии значительной прослойки среднего класса, цементирующей фундамент любого демократического общества. Эта тема поднималась в беседе автора данной статьи с Принцем Майклом Кентским во время его визита в Москву (март 2004 г.), чья страна в свое время способствовала формированию пакистанской системы образования по образцу метрополии без учета местной педагогической теории и практики. Но, как показывает опыт Пакистана, чисто западная или чисто традиционная мусульманская модель просвещения в современных условиях глобализации, взаимозависимости и взаимовлияния государств мира не оправдывают себя. Необходим третий путь в развитии системы образования по направлению их взаимного сближения с целью создания интегрированной модели обучения и воспитания, сочетающей в себе положительный опыт традиционного мусульманского просвещения с достижениями мировой педагогической науки и практики. Такая образовательная модель поликультурного характера сможет предотвратить в дальнейшем конфликты и столкновения как на страновом и региональном, так и на мировом уровнях.

¹ Zaman U.S. Banners Unfurled. A Critical Analysis of Developments in Education in Pakistan. Karachi: Royal Book Company, 1981, с. 115.

² Paranjpe M.K. Progress of Education. – Poona, 1941, с. 38.

³ Pakistan Quarterly. – Karachi, 1966, vol. XIII, № 4, с. 25.

⁴ Nurullah S., Naik J.P. A Students' History of Education in India (1880–1947). – Bombay etc.: Mac. Millan and Co. Ltd., 1951, с. 120.

⁵ Quaid -i- Azam Mohammad Ali Jinnah. Speeches as Governor-General of Pakistan 1947–1948. Karachi, 1962, с. 36.

⁶ Zaman U.S. Ibidem ... – с. 245.

⁷ Подробнее об «исламизации» образования в Пакистане см.: Серенко И.Н. Традиционализм и модернизм пакистанского образования//Ближний Восток и современность. Вып. 19. – М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2003, с. 235–244.

⁸ The News. Islamabad, 21.03.2004, с. 2.

⁹ Defence Journal. Islamabad, February 2003, с. 2.

- ¹⁰ Ibidem ... – c. 72.
- ¹¹ The Future of Pakistan. International Centre for Peace Initiatives. Mumbai: ISBN, 2002. – c. 52.
- ¹² Defence Journal. Ibidem... – c. 73.
- ¹³ The Future of Pakistan. Ibidem... – c. 51.
- ¹⁴ David R. Sands. Effort to rein in madrassas begun. – The Washington Times // [www. Washtimes.com/world/2003_11.06](http://www.Washtimes.com/world/2003_11.06); The News. Islamabad, 08.11.2003, c. 12.
- ¹⁵ The News. Islamabad, 08.01.2004, c. 1.
- ¹⁶ Dawn. Karachi, 22.03.2004, c. 15.
- ¹⁷ Dawn. Karachi, 18.01.2004, c. 1.

К ВОПРОСУ ОБ ОБСТАНОВКЕ В АФГАНИСТАНЕ (январь–апрель 2004 г.)

4 января 2004 г. завершила работу всеафганская ассамблея (Лоя джирга), которая утвердила новую конституцию страны и определила правовые основы будущего государственного устройства.

Всеобщие выборы 2004 г. должны завершить переходный этап становления афганской государственности. Лоя джирга проходила в атмосфере серьезного противоборства между клерикалами-сторонниками теократического государственного устройства, среди которых преобладали ветераны борьбы против режима талибов, а также прозападными элементами администрации Х.Карзая. Вновь остро проявились этнические противоречия. В результате трехнедельных дебатов был принят компромиссный вариант конституции, предусматривающий президентскую форму правления с двумя постами вице-президентов и двухпалатным парламентом. Официальными государственными языками объявлены пушту и дари, а узбекский, туркменский и другие – официальными в зонах компактного проживания их носителей. Период от принятия Конституции до выборов в парламент считается переходным. До его окончания полномочия парламента делегированы правительству. Ислам принят в качестве государственной религии Афганистана, а после парламентских выборов 2004 г. страна будет иметь название Исламская Республика Афганистан.

Общая ситуация в Афганистане продолжает оставаться напряженной, возросла активность подрывной деятельности перегруппировавшихся талибов и прочих экстремистских сил против правительственной армии и иностранных контингентов войск. В результате терактов и вооруженных столкновений гибнут сотрудники международных гуманитарных организаций и мирные жители.

21 марта 2004 г. в Герате в результате теракта был убит министр гражданской авиации и туризма Афганистана, сын губернатора провинции Исмаил Хана М. Садек. Последовавшая за этим вспышка массовых беспорядков привела к гибели свыше 100 человек. Непокойная обстановка в провинциях Фарьяб и Дайкунди. 25 апреля афганская полиция объявила о задержании человека, подозреваемого в попытке покушения на президента Х.Карзая.

В афганской глубинке, особенно в приграничье с Пакистаном сохраняются небольшие учебные лагеря террористов, регулярно меняющие свое местонахождение. Исламские экстремисты плотно взаимодействуют с рядом иностранных спецслужб, в первую оче-

редь пакистанских. Талибы ведут интенсивный набор молодежи в свои отряды и продолжают поиск союзников за рубежом, делая ставку на радикальных клерикалов Пакистана и ряда арабских государств в расчете на их военную и финансовую помощь. Экстремистским силам периодически удается захватывать и в течение длительного времени удерживать значительные территории. В операциях участвуют иностранные боевики «Аль-Каиды» – арабы, чеченцы и пакистанцы.

Активизируются обстрелы баз международной антитеррористической коалиции, которая в настоящее время насчитывает порядка 13 тыс. военнослужащих США и их союзников. Невысока результативность периодических спецопераций коалиционных сил (КС) по поиску и уничтожению в южных и восточных провинциях страны боевых групп талибов и «Аль-Каиды», а также лабораторий, где производятся наркотики, контрабанда которых служит им финансовой подпиткой.

В целом практически пассивной остается роль развернутых в Кабуле по решению СБ ООН Международных сил содействия безопасности (МССБ) общей численностью порядка 5500 чел., руководство которыми с августа 2003 г. перешло к НАТО (до этого руководство миротворческими силами последовательно осуществляли Великобритания, Турция, Германия, Нидерланды). В октябре 2003 г. СБ ООН принял резолюцию 1510, санкционирующую расширение мандата действий МССБ за пределы Кабула. Рассматривается возможность направления контингентов МССБ в 8 городов, что потребует наращивания личного состава этих сил до 10 тыс. человек. 9 февраля 2004 г. в рамках НАТО прошла передача командования МССБ. Новым главнокомандующим вместо генерал-лейтенанта германской армии Г.Глимерота назначен генерал-лейтенант ВС Канады Р.Хиллер.

В ряде районов Афганистана развернуты так называемые Провинциальные восстановительные команды (ПВК) (в Балхе, Мазари-Шарифе, Бамиане, Пактии, Кундузе, Герате, Кандагаре, Газни, Парване, Нангархаре, Кунаре, Заболе и Хосте). Ранее ПВК отводилась роль своеобразного придатка Коалиционных сил. Ныне, как видится, американцы обозначают готовность учесть пожелания ооновцев и на деле придать командам экономические функции. Это укладывается и в рамки общих изменений стратегии США в Афганистане с переносом акцента с военных действий на восстановление страны. В перспективе планируется довести число команд до 22. Некоторые из них будут переименованы в «Провинциальные стабилизационные команды» (ПСК). В их организации, по-видимому, примут участие контингенты Германии, Франции, Испании, Италии, Швеции, Норвегии, Финляндии и стран Бенилюкса. В международном сообществе существуют опасения, связанные с тем, что появление ПВК в афганских

провинциях, особенно в зоне расселения пуштунских племен, где продолжают военные действия между коалиционными силами и талибами, может вызвать осложнение военно-политической обстановки.

Касаюсь положения в афганском руководстве, нельзя не заметить его определенной напряженности, вызванной, как видится, стремлением пуштунского окружения Х.Карзая обеспечить себе большинство важных постов, объясняя это задачами установления в аппарате управления этнического баланса. В частности, Х.Карзай подписал указ о перестановках в министерстве обороны Афганистана, в соответствии с которым практически заменено более половины высшего руководящего звена министерства за счет увеличения представительства прежде всего пуштунов, а также хазарейцев, узбеков и вытеснения таджиков. Параллельно кабульское правительство при содействии международного сообщества приступило к реализации программы по разоружению членов иррегулярных вооруженных формирований, подчиняющихся местным полевым командирам, и реинтеграции их в мирную жизнь. Программа рассчитана на три года: один – на разоружение (до 100 тыс. человек) и два – на возвращение к мирной жизни.

Сложная обстановка сохраняется и в провинциях. На севере Афганистана периодически вспыхивают вооруженные столкновения на этнической почве (между отрядами узбекского лидера А.Р.Достума, таджика А.Мохаммада и хазарейца М. Мохаккека). На западе и востоке страны постоянно происходят междоусобицы, в основе которых лежат борьба местных авторитетов за влияние и их нежелание подчиняться центральным властям. Провинциальные авторитеты продолжают сохранять доходы, получаемые от таможенных и иных сборов, не пересылая их в центр.

Экономика страны практически полностью зависит от внешней помощи. Вместе с тем поступающие донорские средства на восстановление страны осваиваются крайне неэффективно. Значительная их часть уходит на зарплату афганским чиновникам и сотрудникам иностранных неправительственных организаций. Некоторое оживление наблюдается лишь в деятельности мелких частных предпринимателей в сфере торговли.

В крайне сложном положении остается сельское хозяйство, которое преимущественно ориентировано на наркопроизводство. Предпринимаемые властями меры по борьбе с наркоиндустрией ощутимых результатов пока не дают. Не сокращаются площади наркосею и урожаев с маковых плантаций. Постоянные попытки транспортировки наркотиков за пределы Афганистана заставляют международное сообщество обращать на эту проблему повышенное внимание. Так, 8–9 февраля 2004 г. в Кабуле состоялась международная конференция, призванная сконцентрировать и скореллиро-

вать усилия внешнеполитических партнеров Афганистана на антинаркотическом направлении.

По-прежнему остро стоит проблема приема и обустройства возвращающихся беженцев. Выделяемых на эти цели средств недостаточно. Неустроенность репатриантов является дополнительным фактором социальной напряженности, в связи с чем власти вынуждены ограничивать процесс их возвращения на родину.

В целом постконституционный период развития внутренней обстановки в Афганистане характеризуется нарастающей угрозой безопасности как со стороны талибов и других экстремистских группировок, так и в связи с усилением политической борьбы в преддверии всеобщих выборов, вызванной этническими и идеологическими разногласиями, а также на религиозной почве.

ОБ ОКАЗАНИИ ИНОСТРАННОЙ
ФИНАНСОВОЙ И ИНОЙ ПОМОЩИ
ПО ВОССТАНОВЛЕНИЮ ЭКОНОМИКИ АФГАНИСТАНА*

Оказание финансовой и иной помощи восстановлению афганской экономики странами Запада осуществляется в соответствии с решениями международной конференции в Токио (январь 2002 г.). После ее завершения была создана Группа по осуществлению проектов восстановления Афганистана (ГПВА), ныне функционирующая в Кабуле под руководством Переходной Администрации с участием представителей Программы развития ООН (ПРООН), Всемирного банка, Азиатского банка развития. Группа обеспечивает взаимодействие кабульской администрации с донорами, подразделениями системы ООН, гуманитарными агентствами, неправительственными организациями и деловыми кругами. Основная роль в мобилизации донорского содействия Афганистану принадлежит Тростовому фонду восстановления Афганистана, учрежденному также после Токийской конференции при содействии Всемирного банка, ПРООН и Азиатского банка развития. Средства Фонда расходуются на оплату текущих военных бюджетных расходов афганского правительства – выплату жалования государственным служащим, подготовку технико-экономических обоснований сельскохозяйственных проектов, восстановление инфраструктуры, социальной сферы, включая краткосрочные проекты, оплату расходов по возвращению из-за рубежа и интеграцию специалистов, в прошлом покинувших страну и т.п.

Нерешенность вопросов, связанных с практическим механизмом финансирования реабилитационных программ, и многое другое задержало начало работы Фонда. Поэтому некоторые доноры, в том числе США, предпочли осуществлять помощь на двусторонней основе.

Основным источником финансовой, экономической, военно-технической и иных видов и форм помощи являются США. Напомним в этой связи, что американское посольство во главе с П.Финном возобновило свою работу в Кабуле 16 декабря 2001 г.** Делегация США во главе с К.Пауэллом и министром финансов П.О'Нилом участвовала в Токийской конференции, где было заявлено о выделении Афганистану 296 млн. долларов. В январе 2002 г. в Кабуле состоялись переговоры К.Пауэлла с Х.Карзаем, в сентябре 2002 г. в Нью-Йорке

* Об оказании финансовой помощи Афганистану со стороны России см. статью Туткова Ю.А.

** В декабре 2003 г. в преддверии Лояя Джирги послом был назначен Спецпредставитель Дж.Буша в Афганистане – З.Халилзад.

произошла его встреча с Дж. Бушем, через год в 2003 г. Афганистан посетил министр обороны США Д. Рамсфелд. К сентябрю 2002 г. США превысили предоставление заявленной ранее суммы, выделив около 580 млн. долл., а в 2003 г. около 1 млрд. долл. К тому же осенью 2002 г. Конгресс США принял Акт Поддержки Свободы в Афганистане, предусматривавший выделение с 2003 г. на четырехлетний период помощи в объеме 3,3 млрд. долл. (по 625 млн. долл. в год) и 1 млрд. на создание международных сил содействия безопасности (МССБ) в 2003–2004 гг. Кроме того, по оценкам зарубежных экспертов, Соединенным Штатам приходится ежемесячно затрачивать порядка 1 млрд. долларов на военные операции в Афганистане и 25 млн. на гуманитарную помощь.

Осенью 2002 г. было объявлено о начале реализации США совместно с Японией и Саудовской Аравией программы строительства дорог, связывающих Кабул с провинциями Пактия и Кандагар, и выделении американцами 80 млн. долл. на эти цели (Япония и Саудовская Аравия предоставили по 50 млн.) сверх обязательств, объявленных в январе 2002 г. в Токио.

Ряд соглашений – по транзиту, торгово-экономическому сотрудничеству, включая вопросы о предоставлении режима наибольшего благоприятствования, были подписаны в течение 2002 г. Предоставление преференций со стороны США, как открыто сообщали в Афганистане, не оказало сколько-нибудь серьезного влияния на расширение объемов товарооборота из-за ограниченности номенклатуры афганского экспорта, практически состоящего из предметов традиционного афганского производства.

В 2003 г. на цели содействия формированию национальной армии страны распоряжением Дж. Буша было выделено 135 млн. долларов из утвержденного конгрессом США пакета дополнительных ассигнований на борьбу с терроризмом.

Из других западных стран вложения на восстановление афганской экономики сделали Великобритания, Германия, Евросоюз, а также Япония.

Великобритания, по имеющимся данным, с января 2002 г. по март 2003 г. выделила 150 млн. долларов, которые были затрачены на поддержку афганского национального бюджета, банковской системы, небольшие по масштабам проекты восстановления экономики, координацию работ доноров, ООН, других организаций, строительство таможенных объектов на границе Афганистана с Таджикистаном и Туркменией.

Объем помощи Германии к концу 2003 г. составил 228 млн. евро, использованных на восстановление систем ЛЭП, водоснабжения, школ, больниц, ремонт городских дорог, помощь беженцам. Весьма важным представляется то, что примерно 26 млн. евро пошли на создание в стране полиции, в чем Германия играет ведущую роль.

Японская помощь в целом за 2002–2003 годы составила 360 млн. долларов, которые пошли на финансирование ряда объектов – строительство дорог, электростанций, небольших текстильных предприятий. Кроме того, Япония выделила 35 млн. долларов на реализацию принятой в феврале 2003 г. на токийской конференции программы «Разоружение, Демобилизация и Реинтеграция экс-комбатантов».

После ликвидации режима талибов в Афганистане афганское направление стало одним из центральных по внешнеполитической деятельности Евросоюза. Об этом, в частности, свидетельствует введение поста специального представителя ЕС по Афганистану и назначение на этот пост голландца П.Клайбера. С начала 2002 г. в Кабуле помимо Представительства Европейской комиссии стали функционировать офисы Спецпредставителя ЕС и Гуманитарной программы Европейских сообществ (ЕЧНО).

Осенью 2001 г. Евросоюз начал оказывать Афганистану экономическую помощь. Ее выделение оговорено соблюдением администрацией Х.Карзая нескольких условий. Так, Кабул должен:

- стремиться к обеспечению стабильности политической ситуации в стране;

- предпринимать усилия, направленные на сокращение нищеты, в том числе, путем восстановления нормальной жизни в сельских районах;

- улучшать продовольственное положение;

- прилагать усилия для решения таких ключевых проблем, как разминирование территории, возвращение беженцев, сокращение производства опионого мака;

- предпринимать меры по улучшению положения женщин.

Только за 4 месяца 2001 г., т.е. с сентября до конца года, ЕС выделил Афганистану примерно 67 млн. евро. В конце июня 2002 г. пост специального представителя ЕС в Кабуле занял испанский дипломат Ф.Вендрелл. В этом же году афганскую столицу посетил комиссар ЕС по вопросам внешней политики К.Паттен. Всего в течение 2002 г. сумма помощи Афганистану достигла 680 млн. долл., из них из бюджета ЕС было ассигновано и перечислено 275 евро, 70 млн. евро из которых выделено по линии ЕЧНО. На эти средства осуществлялось финансирование госбюджета Афганистана, проводились разминирование, очистка улиц основных городов страны, профинансировано функционирование 450 начальных школ и около 30 больниц. Средства Гуманитарной программы ЕС были использованы на приобретение и бесплатную раздачу семян и продовольствия населению сельских районов, доставку питьевой воды в города, а также на программы помощи сиротам и беженцам, проживающим в Иране и Пакистане.

В 2003 г. сумма взятых Евросоюзом обязательств на помощь Афганистану превысила 835 млн. евро, из которых около 300 млн. евро было выделено Еврокомиссией. Тогда же начались работы по

реконструкции в полном объеме дороги, связывающей Кабул с Джелалабадом, проходящей по горной местности; одновременно продолжается восстановление ирригационных систем и разминирование. Предоставленные ЕСНО 127 млн. евро были использованы на расходы, связанные с возвращением в 2002–2003 гг. беженцев. Кроме того, в 2003 г. Еврокомиссия выделила еще 9 млн. евро на содействие альтернативным источникам существования в восточных регионах страны, 3 млн. евро – на укрепление контроля на афгано-иранской границе в целях предотвращения контрабандных путей переправки наркотиков, а также 65,5 млн. евро – на поддержание действий по обеспечению правопорядка на всей территории страны. В конце 2003 г. на поддержку полиции была выделена дополнительная сумма в размере 50 млн. евро. 100 млн. евро, предназначенные на расходы по развитию сельского хозяйства в 2003–2004 гг., предполагается направить на содействие долгосрочному трудоустройству лиц, вовлеченных ныне в производство опиатов.

Помимо предоставления средств непосредственно из своего бюджета Евросоюз предпринимает активные шаги по привлечению в Афганистан донорских средств из других источников. Именно с этой целью летом 2003 г. упоминавшийся выше К.Паттен направлял соответствующие послания главам внешнеэкономических ведомств пятнадцати стран-членов ЕС и в ведущие мировые государства, призывая их не сокращать объемы помощи Кабулу и выполнять взятые ими на себя на Токийской конференции обязательства. Кроме того, в выступлении на сессии Европарламента 12 февраля 2004 г. К.Паттен проводил мысль о том, что Афганистан должен оставаться приоритетным направлением деятельности Евросоюза. Им также была весьма позитивно отмечена вовлеченность стран-членов ЕС в формирование и работу Провинциальных восстановительных команд – ПВК и поддержка МССБ (Международных сил содействия безопасности Афганистана). При этом он высоко оценил роль Великобритании, Франции, Германии и Италии в содействии афганскому правительству по созданию эффективной армии, полиции, судебной системы и имплементации действенной антинаркотической политики.

Помимо Евросоюза и отдельных стран Запада содействие восстановлению экономики Афганистана оказывается и по линии крупных банков, в частности, таких как Всемирный банк. По имеющимся данным, в марте 2003 г. Банк объявил о предоставлении Афганистиму беспроцентного кредита в 108 млн. долларов на 40 лет (с 10-летней отсрочкой начала погашения) на транспортные нужды, в частности, на ремонт дорог и реконструкцию международного аэропорта Кабула. В начале октября 2003 г. руководство этого Банка одобрило и выделение Афганистану кредита в 2 млн. долларов на расширение телефонных и почтовых коммуникаций, а также на улучшение связи между Кабулом и провинциями.

В июне 2003 г. АзБР объявил о том, что планирует предоставить 610 млн. долл. помощи Афганистану в течение 2003–2005 гг., 580 млн. долл. из которых будет выделено в виде льготных кредитов, 30 млн. долл. – в виде грантов.

Что касается азиатских государств, то следует, видимо, отметить, что и с их стороны выделяются большие или меньшие суммы на восстановление Афганистана.

Индия, например, основное внимание сосредоточила на использовании выделяемых ею средств на становление государственного аппарата, образование, здравоохранение, гражданскую авиацию, информационные технологии, общественный транспорт и сельское хозяйство. На эти цели правительство Дели предоставило наличными 10 млн. долл., передало 3 гражданских самолета «Аэробус», 25 пассажирских автобусов. В 2002–2003 гг. Индия направила 100 млн. долл. в качестве прямой поддержки афганского бюджета. Индия и Иран достигли договоренности о строительстве автодороги из иранского порта Чабакхар до соединения ее с автомагистралью Кабул–Кандагар–Герат. К тому же индийские фирмы заявили о готовности построить 250-километровую дорогу Деларам-Зарандж вдоль афгано-иранской границы.

Иран еще в Токио заявил о выделении 560 млн. долл. в качестве помощи Афганистану на 5 лет. В 2002 г. из этой суммы было освоено порядка 10 млн. долл. С апреля 2003 г. правительство ИРИ начало поставку электроэнергии в Герат по ценам ниже себестоимости. Иран ведет также строительство дороги Герат-Догарун (125 км), стоимость проекта – 50 млн. долл.

О намерении оказать помощь в восстановлении экономики Афганистана высказывались и другие азиатские страны. Например, **ОАЭ** обещали выделить в общей сложности 1 млрд. долл. Однако говорить о практическом выполнении этих обязательств пока преждевременно.

Руководство **КНР** заявило о выделении на восстановление Афганистана 150 млн. долларов в течение 5 лет, а также объявило о списании предыдущих афганских долгов. При содействии Пекина строятся больницы в Кабуле и Кандагаре, восстанавливается ирригационный комплекс в Парване.

Южная Корея также вносит свой вклад в строительство больниц, самая крупная из которых – госпиталь «Авиценна». Подписано соглашение и о строительстве корейско-афганского колледжа, имеющего 6 факультетов, где будут обучаться 600 студентов (стоимость проекта 5 млн. долл.).

Некоторую активность проявляют и среднеазиатские государства СНГ, в частности, Узбекистан и Туркмения.

Узбекистан оказывает экономическое содействие Афганистану на коммерческой основе: в северные провинции Афганистана осуществляются поставки электроэнергии. К концу 2003 г. было восста-

новлено 11 мостов на участке шоссе Доши–Кабул. Стоимость проекта – 1,1 млн. долл. Узбекская субподрядная фирма совместно с турецкой компанией ведет работы по реконструкции туннеля «Саланг».

Туркменистан ведет работы по восстановлению ЛЭП в афганских провинциях Фарьяб и Балх. Помимо электроэнергии Туркменистан поставляет в Афганистан по льготным ценам дизтопливо и бензин. Туркменистан, Афганистан и Пакистан при финансовом участии Азиатского банка развития (АзБР) сотрудничают в продвигаемом американцами проекте строительства Трансафганского газопровода протяженностью порядка 1500 км, который берет начало от туркменского месторождения Даулатабад. Стоимость проекта оценивается в 3 млрд. долл.

Всего, по данным на конец 2003 года, международным сообществом на восстановление Афганистана выделено порядка 2,98 млрд. долларов. Однако освоение этих средств идет пока крайне медленно, причинами чего являются сохраняющаяся военно-политическая нестабильность в стране, неотлаженность работы афганских государственных и экономических структур, нецелевое использование предоставляемых средств, коррупция.